ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ ЛЕОНИДОВНА

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Специальность 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук, профессор
Геннадий Михайлович Федоров

Калининград – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4
Глава 1 Понятие «эффекта колеи» и его применимость в экономико-географических исследованиях 13
1.1 Понятие «эффекта колеи» 13
1.2 Эволюционная экономика и концепция «эффекта колеи» 15
1.3 Эволюционная экономическая география и концепция «эффекта колеи» 19
Глава 2 «Эффект колеи» в процессе эволюции территориальной структуры хозяйства Калининградской области (ретроспективный анализ) 40
2.1 Факторы «эффекта колеи» в развитии региона 40
2.2 Периоды и этапы развития экономики Калининградской области 45
2.2.1 Периодизация развития экономики региона 45
2.2.2 Советский период развития экономики Калининградской области 51
2.2.3 Постсоветский период развития экономики Калининградской области 57
2.3 Роль факторов «эффекта колеи» в эволюции территориальной структуры хозяйства Калининградской области 67
2.4 Роль механизма Особой (свободной) экономической зоны в развитии региона и его влияние на «эффект колеи» 79
Глава 3 Реструктуризация экономики Калининградской области и роль «эффекта колеи» в современных условиях 90
3.1 Актуальность реструктуризации экономики Калининградской области 90

3.2 «Эффект колеи» и возможные сценарии преодоления сложившейся траектории развития региона 99
3.3 Особенности реализации эволюционного варианта развития Калининградской области. Возможные сценарии преодоления «эффекта колеи» 118
Заключение 138
Список использованных источников и литературы 144
Приложение А. Экспериментальная оценка модели товарных потоков эксклавного региона 165
Приложение Б. Принципиальная схема изъятия ренты «переходного периода» Особой экономической зоны в Калининградской области 167
Приложение В. Схема эволюции режима Особой экономической зоны в Калининградской области 168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Неоклассические модели в XX в. все чаще подвергались критике; при этом возрастал интерес к изменениям социально-экономических систем во временной перспективе, а также интерес к тому, как социально-экономические системы меняются со временем. Это привело к распространению эволюционных воззрений, подходов, моделей в разных сферах знания, таких как биология, математика, теория, описывающая поведение сложных систем, и в других предметных областях.

Значимость исторического аспекта и зависимость от предшествующего развития стали неотъемлемой частью разрабатываемых в последние несколько десятков лет представлений об экономике, региональном развитии и т.п. Более двух десятилетий назад концепция «эффекта колеи» вошла в экономическую терминологию. Она активно используется для объяснения таких явлений как экономический рост, технологическое развитие и индустриальное развитие, природа конкуренции и роль институтов и рутин в определении индивидуального поведения.

Вслед за экономистами эволюционные подходы стали использоваться и экономико-географами в силу особенности предмета этой науки, рассматривающей, помимо прочего, распределение экономической активности в пространстве. Понимание неочевидного распределения экономической активности в пространстве как результата исторического процесса тесно связано с использованием стохастических моделей роста и зависимостью от предыдущего развития, в соответствии с которым каждое событие меняет вероятность следующего события.

На фоне экономических кризисов конца XX – начала XXI в., нарастающих процессов глобализации наряду с регионализацией, вопросы исследования как причин становления определенной траектории развития территории, так и

преодоления зависимости от предшествующего развития становятся все более актуальными.

Выбор Калининградской области для изучения роли «эффекта колеи» в реструктуризации региональной экономической системы обусловлен, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, в силу своего геополитического положения этот регион является стратегически особенно значимым для Российской Федерации. Во-вторых, он может быть представлен в качестве компактной территориальной модели для изучения и апробирования программ по наращиванию экономического развития, что является актуальной задачей в масштабах всей страны.

Экономика Калининградской области в силу ряда причин включена в мировую экономику активнее, чем экономики других субъектов Российской Федерации. Промышленное производство в регионе во многом ориентировано как на российский, так и на мировой рынок. Это связано с тем, что область вследствие своего приморского положения традиционно обслуживает российские внешнеэкономические связи. При этом подавляющее большинство обрабатывающих производств области работает на привозном сырье и полуфабрикатах. Концентрация в регионе значительного количества совместных и иностранных предприятий и экспорт (как товаров, так и услуг – в основном в сфере туризма) усиливают связь экономики региона с внешним рынком.

В силу действовавшего с 1996 г. режима Особой экономической зоны ключевой специализацией Калининградской области было импортозамещение. В 2016 г. эта ниша, занимаемая предприятиями региона, во многом утеряна либо поддерживается благодаря участию государственных субсидий. Необходимо искать новые сферы приложения труда работников, высвобождаемых из нынешних импортозамещающих производств. Тем более актуальным это является для Калининградской области в настоящее время, поскольку с отменой части льгот Особой экономической зоны в 2016 г. перед регионом стоит вопрос о дальнейшем пути развития. Принятые в 2017 г. поправки к закону об Особой

экономической зоне в Калининградской области лишь частично решают эту проблему.

Вместе с тем ограничения ранее созданной экономической системы являются той самой «колеей», которая затрудняет реализацию иных типов хозяйствования. Знание зависимости экономики региона от предшествующего развития является, безусловно, полезным при разработке региональной политики по отношению к области и формировании программ реструктуризации ее промышленности.

Степень изученности темы

Проблема территориальной неравномерности развития обсуждается в социальных науках давно и интенсивно. В процессе поиска объяснений территориальной неравномерности мирового развития происходит непрерывное уточнение гипотез и их тестирование. Географические факторы используются для объяснения уровня и характера экономического и политического развития очень давно. В последние десятилетия они все больше приобретают междисциплинарный характер, дополняются другими переменными, прежде всего культурными, институциональными. Круг новых теорий экономического роста и его пространственной дифференциации связан с общей тенденцией все более широкого использования эволюционных подходов и концепций в социальных науках.

Сегодня одна из наиболее распространенных эволюционных концепций, используемых в том числе в экономической географии, - концепция зависимости от предшествующего развития или «эффект колеи». Экономико-географы используют концепцию зависимости от предшествующего развития для объяснения того, почему изменения идут в определенном направлении, как меняются региональные промышленные структуры или напротив, почему не удаются попытки структурных изменений.

Тема «эффекта колеи» активно разрабатывается рядом зарубежных ученых. Среди них Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер, Б. Артур, П. Дэвид,

Дж. М. Ходжсон, Д. Норт, П. Санли, К. Френкен, С. Либовиц, С. Марголис, Р. Мартин, Дж. Доси, К. Кастальди, Р. А. Бошма, Ю. Эсслетцбичлер и др. Зарубежные исследования по теме «эффекта колеи» подробно освещаются в «Journal of Economic Geography», издаваемом Университетом Оксфорда (Oxfrod University), а также в «Papers in Evolutionary Economic Geography» (PEEG) Университета Утрехта (Universiteit Utrecht). Эти исследования затрагивают как теоретические аспекты концепции «эффекта колеи», так и значительный объем эмпирических исследований на материале разных стран, регионов и отраслей.

Тему новых подходов в экономике и экономической географии затрагивают многие отечественные ученые. Среди них А. А. Аузан, Ю. В. Латов, Р. М. Нуреев, В. Л. Бабурин, П. Я. Бакланов, В. А. Колосов, С. С. Лачининский, А. Г. Манаков, А. Н. Пилясов, В. М. Полтерович, А. И. Трейвиш, М. Д. Шарыгин, И. М. Ширяев и др. Однако, в отличие от зарубежной регионалистики и экономической географии эти исследования не объединены в общее движение по формированию единой теоретической и методологической основы. Скорее прорабатываются отдельные концепции и модели, в частности институциональные, кластерные, инновационные, геоэкономические, теория агломераций и др. Само понятие и концепция «эффекта колеи» только начинает входить в состав понятий отечественных экономистов и экономико-географов. Эволюционное страноведение стало разрабатываться учеными МГУ имени М. В. Ломоносова (А. С. Фетисов).

Исследования истории экономического развития Калининградской области проводились целым рядом отечественных ученых, прежде всего, представителями БФУ им. И. Канта, а также НИУ ВШЭ, РЭУ им. Г. В. Плеханова, РАНХиГС. Довольно много работ посвящено, в том числе, постсоветскому периоду развитию экономики региона, особенностям действия режима Особой экономической зоны в Калининградской области, импортозамещающей модели экономики области.

Однако отсутствует комплексное исследование экономических процессов, протекающих в Калининградской области, с точки зрения их зависимости от

предшествующего развития, а также проблемы преодоления этой зависимости на современном этапе развития региона. Применительно к Калининградской области «эффект колеи» не изучался, хотя различные проблемы реструктуризации экономики региона рассмотрены в работах Т. Р. Гареева, В. П. Жданова, Г. М. Федорова.

В данной работе предпринимается попытка устранить этот пробел: в ней рассматриваются несколько периодов экономического развития Калининградской области, их зависимость от «эффекта колеи», а также возможные сценарии преодоления его влияния на современном этапе реструктуризации экономики региона.

Объектом исследования выступает процесс эволюции территориальной структуры хозяйства Калининградской области в постсоветский период.

Предметом исследования являются закономерности проявления «эффекта колеи» в эволюции территориальной структуры хозяйства эксклавного российского региона.

Цель исследования: обосновать целесообразность и способы преодоления «эффекта колеи» в стратегическом и территориальном планировании развития Калининградской области.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1) уточнить экономико-географическое содержание понятия «эффект колеи»;

2) показать проявление «эффекта колеи» в социально-экономическом и пространственном развитии региона;

3) выделить этапы экономического развития Калининградской области и определить факторы, влияющие на возникновение «эффекта колеи» при переходе от одного этапа к другому;

4) выявить роль «эффекта колеи» и способы его преодоления на разных этапах экономического развития области;

5) оценить степень влияния «эффекта колеи» в современных условиях развития экономики области и определить меры по его учету при различных сценариях дальнейшего развития региона.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют системный и эволюционный подходы с использованием общенаучных, экономико-географических и регионально-экономических методов: экономико-статистических, аналитических, экономико-картографических, моделирования, монографических обследований предприятий.

Методы исследования. При написании диссертационной работы использовались общенаучные, междисциплинарные, экономические и географические методы: аналитический, описательно-объяснительный, картографический, классификаций, экономико-статистический, экспертных и балльных оценок.

Информационную базу диссертационной работы составляют несколько типов источников:

– отечественная и зарубежная научная, учебно-методическая и энциклопедическая литература по вопросам экономической географии, экономики, регионального развития, размещения производительных сил;

– нормативно-правовые акты Российской Федерации и Калининградской области;

– отечественные и зарубежные научные периодические издания;

– официальные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации;

– размещенные на сайтах научные отчеты о результатах исследований;

– выполненные лично автором обследования предприятий.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1) усовершенствована теория и методология исследований развития функциональной и территориальной структуры хозяйства региона введением

ранее не использовавшегося для этих целей понятия «эффект колеи», модифицированного для регионального уровня;

2) выявлены и проанализированы тенденции и факторы зависимости от предшествующего развития на всех этапах и периодах развития Калининградской области;

3) выделены и изучены факторы «эффекта колеи» на современном этапе развития Калининградской области, произведена оценка их влияния на формирование новой траектории экономического развития региона;

4) разработаны и предложены сценарии преодоления «эффекта колеи» для целей реструктуризации хозяйства региона в соответствии с меняющимися геополитическими и геоэкономическими условиями его развития.

Теоретическая значимость работы состоит в адаптации концепции «эффекта колеи» к экономико-географическим исследованиям и выделении факторов, определяющих возможности преодоления «эффекта колеи» в региональном развитии.

Практическая значимость исследования. Подходы, аналитические результаты и выводы исследования использованы при разработке мер поддержки предприятий Калининградской области для преодоления последствий отмены с 01 апреля 2016 года переходного периода режима Особой экономической зоны в Калининградской области, установленного федеральным законом от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Они также могут быть использованы при разработке и реализации стратегий в субъектов Российской Федерации, прежде всего, в Северо-Западном федеральном округе. Материалы диссертации используются в учебном курсе «Социально-экономическое развитие Калининградской области» в БФУ им. И. Канта.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Понятие «эффекта колеи», используемое в эволюционной экономике при изучении хозяйствующих субъектов, целесообразно использовать для описания эволюции функциональной и территориальной структуры хозяйства регионов с учетом различий локального и регионального уровня исследований.

2. На рубежах каждого из периодов экономического развития Калининградской области действовал «эффект колеи», затруднявший необходимые сдвиги в хозяйстве, соответствующие изменившимся внутренним и внешним условиям.

3. Попытка реструктуризации хозяйства области в 2015 – 2017 гг. сталкивается с сильным противодействием «эффекта колеи»; его специфика усиливается влиянием геоэкономических и геополитических факторов, что необходимо учитывать в стратегии социально-экономического развития региона.

4. Для преодоления «эффекта колеи» предлагается использовать положения концепции «создания пути развития», противостоящей сложившейся траектории развития путем приведения территориально-отраслевой структуры хозяйства в соответствие изменившимся факторам, используя активное внедрение инноваций и создание новой траектории развития.

Апробация результатов исследования. Достоверность положений диссертации вытекает из использования оправдавших себя теоретических и методологических положений, разнообразного статистического и фактического материала. Основные положения и результаты исследования были представлены на международных научных конференциях в Калининграде (2016, 2017), Минске, Беларусь (2016), Ростоке, Германия (2014), всероссийской научно-практической конференции в Санкт-Петербурге (2015), а также на научно-практических семинарах: межрегиональных в Санкт-Петербурге (2015, 2016, 2017 гг.) и региональных в Калининграде (2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 8 научных работ, общим объемом 14,15 п.л. (из них личный вклад – 5,55 п.л.), в том числе в трех изданиях,

рекомендованных ВАК, и одном издании, входящем в базу данных Web of Science, а также 2 раздела в двух коллективных монографиях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Основной текст диссертации изложен на 143 страницах. Работа содержит 11 таблиц и 14 рисунков. Список использованных источников и литературы включает 186 наименования, в том числе 75 на английском языке. Приложение включает 3 рисунка.

ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ «ЭФФЕКТА КОЛЕИ» И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1 Понятие «эффекта колеи»

Один из основных вопросов, на который отвечает экономическая география, – почему возникает пространственная неоднородность протекания экономических процессов. Важную роль в подобных исследованиях играет представление о природе экономического процесса, его сущности и факторах, влияющих на его развитие. В связи с этим развитие социально-экономической (общественной) географии как науки тесно связано с развитием экономической теории и применением формирующихся в ее рамках понятий. К числу последних относится понятие «эффекта колеи», возникшее в рамках эволюционного подхода, развивающегося с 1970-х гг. в противовес господствовавшей прежде неоклассической парадигме в экономике. Концепция «эффекта колеи» строится на представлениях о «зависимости от предшествующего развития» («path dependence»).

Один из ведущих российских экономистов А. А. Аузан (МГУ им. М. В. Ломоносова) отмечает, что формирование теоретической базы данной концепции восходит к Д. Норту, получившему за свою работу в области экономической истории Нобелевскую премию по экономике в 1993 г. [23] Согласно Д. Норту, речь идет о том, что однажды принятое решение трудно отменить. [172]

Самое общее определение понятия «эффекта колеи» дал один из основоположников этой концепции П. Дэвид. Оно выглядит следующим образом: «Зависимость от предшествующего развития — это такая последовательность

экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности». [129]

Гипотеза Норта – Дэвида обозначила общие рамки понимания того, как и почему различаются траектории экономического развития разных стран (регионов, городов); в чем причины «залипания» в «колее»; можно ли, а если можно, то как, осуществить переход из одной траектории развития в другую. Одним из следствий предложенной концепции стало опровержение тезиса о том, что развитие является закономерностью, а эффективность и максимизация прибыли определяют его успех. Концепция «эффекта колеи» позволяет изучать, как и почему становятся возможными институциональные инновации, равно как и то, почему институциональные инновации в действительности далеко не всегда возможны.

К настоящему времени сформировалось не только само понятие «эффекта колеи», но и концепция, объясняющая поведение таких систем и определяющая причины этой зависимости. Среди причин в качестве основных рассматриваются следующие:

– институциональная комплементарность (то есть взаимодополняемость);

– положительный эффект масштаба;

– необратимость сделанного выбора, невозвратность произведенных затрат;

– возрастающая отдача от совершенствования технологии;

– ограниченная рациональность участников (что связано, прежде всего, с неполнотой и несовершенством информации). [109]

С середины 1990-х гг. работы на тему «эффекта колеи» стали распространяться из сферы экономики на область географии, регионального развития и планирования, другие региональные науки об обществе. На наш

взгляд, она вполне применима не только к изучению межцивилизационных различий и межстрановых особенностей экономического развития (в изучении этой проблематики она уже применяется достаточно широко), но и в компаративистских региональных исследованиях.

1.2 Эволюционная экономика и концепция «эффекта колеи»

Эволюционная экономика ставит перед собой задачу найти ответы на вопросы, которые слабо поддавались объяснению в рамках неоклассической теории: экономический рост [169, 170, 175]; технологическое развитие [22, 58, 115, 116, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 140, 176]; индустриальное развитие [155, 156, 185]; природа конкуренции и роль институтов и рутин в определении индивидуального поведения [80, 124, 138, 169]. Концепция «эффекта колеи» стала одной из основных концепций, широко применяемых в рамках эволюционной экономики.

Вслед за вопросом Т. Веблена «Почему экономика не эволюционная наука?» (1898) [40], А. Маршаллом (1920) [75] и Й. Шумпетером (1939, 1942) [110], перенесшими понятия дарвинизма и биологические аналогии в экономическую науку, современные экономисты также обращаются к понятию эволюции как к способному обогатить наше понимание экономических процессов и предоставить новые аналитические возможности.

Современные изыскания в рамках эволюционной экономики во многом берут свое начало в пионерных работах Р. Р. Нельсона и С. Дж. Уинтера (1982), предлагающих модель эволюционной экономической динамики и дающих старт масштабному развитию эволюционной экономики как научной парадигмы [80]. Фундаментальная цель эволюционной экономики – понять динамические процессы, которые совокупно влияют на поведение фирм и их рыночное

окружение; понять то, каким образом концепции разнообразия, отбора и наследственности представлены в экономике, как они запускаются в действие, и как на них влияют иные механизмы, специфичные для экономических систем. [80]

Принципы эволюционных изменений все более широко применялись экономистами последние три десятилетия. Вслед за Р. Р. Нельсоном и С. Дж. Уинтером [80] последовали работы в области индустриальной динамики [153, 155], организационных умений и рутин [127, 157], производительности труда [173], технологических новаций и их закрепления [129, 134]. Особое внимание исследователями было обращено на то, что текущие (и перспективные) состояния системы не могут быть любыми, а определяются тем, через какие состояния прошла система в прошлом.

Процесс, зависящий от пути развития, является неэргодическим случайным процессом, и его изучение должно учитывать методологию исследования стохастических процессов, которая разрабатывается в рамках теории вероятностей [131]. Неэргодичность процесса означает, что некоторые потенциально возможные состояния системы не могут быть реально достигнуты.

Важнейшую роль в постановке и развитии исследований «эффекта колеи» сыграли работы в области многолетней статистики экономического развития стран мира. Британский экономист Ангус Мэддисон свел в единую таблицу данные о рассчитанном им и прогнозном развитии разных стран за 1 – 2030 гг., и выяснилось, что страны имеют определенные траектории развития, причем переход с одной из них на другую весьма сложен. [79, 160] Другой важный источник для формирования «концепции колеи» – работы Пола Дэвида, отмечающего важнейшую роль «эффекта колеи» в оценке влияния неэффективного выбора технологических стандартов (QWERTY-эффект[1]) на

[1] QWERTY – 5 первых знаков в верхнем буквенном регистре панели пишущей машинки, компьютера; их порядок, установленный изначально, к настоящему времени, возможно, стал нерациональным, однако продолжает повсеместно использоваться.

процесс развития технологий и институтов. [129] В дальнейшем в более строгой математической форме идею зависимости от предшествующего развития развил Б. Артур. [115, 116] Он также различил «общепринятую экономическую теорию», которая во многом избегает вопроса о возрастающей отдаче или об «эффекте колеи», и «новую» «экономическую теорию позитивной обратной связи», которая включает его в себя.[161]

Формирование более развернутой теоретической базы анализа «эффекта колеи» осуществил Д. Норт. [23] Концепция «эффекта колеи» предложила альтернативный аналитический взгляд для экономистов, революционное переформулирование неоклассической парадигмы.

Изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях. Под QWERTY-эффектами в современной научной литературе подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение» (различия между левосторонним и правосторонним движением на дорогах разных стран, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии и др.).

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития: золотого стандарта, систем общего и гражданского права, центрального банка и т.д. В основном практические исследования в области «эффекта колеи» описывали два типа эмпирических феноменов:

1) субоптимальный результат в экономике (субоптимальный по сравнению с тем, который должен был бы реализоваться в условиях идеального рынка) или «провалы рынка» (market failures) [131];

2) нарастание сложностей в смене траектории с течением времени, вплоть до идей об «окнах возможностей для определения местоположения (отрасли, производства)» (windows of locational opportunity).

Во втором случае «эффект колеи» интерпретируется как ограничение для возможных изменений, а диверсификация или «создание пути» (path creation) начинает рассматриваться как эволюционный разветвляющийся процесс, где новая траектория основывается на существующей. [122]

К настоящему времени сформировалось не только само понятие «эффекта колеи», которое является общим названием особого класса динамических явлений [131], но и концепция, отвечающая за поведение таких систем.

Так, С. Либовицем и С. Марголисом были выделены три степени зависимости от предшествующего развития:

1) начальные условия оказывают влияние на принятые решения, однако, несмотря на то, что это формирует «колею», принятое решение оказывается эффективным и правильным;

2) начальные условия включает ограниченность информации, которая приводит к принятию не самого эффективного решения, как оказывается впоследствии. Однако это решение нельзя в полной мере назвать неэффективным в силу того, что в момент решения не было соответствующей информации;

3) выбор заведомо неэффективного решения, что соответствует неоклассическому понятию «провала рынка».

С точки зрения теории «эффекта колеи» наибольший интерес представляет, конечно, третья степень зависимости от предшествующего развития. [160]

Одним из направлений развития первоначальной концепции П. Дэвида стал перенос ее с изучения технологических стандартов на институты, где также можно наблюдать, как изначально сделанный выбор преобладает над более эффективными решениями. Английский ученый Д. Пуфферт заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей

практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими» [81, с. 20].

Другим важным направлением развития теории «эффекта колеи» является концепция «создания пути развития» (path creation). Здесь основной акцент делается не на признании и описании «эффекта колеи» и «эффекта блокировки» (lock in), а противостоянию сложившейся траектории развития, инновациям и созданию новой траектории развития. Авторы, работающие в этом подходе, обсуждают условия и факторы, при которых возникает отклонение от принятых технологических норм, общественных порядков и существующего понимания полезности. Указанное направление активно разрабатывает теорию фирм, роль сетевого взаимодействия, возникновение агломераций и кластеров, влияние регуляторов и воздействие на них [177].

1.3 Эволюционная экономическая география и концепция «эффекта колеи»

С точки зрения эволюционной парадигмы время и пространство неотделимы друг от друга. Соответственно экономическая география неотделима от процессов экономического роста, поскольку пространственные структуры сформированы процессами, имевшими место в прошлом. Понимание неочевидного распределения экономической активности в пространстве как результата исторического процесса тесно связано с использованием стохастических моделей роста и зависимостью от предыдущего развития, в соответствии с которым каждое событие меняет вероятность следующего события.

Несмотря на то, что стохастические модели роста городов имеют довольно долгую историю, количество публикаций на тему зависимости от

предшествующего развития начало расти в последнем десятилетии прошлого века быстрыми темпами [150].

Новые концепции и аналитические инструменты, которые начали использовать экономисты, привели к такому этапу развития этой науки, который Р. Мартин (1999) назвал «географическим поворотом» (geographical turn) в экономике [165]. Вслед за работами П. Кругмана (1991) [73, 84] экономисты заново открыли для себя экономическую географию. Это повлекло за собой нарастающее взаимопроникновение обоих наук и обновленный интерес к экономической географии. [101]

Под влиянием новых подходов в экономической теории с 1980-х гг. экономическая география также стала шире использовать междисциплинарный подход, концепции и инструменты социальных, культурологических и политических наук. В зарубежной общественной географии эти изменения получили название «культурного поворота» [117] или «институционального поворота» [165] в экономической географии. [123]

Возрастающее использование эволюционных аргументов, их вклад в понимание процессов, влияющих на рост и изменения региональной экономики, новые аналитические возможности, привели к формированию альтернативных подходов в экономической географии. Одними из первых в зарубежной экономической географии теоретические рамки приобрели «Институциональная экономическая география» (Institutional Economic Geography) в 1980-х гг. и «Новая экономическая география» (New Economic Geography) в 1990-х гг. [123]

Вместе с тем общий эволюционный подход к экономической географии, воплощающий абстрактные принципы «генерализованного дарвинизма», самоорганизации или «эффекта колеи» все еще находится в стадии формирования, хотя понятие «эволюционной экономической географии» с середины 2000-х гг. стало устойчивым в зарубежной экономической географии. [182]

Для целей данной работы полагаем целесообразным сначала рассмотреть основные посылки «эволюционной экономической географии», а впоследствии представить обзор основных концепций и тематики современных экономико-географических исследований, использующих понятие «эффекта колеи».

Эволюционная экономическая география использует базовые концепции и методологию эволюционной экономики в контексте экономической географии. Она представляет альтернативные ответы на основные теоретические вопросы, включая агломерации и различия в региональном развитии.

Отправной точкой является рассмотрение организаций как конкурирующих на основе тех рутин, которые они приобрели с течением времени [169]. Эволюционные модели принятия решения организациями опираются на концепцию ограниченной рациональности и поведения на основе рутин, а не на принцип максимизации полезности.

Рутины при этом понимаются как организационные умения, которые не могут быть сведены к сумме индивидуальных умений [80]. Рутины проявляются на уровне фирмы благодаря разделению труда и соответственно разделению умений между сотрудниками фирмы. Организационные рутины, как и индивидуальные умения, состоят в значительной степени из опытного знания (знание через делание) и негласного знания, которое трудно выделить и кодифицировать. Оба этих аспекта делают рутины сложными к воспроизводству другими фирмами. В связи с этим моделирование организаций не может опираться на представление о «репрезентативном участнике». Организации конкурируют на основе своих рутин, которые также требуются для производства нового продукта или технологий. Таким образом, именно разнообразие организаций, а не издержки производства, питает процесс отбора не-равновесного экономического развития [106].

Эволюционная экономическая география ставит своей задачей понять пространственное распределение рутин во времени. Это особенно может быть интересно применительно к анализу появления и распространения новых рутин в

пространстве, а также в отношении механизмов распространения «успешных» рутин. Это означает, что скорее фирма, а не место, является предметом анализа. Такой переход отражает более общую переориентацию экономической географии с территориального анализа основных фондов на анализ организационных рутин и компетенций, их закрепление в локальной и глобальной экономике [141].

В соответствии с указанными подходами рост агломераций должен анализироваться не в терминах рационального выбора территориального размещения производства, и не в терминах влияния специфических локальных институтов, но в терминах исторически возникших пространственных концентраций знаний, оформленных в виде организационных рутин.

Пространственно-временной процесс распределения рутин в экономике зависит от процесса копирования рутин. Различают три разных процесса воспроизводства рутин:

– внутри фирмы, в том числе за счет появления новых подразделений или филиалов [186];

– воспроизводство за счет того, что фирмы-последователи или дочерние фирмы наследуют часть рутин, копируя деятельность исходной фирмы [155];

– за счет мобильности рабочей силы [125].

Все три процесса частичны и несовершенны – не все рутины и не в точности воспроизводятся.

Рост (развитие) фирм, соответственно, рассматривается как расширяющийся процесс диверсификации, поскольку оборот конкретного продукта ограничен минимальным эффективным масштабом производства и спросом. Диверсификация фирмы может характеризоваться в терминах как общеорганизационных рутин (имеющих отношение к производству всех продуктов), так и рутин, необходимых для производства конкретного продукта. Последние тесно связаны между собой, поскольку обычно диверсификация происходит в смежных областях. Таким образом, рост фирмы или диверсификация может рассматриваться как разветвляющийся процесс, в котором

новые рутины, приводящие к появлению нового продукта, формируются из комбинаций и модификаций существующих рутин.

Эволюционная экономика объясняет меняющуюся природу рутин как результат поиска и отбора [113]. Пространственное измерение воспроизводства рутин связано с территориальной динамикой процесса копирования (локализованная (привязанная к месту) природа инновации и технологических изменений) [138]. Несмотря на то, что воспроизводство может осуществляться как локально, так и на расстоянии, как правило, этот процесс происходит локально. Это означает, что наследование рутин носит территориальную структуру: если определенная рутина (производство) стало доминирующей в определенном регионе, последующая эволюция этой рутины будет происходить преимущественно в этом же регионе. Такое понимание роста концептуально схоже с новой теорией роста [173] и эволюционной теорией роста. [141]

Именно характерное для эволюционного подхода к технологическим изменениям настаивание на ограниченной рациональности и важность рутин фирмы, которые управляют процессами инноваций и адаптации, предполагает, что действующие лица будут осуществлять поиск локально: они скорее будут изучать те участки области поиска, которые им наиболее знакомы, чем просматривать все возможности [135]. Географическое измерение локального поиска в области технологии исследовалось посредством концепции локализованного (географически) поиска и познания [166]. На мезо- и макро-уровнях эволюционный подход признает, что поиск нововведения представляет собой социальный процесс, включающий как сложные механизмы обратной связи между различными действующими лицами, так и значимость социальных институтов, которые управляют траекторией создания технологии в определенном направлении, исключая альтернативы.

Экономико-географы также, как и неортодоксальные экономисты, изучали влияние географии на процессы поиска [151]. Работы над темами национальных и региональных инновационных систем [124, 159, 152] и регионов компетенций

[158, 168, 176] определяют производство новации как ключевой элемент регионального экономического успеха. Экономические институты направляют поиск инноваций в те области технологии, с которыми действующие лица наиболее знакомы. Это результат коэволюции институтов, фирм и технологий [171]. Д. Тис [181] постулирует, что обмен неявными знаниями локализован (географически), а П .Кук и К. Морган [130] показали, что институты и отношения (кооперативные) между региональными действующими лицами обладают решающим значением для успешных инноваций. На региональном уровне институты, широко определяемые как «устойчивые привычки мышления» [41], играют роль, сходную с рутинами на уровне фирмы.

Географически локализованный поиск приводит к «эффекту колеи» в эволюции технологии, выражающемуся в пространственных вариациях заводских технологий и региональной специфике траекторий технологических изменений [137, 138] и/или структуре индустриальной специализации [166].

С этой точки зрения, существует несколько эволюционных механизмов, способных создавать пространственную концентрацию фирм.

1. Агломерация может возникнуть за счет того, что случайное событие было усилено позитивным откликом на уровне фирм: успех порождает успех за счет обучения; успешные фирмы создают больше последователей, которые практически всегда остаются в регионе «родительской» фирмы; в результате общая индустриальная и пространственная динамика создают «эффект колеи». Как только пространственная концентрация фирм возникает, она становится почти необратимой.

2. Агломерация может также быть результатом действия механизма возрастающей отдачи на уровне региона. Знание не консервируется в рамках рутин одной организаций, оно передается от одной фирмы к другой. Поскольку неявным знанием сложно делиться посредством контрактов на мировом рынке, фирмы-последователи чаще возникают среди географически близких участников

рынка. Это в том числе может объяснять, почему экономическая активность со временем все больше концентрируется в лидирующих регионах. [123]

На работы по вопросам пространственной эволюции фирм и производств повлияли исследования жизненных циклов продуктов и производств, инициаторами которых были У. Абернати, З. Грилихес, С. Клеппер, Ф. Ф. Суарез, Дж. М. Уттербэк. [112, 148, 153, 155, 156, 183, 184] Ключевым результатом этих исследований стало то, что разные процессы эволюционных изменений меняют свою интенсивность с течением жизненного цикла производства. Высокий уровень технологической и рыночной неопределенности сопровождает конкурирующие планы на ранних стадиях вместе с высоким уровнем входа и выхода. Победители трудно предсказуемы, возникают посредством исторической случайности, через нечеткую конкурентную борьбу, манипулирование рынком и, в редких случаях, возможно, за счет превосходящих характеристик. Как только «доминирующий проект» появляется, природа инновации меняется от продукта к процессу, барьер на вход падает, тогда как барьер на выход остается высоким из-за интенсивного давления отбора [174, 134]. Предполагается, что результатом становится быстрое сокращение неоднородности и постепенно увеличивающиеся показатели концентрации рынка. Хотя модель жизненного цикла производства не универсальна, она предлагает разумные объяснения структуры эволюции в некоторых производствах. [154, 155, 170]

Этот подход может быть назван «окнами возможностей по определению местоположения (производства, отрасли)» («windows of locational opportunity» (WLO)) [121]. Он обеспечивает основу для объяснения эволюции и «замыкания» производств в пространстве. Эта модель предполагает, что в любой момент времени технические проблемы, трудовые конфликты или рыночные возможности могут послужить спусковым крючком большинства инноваций в большом числе регионов. В то время как число импульсов безгранично и беспорядочно распределено в пространстве, концепция «окон возможностей» рассматривает, почему новые производства, основывающиеся на этих

инновациях, замыкаются в определенных регионах. Основной аргумент - фундаментально новые инновации требуют различного набора умений, технологических процессов, связей между поставщиками и потребителями, институтов, формирующих конкурентные преимущества существующей региональной системы производства. Поскольку ни один отдельный регион не успел еще развить локальные характеристики и подходящую институциональную среду, адаптированную для нужд новой индустрии, агломерации, содержащие разнообразный набор квалифицированного труда, производства, фирмы и институты, обладают преимуществом [120, 121]. На этой стадии экономика любой агломерации обладает преимуществом для привлечения появляющихся производств. Местные институты и структуры играют только общую функциональную роль. Как только доминирующий проект появляется, и требования на конкурентоспособный успех могут быть определены, производства начинают развивать свою собственную среду посредством создания сетей поставщиков и потребителей, исследовательских институтов, производственных организаций, учебных программ и так далее. М. Сторпер и Р. Уолкер называют этот процесс «индустриальной территориализацией (территориального размещения)» [179]. Регионы, которые оказались способны привлечь фирмы в новые производства и способны развивать специализированные региональные преимущества, будут быстро расти. В какой-то момент их преимущества становятся настолько существенными, что у новых игроков нет иного выхода, как войти в доминирующий регион(ы), в то время как в других местах фирмы будут вытесняться из бизнеса, что приведет к географической концентрации.

Таким образом, исходно нейтральное место, с точки зрения размещения новой отрасли, превращается в конкретное. С течением времени некогда нейтральное пространство приобретает свои фактические черты посредством пространственной концентрации все новых отраслей и фирм благодаря «эффекту колеи».

Вместе с тем, фирмы - последователи не возникают сами по себе, автоматически. Необходимо действие специальных механизмов передачи знаний и самовоспроизводства инноваций, таких как кооперация, профессиональные и социальные сети, мобильность труда.

Формирующиеся в регионе институты закрепляют и поддерживают появляющиеся рутины. Институциональные подходы в экономической географии не формируют унифицированной парадигмы, но призывают расширить предмет и включить институциональные, культурные и социальные факторы и процессы для понимания экономической эволюции регионов. Институты могут быть интерпретированы «как контейнеры социо-экономической организации и (…) как процессы институционализации социально-экономической практики» [114]. Эта интерпретация наиболее распространена среди эволюционных экономистов и экономико-географов. Институты включают формальные структуры, такие как юридические правила, законы о собственности, государственная политика и технологические стандарты, а также неформальные привычки, правила поведения, организационную культуру и обычаи, которые обеспечивают устойчивость и инерцию и руководят индивидуальным действием.

Несмотря на то, что большинство работ по региональной экономике изучает эффект формальных конкретных организаций, таких как исследовательские институты и инкубаторы, различия в обеспечении финансами и в программах повышения квалификации или влияние правительственной политики на деятельность региональной экономики [159, 124], экономико-географами все больше используются для объяснения различий в экономической деятельности такие «относительные преимущества» как неявное знание, укорененные рутины, привычки и нормы, локальные обычаи коммуникации и взаимодействия, доверие [114, 144, 178]. Географическое соседство необходимо для развития этих относительных преимуществ и формирования конкурентных преимуществ обучающихся регионов и региональных инновационных систем [128, 179].

Институты понимаются как относительно устойчивые образования, которые медленно видоизменяются во времени и тем самым обеспечивают ту же самую функцию, что и рутины на уровне фирмы. Они представляют собой кристаллизованную прошлую социальную практику, которая определяет индивидуальные действия, такие как решения об инвестировании, поиск нововведений или профессиональное обучение. Институты становятся носителями информации во времени посредством влияния, оказываемого на отдельных лиц, принимающих решения. Поскольку разные институты действуют в разных пространственных масштабах и обладают тенденцией на географическую и временную укорененность, влияние институтов на экономических агентов, таких как фирмы или работники, будет нести на себе отпечаток региональной специфики. Таким образом, институциональные различия могут быть интерпретированы как различия в региональной среде отбора, влияющей на действия локальных игроков одинаковым образом.

Ила Берман и Линда Буй (2001) предлагают оригинальное исследование видимого эффекта, оказываемого институциональными изменениями на деятельность предприятий [35]. Они изучали эффект более низких целевых значений выбросов на калифорнийских нефтеперерабатывающих заводах. Более низкие целевые значения показателей выбросов привели не только к более низкому уровню выбросов, но и улучшили продуктивность заводов Калифорнии, поскольку они были вынуждены внедрять новые, более чистые технологии. Это оказалось к тому же более эффективным, чем старые технологии, используемые их техасскими конкурентами. Различия в региональной институциональной среде (в данном случае экологическое регламентирование) одинаково меняют индивидуальную (заводскую) деятельность в регионе. Теоретики эволюции называют этот процесс «групповым отбором» [145].

С другой стороны механизмы закрепления рутин создают основу для объяснения негативного «залипания» или «блокировки» (lock in) траектории развития: неспособность инкорпорировать радикально новые рутины приводит

фирмы и территории к неизбежному повторению уже сложившейся структуры производства.

Поскольку экономико-географы тяготеют к изучению успешных инновационных систем, обучающихся регионов и регионов компетенций, они тяготеют к переоценке позитивной роли сильного локального взаимодействия. Многие некогда процветающие регионы, такие как германский Рур или английский Северо-Восток, характеризующиеся глубокими связями между региональными действующими лицами и институциональной средой, хорошо приспособленной к прошлым экономическим условиям, заплатили высокую цену за эти свои связи после изменения экономических условий [49, 71, 146]. Поскольку институты часто медленно формируются и, возможно, еще медленнее адаптируются, они создают проблемы для долгосрочной региональной устойчивости: консервативность не всегда достоинство.

С точки зрения регионального развития одна и та же система институтов может быть эффективна для поддержки существующих производств и быть бесполезной для новых растущих секторов, приводя тем самым к парадоксу региональной политики: консервация экономической структуры может осуществляться эффективнее, чем инициирование новой экономической структуры. [138]

С понятием «блокировки» траектории развития тесно связано одно из направлений в эволюционной экономической географии, посвященное вопросам «разблокирования» в региональном развитии. Р. Мартин и П. Санли рассматривали пять способов преодоления регионального «блокирования» развития: формирование новой траектории изнутри; гетерогенность и многообразие; перенос из другого места; диверсификация в технологически смежных отраслях; обновление существующих отраслей [163]. При этом они отмечали, что основная часть географических работ сосредоточены в изучении первой стратегии. При этом до сих пор ощущается явный недостаток эмпирических знаний в сравнительном изучении того, какие региональные

экономические структуры наиболее благоприятны для преодоления «залипания» в колее, поскольку указанные Р. Мартином и П. Санли сценарии потенциально могут быть применимы только к регионам с определенными характеристиками.

Эволюционная экономическая география, таким образом:

– комбинирует формальное моделирование и индуктивный метод;

– рассматривает фирмы и их рутины как основные, но не единственные, единицы анализа;

– полагает, что поведение и успех фирм преимущество зависит от организационных рутин, приобретенных ранее («эффект колеи»);

– рассматривает традиционные факторы размещения фирм (цена, институты) как обуславливающие спектр потенциальных стратегий и мест размещения организации, но не как определяющие фактическое размещение или поведение организации;

– объясняет пространственную эволюцию отраслей и сетей как динамический процесс ко-эволюции, превращающий нейтральное пространство в реальное место;

– описывает региональное экономическое развитие исходя из динамики структурных изменений на уровне отраслей, сетей, институтов на нескольких территориальных уровнях. При этом микро-уровнем является фирма и ее рутины. Два мезо-уровня представлены пространственной эволюцией отраслей и сетей. Макро-уровень описывает пространственную организацию системы в целом – экономическое развитие городов и регионов и их географическое положение в глобальной системе производства и обмена. [123]

Концепция «эффекта колеи», как видно из вышесказанного, является одной из ключевых не только для эволюционной экономической теории, но и для эволюционного подхода в экономической географии.

Несмотря на то, что значительная часть работ по теме «эффекта колеи» фокусировалась на теоретическом аспекте проблемы, с 1990-х гг. возрастал и

эмпирический интерес к зависимости от предшествующего развития. В особенности это можно отнести к работам по региональному развитию, хотя эта концепция применялась и для глубокого изучения технологических, институциональных или промышленных трансформаций.

Экономико-географы широко опираются на исследование Дж. Грабером (1993) региона Рура – одну из первых работ, внедривших «эффект колеи» в региональный контекст [147]. Поместив концепцию «эффекта колеи» в пространственный контекст, ученые сформировали целое направление исследований на тему регионального «эффекта колеи», вобравшее в себя как новаторские подходы эволюционной экономической географии, так и подходы институциональной и неоклассической экономики. Большинство работ в области региональных исследований зависимости от предшествующего развития можно сгруппировать по трем основным направлениям [150].

1. Региональный «эффект колеи» и «блокировка» траектории развития. Эта группа исследований направлена на выделение и фиксацию за счет эмпирических наблюдений устойчивого поведения экономических агентов, несмотря на драматическое изменение экономических условий, которое в частности выливается в настойчивом сохранении региональной промышленной или институциональной структуры. Многие из этих исследований определяют региональные «эффекты колеи» с помощью эмпирических наблюдений региональных эффектов «блокировки» траектории развития. Так, исследование Дж. Грабера выделило когнитивный, функциональный и политический эффект «блокировки», который привел к игнорированию стальной и угольной промышленностью Рура сигналов глобального рынка о переориентации на страны с низкой оплатой труда. Дж. Мейер-Стамер, Х. Батлет и Дж. Боггс обнаружили, что открытие ранее закрытых для международной конкуренции региональных экономических систем (например, текстильная промышленность Бразилии и полиграфический и издательский кластер в Лейпциге) не обязательно приводит к быстрым адаптивным изменениям, а, напротив, может вести к упадку

соответствующих секторов [118, 167]. Х. Батлет, например, описывал развитие высокотехнологичного сектора Бостона с 1960-х гг., указывая на то, что не все ранее успешные производства смогли пережить кризис и обновить себя, замкнувшись в неэффективной технологической траектории [119].

Этот тип эмпирических исследований регионального «эффекта колеи» связывает недостаток изменений в эффектах «блокировки» на разных уровнях региональных экономических структур (фирм, отрасли, институтов). Это означает, что фирмы, сталкивающиеся с необходимостью изменений вслед за изменением конкурентной среды, остаются лояльными своим старым технологиям и организационным рутинам, скорее защищая свои позиции за счет улучшения старой технологии, чем капитализируя возможности, предлагаемые новыми технологиями.

2. Шоковые явления и региональный «эффект колеи». Много исследований посвящено вопросу, как и когда устойчивое «заблокированное» состояние может быть «разблокировано» [126, 149, 163, 165]. Эти работы изучают ситуации регионального развития, анализируя экзогенные эпизодические или шоковые обновления; описывая создание новой траектории развития как следствие случайных или внешних событий. Эти исследования показывают, что появление новых секторов не всегда связано с существующей региональной экономической базой.

Этот взгляд частично связан с концепцией «окна возможностей для определения местоположения (отрасли, производства)». Среди прочего Х. Батлет и Дж. Боггс акцентируют внимание на кризисной природе прорывов и разрыва последовательности в контексте регионального развития. Описывая развития медиа кластера Лейпцига, они показывают как серия отраслевых, технологических и политических кризисов может заставить участников рынка пересобрать элементы региональной системы в новую комбинацию, генерирующую рост.

Вместе с тем, несмотря на интерес к роли такого рода изменений в экономике, количество эмпирических исследований на указанную тему достаточно мало.

3. Региональный технологический «эффект колеи» как разветвляющийся процесс. Применительно к эволюционным интерпретациям технологических изменений, региональный «эффект колеи» также может рассматриваться как разветвляющийся процесс, особенно в форме региональной диверсификации от старой к новой промышленности. Исследования этой группы скорее объясняют переход на новую траекторию развития как развитие, базирующееся на старой смежной технологии. Новые отрасли, таким образом, заимствуют часть технологий и умений рабочей силы из прежних отраслей. Эволюционная интерпретация регионального «эффекта колеи» тесно связана с исследованием региональных структурных изменений. Аналитические усилия концентрируются на том, почему определенные траектории регионального развития появились поверх ранее существовавших. Эта группа исследований демонстрирует, что граница между сохранением прежней траектории развитии и формированием новой траектории очень зыбкая.

В зависимости от степени непрерывности промышленного развития и степени влияния внешних шоков можно выделить четыре типа регионального развития.

Таблица 1

Роль преемственности промышленного развития
и внешних шоков в создании региональных траекторий развития

		Преемственность промышленного развития: Высокая	Преемственность промышленного развития: Низкая
Влияние внешних шоков	Да	Изменение траектории регионального развития за счет внешнего шокового события	Нейтральность пространства. Изменение траектории регионального развития за счет реализации «окна возможностей по определению местоположения»
	Нет	Изменение траектории регионального развития за счет процесса диверсификации	Везучесть, случайность как причина изменения траектории регионального развития

Источник: составлено автором.

Существующий массив региональных исследований по теме «эффекта колеи» можно сгруппировать в зависимости от особенностей оперирования этой концепцией применительно к региональному контексту [150].

1. Регион и уровни анализа. Региональная экономика содержит как индивидуальных участников рынка, так и сети (группы, фирмы), институты и технологии, а значит, регион может быть представлен как сумма нескольких потенциальных источников «эффекта колеи» на разных уровнях. Обзор эмпирических исследований показывает, что анализ регионального «эффекта колеи» осуществляется на многих уровнях: микро-уровень (поведение предпринимателей или фирм в регионе); уровень сетей; уровень технологий; уровень институтов.

Все основные элементы концепции «эффекта колеи» (большие исходные издержки на входе, динамические эффекты обучения, внешние эффекты сетей,

самоподдерживающие ожидания) могут быть рассмотрены в пространственном разрезе. Несколько траекторий развития могут соперничать между собой. Р. Мартин и П. Санли подчеркивали это, выделяя три типа региональных исследований на тему «эффекта колеи» [163]: одна отрасль во многих местах; одна отрасль в определенном месте; развитие региональной экономики в целом в течение времени. Нельзя недооценивать и возможные взаимосвязи между механизмами разных уровней. Так, «блокирование» развития на уровне институтов может влиять на изменение политики или решения фирм об инвестициях; развитие индивидуальных рабочих привычек может быть вызвано организационными рутинами фирм, которые в свою очередь появились в соответствии с существующим технологическим или институциональным режимом.

Некоторые исследования доказали, что сам регион как агрегированная единица является значимым уровнем анализа для рассмотрения «эффекта колеи».

2. Определение (в том числе новой) траектории регионального развития. Толкование траектории для целей ее выделения и анализа является важным аспектом эмпирических исследований «эффекта колеи», поскольку оно определяет последующие методы описания и измерения. Особенно это касается выделения моментов появления новой траектории развития, обновления или завершения старой траектории. Поскольку эмпирическое выделение «колеи» чрезвычайно сложно, именно эта часть операторики особенно варьируется от исследования к исследованию. В последнее время ученые все больше приходят к тому, что зависимость от предыдущего развития в региональном контексте не может быть выражена четко, в бинарной логике, а скорее определяется степенью зависимости.

3. Методы анализа и измерений. Эмпирические работы на тему регионального «эффекта колеи» содержат в себе как количественные, так и качественные исследования. Различные методики содержат в себе как плюсы, так и минусы в выявлении специфических механизмов зависимости от

предшествующего развития. Многие эмпирические исследования опираются на выявление тенденций в поведении участников рынка посредством интервьюирования. Так, изучение «эффекта колеи» для медиа кластера Лейпцига Х. Батлетом и Дж. Боггсом построено на количественном анализе счетов и интервью с участниками рынка и экспертами отрасли [118]. Другие исследования тяготеют к качественному анализу, основывающемуся на разных техниках. Так, П. Санли и Р. Мартин, изучая «эффект колеи» в отраслевой выдаче патентов в городских регионах Великобритании, использовали описательную статистику [163, 164]. Сама концепция «эффекта колеи» требует не только выявления влияния унаследованных условий на существующее поведение участников рынка, но и демонстрации того, что такое поведение отвергло иные альтернативы, что невозможно без исторического описания регионального развития.

Таким образом, несмотря на возрастающее число работ в области «эффекта колеи» в экономико-географических исследованиях и продуктивности применения указанной концепции теоретическая основа этого подхода все еще находится в стадии становления. Вместе с тем в зарубежной экономико-географической научной литературе все чаще ставится вопрос о создании такой единой платформы.

Эволюционный подход в российской экономической и географической науках начал более или менее артикулировано применяться только в последнее десятилетие.

Среди экономистов наиболее выделяются работы представителей Российской академии наук (В. М. Полтерович, [87]), МГУ им. М. В. Ломоносова (А. А. Аузан, [23]) и Государственного университета Высшая школа экономики (Р. М. Нуреев [81]).

Экономические исследования по теме «эффекта колеи» в основном сосредоточены на вопросах «институциональных ловушек» российской экономики и социально-культурных аспектах трансформации экономической структуры России. В области российской экономической географии такие

подходы не нашли широкого применения, а понятие «пространственно-временной континуум» употребляется не часто [42, 25]. С начала 2010-х гг. соответствующие взгляды, в том числе относительно концепции «эффекта колеи», стали появляться в работах ученых МГУ им. М. В. Ломоносова (А. С. Фетисов [101]) под общим наименованием «эволюционное страноведение». Но они не имеют на данный момент значительного распространения в эмпирических экономико-географических исследованиях.

Однако ряд теоретических положений, разработанных в отечественной общественной географии, может быть с успехом использован и в региональных исследованиях «эффекта колеи». Ведь в рамках этой концепции пока рассматриваются в основном межцивилизационные и межстрановые различия, а региональный аспект принимается во внимание чаще всего лишь в особых случаях (например, применительно к реструктуризации экономики старопромышленных районов или моногородов). И внимание обращается в основном на институциональные и технологические изменения, обусловливающие выбор той или иной траектории регионального развития (как, например, «влияние внешних шоков», отмеченное в таблице 1).

Следует учитывать, что в отечественной экономической географии разработаны теории, объясняющие многие аспекты регионального развития, которые имеют отношение к географическим аспектам исследований «эффекта колеи». В рамках теорий территориально-производственного комплексообразования и экономического (социально-экономического) районирования, восходящих к работам Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского, разработаны принципы учета созданного ранее в регионе (экономическом, социально-экономическом районе) производственного и трудового потенциала, его влияние на дальнейшее развитие территории [32, 33, 61, 62, 83]. Переход от концепции «территории» к концепции «пространства», роль внешних шоков и связей, установление пространственных закономерностей мирового разделения труда активно разрабатываются в рамках геоэкономического подхода [60, 66, 67].

Концепция территориальной организации общества, как и дальнейшее развитие исторической, особенно историко-культурной, географии разрабатывают вопросы о роли территориального управления, влиянии предшествующего развития, институтов и культуры на организацию экономического пространства [17, 18, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 39, 72, 74, 92, 93, 95, 107, 108, 111]. Взаимосвязь инновационных процессов и природных географических факторов, роль знаний и институтов, переход от понятия «территории» к понятию «пространства» активно разрабатываются рядом российских ученых, в частности А. Н. Пилясовым и В. Л. Бабуриным в двупространственной модели территориальной организации общества [24, 51, 85, 86, 92, 95]. Более того, большинство компонентов «эффекта колеи» и факторов, обусловливающих этот эффект, рассматривается в теории отечественной экономической географии и региональной экономики, часто с использованием иных терминов. Так, используемому на Западе понятию «эффект масштаба» соответствует термин «концентрация производства» (как одна из форм общественной организации производства). А такие его формы, как «специализация», «кооперирование», «агломерация» производства, «инфраструктурные ограничения» [17, 18, 89, 90], имеют своих аналогов в западных теориях, в том числе в концепции «эффекта колеи».

При изучении «эффекта колеи» необходим комплексный анализ всей совокупности функциональных подсистем региона – производственной, расселенческой, инфраструктурной, социальной, демографической, институциональной. Поскольку исследуемые регионы (а особенно входящие в их состав территориально-производственные системы и системы расселения) представляют собой разновидность территориальных социально-экономических систем, постольку они подчиняются закономерностям функционирования и развития систем. В частности, они отличаются устойчивостью к внешним воздействиям и реагируют на них как единое целое [36]. Однажды сформировавшись, то есть, приобретя ряд характерных для региона признаков – таких как специализация, уровень и темпы развития, отношения с другими

регионами и др., данный регион в дальнейшем развивался в том же направлении, пока существенные (внешние и, особенно, внутренние) причины не приводили к качественным переменам. Тогда должна меняться специализация, уровень и темпы развития по сравнению с другими регионами, географические направление внешних связей. Но на направления и скорость изменений влияет вся внутренняя специфика функциональных составляющих региона, которая должна быть учтена – ведь в ходе происходящих изменений траектории регионального развития могут возникнуть (и возникают) серьезные диспропорции внутри региона, требующие регулирующего вмешательства государства. Конкретные примеры рассмотрены ниже на материалах Калининградской области.

ГЛАВА 2 «ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

2.1 Факторы «эффекта колеи» в развитии региона

Региональные экономики очень различаются по своей отраслевой структуре, бизнес-организации, связям с другими регионами, национальной и глобальной экономикой. Некоторые из них экономически специализированы, другие – достаточно диверсифицированы. Некоторые регионы являются технологическими лидерами, тогда как другие в большей степени зависят от внедрения и применения технологий, чем от их изобретения. Таким образом и «эффект колеи» будет различаться от территории к территории.

Для того чтобы применить концепцию «эффекта колеи» для объяснения экономико-географических явлений в Калининградской области, мы предлагаем выделить те факторы, которые способствуют закреплению той или иной траектории регионального экономического развития. Для этого используем методики, применяемые в региональных зарубежных исследованиях «эффекта колеи» и отечественный опыт комплексного учета внутренних и внешних факторов в региональных прогнозах и при разработке стратегий регионального развития.

Регионы как разновидность территориальных социально-экономических систем отличаются устойчивостью к внешним воздействиям и реагируют на них как единое целое. Поэтому при изучении «эффекта колеи» необходим комплексный анализ всей совокупности функциональных подсистем региона (обеспечивающих его саморазвитие) и разнообразных внешних воздействий, которые так же, как внутренние причины, приводят к возникновению конфликта

между старым и новым. Принимая во внимание существующие экономические и экономико-географические исследования [162], в настоящей работе предлагается выделить следующие факторы «эффекта колеи» (таблица 2).

Таблица 2

Факторы регионального «эффекта колеи»

Фактор	Характеристика
Природная ресурсная база	Траектория регионального развития сформирована зависимостью от определенного сырья и соответствующими техническими возможностями, формирующими сопутствующие и смежные отрасли
Специфика системы расселения	Пространственные формы расселения, влияющие на возможности концентрации, агломерации и кооперации
Количество и качество трудовых ресурсов	Соответствие профессионального состава и других характеристик трудовых ресурсов потребностям новой экономики
Состояние системы подготовки кадров	Способность учреждений образования и подготовки кадров обеспечивать потребности новой экономики
Невозвратные издержки по созданию локальных активов и инфраструктуры	Долговечность капитальных вложений, особенно в промышленности и физической инфраструктуре, формах городского строительства, используемых долгое время и формирующих возможности экономического развития в силу того, что фиксированные исходные издержки уже осуществлены, а переменные издержки ниже, чем общие расходы по замене этой инфраструктуры
Локальный эффект масштаба от отраслевой специализации	Наличие специализированных промышленных районов и кластеров с наличием обученной рабочей силы, специализированных поставщиков и посредников, локальные эффекты распространения знаний и координация бизнес механизмов (кооперация и профессиональные сети, обычаи и бизнес-практики) – все, что формирует высокий уровень локальной экономической взаимозависимости

Продолжение таблицы 2

Фактор	Характеристика
Региональное «закрепление» технологий	Развитие специализированного технологического режима или инновационной системы посредством процессов коллективного обучения, подражающего и изоморфного поведения, сопутствующих технологических и исследовательских организаций, межфирменного разделения труда и других форм технологической взаимозависимости
Эффект агломерации	Самоусиливающееся развитие, основанное на различных эффектах агломерации, таких как разнообразные трудовые ресурсы, большой рынок, устойчивые сети отношений «затраты-выпуск», поставщики, обслуживание, информация, широкий спектр видов деятельности и специализированных функций
Особенности институтов, социальных форм и культурных традиций	Формирование локально обусловленных экономических и регуляторных институтов, социального капитала, социальной инфраструктуры и традиций – все, что встраивает экономическую активность в локальную траекторию развития
Геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимо-зависимости)	Траектория развития региона может зависеть от траектории другой территории посредством межотраслевых и внутриотраслевых связей, зависимости от финансовых институтов, влияния экономической и регуляторной политики других регионов, национальной и международной

Источник: составлено автором.

Некоторые из перечисленных факторов в большей или меньшей степени специфичны для определенного типа локальной экономики, однако в большинстве случаев различные типы и формы «эффекта колеи» скорее сосуществуют и взаимодействуют в рамках региональной экономики или отдельных отраслей экономики.

«Эффект колеи» может проявляться в разных масштабах и на разных иерархических территориальных уровнях (глобальном, национальном, региональном, локальном). Но нельзя с очевидностью утверждать, что эффект, действующий на микроуровне, обязательно породит аналогичную зависимость на более высоком уровне. То есть, несмотря на то, что какие-то аспекты региональной технологической, институциональной или промышленной структуры могут зависеть от предыдущего развития, необязательно иные аспекты этой же структуры будут показывать ту же траекторию зависимости. Таким же образом проявление «эффекта колеи» на уровне отдельных фирм не обязательно будет означать, что концентрация этих хозяйствующих субъектов в такие коллективные объединения как регион, город или кластер также породит зависимость от предыдущего развития. Перенос «эффекта колеи» на более высокий уровень в этом случае зависит от силы внутренних связей. Такой перенос «эффекта колеи» с уровня на уровень гораздо четче прослеживается в отношении кластеров и специализированных промышленных районов, где локальные связи являются одной из сильных и неотъемлемых черт экономической структуры. Однако большинство региональных экономик не являются узко привязанными к одной или двум отраслям. В сильно диверсифицированных регионах гораздо более значимую роль могут играть не локальные взаимосвязи между экономическими субъектами, а внешние эффекты от урбанизации или межрегиональные связи.

Таким образом, региональные экономики могут содержать многочисленные траектории зависимости от предшествующего развития. В целом можно сказать, что справедливость применения концепции «эффекта колеи» к экономике региона зависит не только от того, возможно ли выделить базовую региональную экономическую систему, но и от того, насколько сильны взаимодействия и связи внутри всей региональной системы.

Нельзя утверждать, что «эффект колеи» везде одинаково применим и одинаково силен. Вместе с тем, пространство/место и локальный контекст играют

важную роль. Зависимость от места и зависимость от предшествующего развития тесно связаны между собой. Определенное место характеризуется определенным типом «эффекта колеи», и экономические агенты не просто находятся внутри конкретной траектории развития, но и в конкретном пространстве, которое сформировано определенным набором внешних эффектов, характеристик социальной инфраструктуры и физической инфраструктурой. Это справедливо и в отношении «случайных событий», порождающих новые траектории развития. Например, Б. Артур полагал, что экономически более привлекательные регионы обладают преимуществом быть выбранными для размещения новых отраслей и производств [116]. То есть локальная экономическая структура и история ее формирования могут играть решающую роль в определении места расположения технологических и промышленных новаций. Таким образом, региональный «эффект колеи» представляет собой комплексный процесс: зависимость от предшествующего развития формирует экономическое развитие региона, его экономическую структуру, но и регион в свою очередь направляет траектории «эффекта колеи».

Применительно к исследованию роли зависимости от предшествующего развития экономики Калининградской области в настоящей работе мы будем рассматривать Калининградскую область как экономический регион в целом, используя примеры отдельных отраслей, институтов и инфраструктуры только в том случае, когда это явно связано с траекторией развития всей региональной экономической структуры.

2.2 Периоды и этапы развития экономики Калининградской области

2.2.1 Периодизация развития экономики региона

Несмотря на то, что вопросы истории экономического развития Калининградской области рассматривались в ряде работ [37, 48, 94, 104] на проблемы преодоления «эффекта колеи» обращалось мало внимания. В лучшем случае описывались изменения отраслевой структуры экономики и темпов развития, однако возникавшие при этом сложности, связанные с преодолением прежнего пути развития экономики (а в начале 1990-х гг. и всего общества), рассматривались минимально.

В развитии Калининградской области, как и любого субъекта РФ, действуют и общие для страны факторы, и специфические, обусловленные, прежде всего, особенностями ее истории, географического и геополитического положения. Совокупное действие этих факторов вследствие сильных изменений внутренних и внешних условий ее развития объясняет происходившие серьезные сдвиги в отраслевой структуре экономики и темпах развития за сравнительно небольшой отрезок истории, начиная с 1945 г. и продолжающийся по настоящее время [47, 48, 94, 142].

Ретроспективный анализ развития экономики региона – организации производства, его динамики, изменений в отраслевой структуре и специализации, внешних связей - позволяет выделить два периода – советский и постсоветский – и, внутри них, ряд этапов развития. Начало каждого периода связано с реструктуризацией производства товаров и услуг и продолжается как количественные изменения видов экономической деятельности до следующего качественного сдвига – новой реструктуризации под воздействием внутренних и

внешних (особенно характерных для региона) факторов. И каждому из них присущи свои особенности, движущие силы, ключевые отрасли, результаты.

Наиболее глубокими являются различия между следующими двумя временными отрезками, которые мы назовем историческими периодами. Каждый из них отличается своими особенностями, движущими силами, ключевыми отраслями, результатами развития. Первый из них, 1945 – 1991 гг., - советский период, период административно-командной, огосударствленной экономики. Второй начался с распадом СССР, когда область превратилась в отделенный от основной территории страны эксклав, а экономика стала превращаться в рыночную. Различия между периодами носят качественный характер в связи с кардинальными различиями административно-командной и рыночной экономики.

Поскольку распад Советского Союза произошел в самом конце 1991 г., а наше исследование завершается 2017 годом, постольку временными рамками второго периода можно считать 1992 – 2017 гг. (хотя с уверенностью можно предположить, что он продлится и в 2018 г., и в более отдаленном будущем). Каждый период состоит из нескольких этапов развития, различия между которыми носят преимущественно количественный характер.

Характер и масштабы действия каждого из факторов регионального развития (и, соответственно, его результаты) на каждом этапе и, особенно, в рамках периода развития, неодинаковы. Даже такой, казалось бы, неизменный фактор, как географическое положение, оказывает влияние на развитие региональной экономики по-разному в зависимости от происходящих геополитических изменений. Так, приморское положение территории области в одних случаях (во время нахождения этих земель в составе Германии, а также в советский период) подчиняло ее развитие нуждам базирования здесь крупного военно-морского флота. В советский период в области был создан крупный рыбопромышленный комплекс. А функции обслуживания внешнеторговых связей страны морским транспортом стали играть особенно большую роль в 1990-е гг., когда экономика России стала более активно включаться в мировую. Последнее

десятилетие отличается усиленным вниманием к калининградскому морскому побережью со стороны туристической отрасли, которая постепенно начинает играть все более важную роль в экономической специализации региона.

Изменения в структуре экономики области, ее реструктуризация, не были безболезненными. Ведь с существенным изменением условий развития каждого региона в его экономическом развитии сталкиваются две качественно различающихся стратегии развития: «эффект колеи» – стремление развиваться по уже налаженному пути – и создание нового направления развития, принципиально отличающегося от прежнего [23, 81, 101, 109, 115, 129, 150]. При этом происходит переоценка факторов развития экономики региона, обусловливающая изменение его специализации, технологическое и техническое переоснащение. Созданию нового пути развития приходится с большими трудностями преодолевать действие «эффекта колеи».

Последовательность периодов и этапов экономического развития Калининградской области можно представить следующим образом [65].

1. *Советский период*: *1945 – 1991 гг.* Становление и развитие на месте остатков прежней («капиталистической») экономики новой - «социалистической» (административно-командной). Его начало связано с вхождением части территории бывшей германской Восточной Пруссии в состав СССР, а завершение – с распадом Советского Союза. В этот период произошло частичное восстановление нарушенного войной производственного потенциала и его приспособление к социалистическому способу хозяйствования (основанному на иных институциональных основах – не на частной, как ранее, а на государственной собственности). В результате была создана экономика, достигшая среднего для Советского Союза уровня развития, основу которой составили рыбопромышленный комплекс, предприятия машиностроительной, целлюлозно-бумажной и молочно-мясной промышленности, сельское хозяйство, морской транспорт, добыча нефти и янтаря.

В составе *советского периода* выделяются следующие этапы:

1.1. Восстановительно-созидательный этап (1945 – 1949 гг.), в течение которого была восстановлена часть прежнего производственного потенциала и сформирована социалистическая экономика, основанная на государственной собственности на средства производства (вторая половина 1940-х гг.). Остававшееся немецкое население было выселено в Германию (в основном ее западную часть), область была заселена переселенцами, прибывшими из различных регионов страны, преимущественно из наиболее пострадавшей во время войны ее части.

1.2. Этап быстрого экстенсивного развития (1950 – 1975 гг.). На этом этапе было осуществлено строительство целого ряда предприятий – сформирован рыбопромышленный комплекс, созданы новые машиностроительные производства. Темпы экономического роста существенно превышают средние по стране.

1.3. Этап медленного экстенсивного развития (1975 – 1985 гг.). Снижаются, как и в целом по стране, темпы роста производства. Делается безуспешная попытка перехода на интенсивный путь развития на основе роста производительности труда.

1.4. Этап «перестройки» (1985 – 1991 гг.). На этом этапе в области, как и в целом по стране, проводятся непоследовательные институциональные реформы с целью демократизации управления обществом, в экономике делается попытка внедрить хозрасчет и элементы рыночных методов хозяйствования, разработать по примеру ряда других территорий концепцию экономической самостоятельности региона. Однако половинчатость реформ и неудачи в управлении экономикой ведет к дальнейшему замедлению темпов экономического развития, нарастанию диспропорций в развитии экономики и углублению социальных проблем (их глубину показывает, например, исчезновение многих потребительских товаров из розничной торговли и введение талонов на ряд продуктов и товаров широкого потребления).

2. *Постсоветский период: 1992 – 2017 гг.* Это период переходной, а затем рыночной экономики. Он характеризуется революционными изменениями в формах собственности, разрушением прежней и формированием новой отраслевой структуры экономики, кардинальными сдвигами во внешних связях региона. Особенности входящих в него четырех этапов экономического развития области следующие.

2.1. Этап кризиса переходного периода (1992 – 1998 гг.). Прежняя структура экономики в условиях шокового перехода от административно-командной к рыночной экономике показала свою неэффективность. Помимо изменившихся институциональных условий на глубину кризиса повлияли изменения рынков сбыта продукции, поставок сырья и полуфабрикатов. Изменения оказались особенно существенными по сравнению с большинством регионов страны вследствие нараставшей эксклавности региона. Резкий спад производства произошел в традиционных отраслях специализации экономики региона. Намного уменьшились инвестиции в экономику, резко снизились уровень и качество жизни населения. Региону оказывается институциональная (механизм свободной/ Особой экономической зоны) и финансовая поддержка (Федеральная целевая программа развития области). Постепенно создается новая экономика. Одновременно идет становление рыночных отношений, развивается малый бизнес, модернизируются отрасли сферы рыночных услуг.

2.2. Этап быстрого экономического роста на экстенсивной основе за счет создания новых рабочих мест с невысокой производительностью труда (1999 – 2006 гг.). Идет развитие частичного импортозамещения в промышленности (благодаря действию режима Особой экономической зоны, далее - ОЭЗ). Этот этап также характеризуется значительным ростом импорта сырья и полуфабрикатов предприятиями ОЭЗ для доработки, получения готовой продукции и последующего ее вывоза преимущественно в другие российские регионы. Сфера рыночных услуг ускоренно развивается качественно и количественно.

2.3. Этап нестабильного развития экономики в условиях значительных изменений внешних условий развития области (при этом изменения отличались гораздо большим масштабом, чем большинство регионов РФ (2007 – 2016 гг.). На этом этапе значительно меняются институциональные условия регионального развития. Их причиной стало принятие в 2006 г. нового закона об ОЭЗ при продолжавшемся до 1 апреля 2016 г. действии положений прежнего закона (1996 г.). Важным фактором стало негативное влияние на промышленность региона западных санкций и ответных российских мер. Прежде всего отрицательно сказалось прекращение импорта продовольственного сырья из соседних стран на развитой пищевой промышленности области, до того работавшей в значительной мере на импортном сырье.

2.4. В 2017 г. ситуация стабилизируется, создаются предпосылки экономического роста на основе реструктуризации производства по инновационному пути, при повышении роли сферы рыночных услуг (в особенности туризма) и социальной сферы. К числу благоприятных факторов относится повышение цены на нефть, некоторое укрепление рубля, определившее рост объемов экспорта и импорта. Экономика региона, как и вся российская экономика, приспосабливается к развитию в условиях санкций. В конце 2017 г. принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области». Инвесторам предоставляются значительные льготы, снижены минимальные размеры инвестиций для получения льгот, расширен круг возможных их получателей (теперь это не только промышленные предприятия). Предполагается корректировка действующей или принятие новой стратегии социально-экономического развития области. Эта корректировка должна учесть, с одной стороны, перспективные направления развития российской экономики, с другой – новые льготы закона об ОЭЗ.

2.2.1 Советский период развития экономики Калининградской области

Восстановительно-созидательный этап, охвативший вторую половину 1940-х гг., был основан на восстановлении и адаптации имевшегося на территории области (ограниченного по масштабам и разрушенного войной) производственного потенциала к работе в условиях социалистического способа хозяйствования. Главные сложности были связаны с необходимостью преобразования основанной на рыночных принципах экономики, являвшейся составной частью народного хозяйства Германии, в административно-командную экономику СССР. Реструктуризации экономики сильно мешал «эффект колеи», заключавшийся, во-первых, в имевшихся объектах производственной инфраструктуры и оборудовании уцелевших предприятий, наличии практически повсеместной мелиорации земель, с которой переселенцы, прибывшие из регионов СССР с отсутствием развитых осушительных систем, не были знакомы. Во-вторых, заново нужно было создать абсолютно все институциональные условия развития региона, поскольку они полностью отсутствовали (и это было положительным фактором для их создания, так как не нужно было разрушать прежние институты).

Калининградская область представляет собой северную часть территории бывшей Восточной Пруссии. До Второй мировой войны это была отсталая аграрная периферия Прусского государства. Хотя Кенигсберг играл определенную роль как морской порт и железнодорожный узел, в структуре экономики преобладал аграрный сектор, причем продуктивность сельского хозяйства из-за менее благоприятных природных условий была ниже, чем в большинстве других частей Германии. В конце XIX в. стала развиваться промышленность, которая использовала в основном привозное сырье. Ее ведущими отраслями были машиностроение и металлообработка,

деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, пищевая, силикатно-керамическая промышленность. Преобладали мелкие предприятия, численность занятых на которых составляла не более нескольких десятков человек. Добывающая промышленность была представлена добычей янтаря, торфа и стройматериалов. В Балтийском море и его заливах велся лов рыбы. [45, 82]

Ряд предприятий были разрушены во время войны или эвакуированы на запад. Многие промышленные производства, эффективные ранее, в новых условиях вследствие изменения связей по поставкам сырья, топлива, полуфабрикатов, готовой продукции, становились неэффективными. Часть из них (более крупные) осталась в регионе только из-за наличия дорогостоящих основных производственных фондов (прежде всего, целлюлозно-бумажная промышленность и металлоемкое машиностроение). Преобладавшие в Восточной Пруссии мелкие частные промышленные предприятия в социалистических условиях стали нежизнеспособны. Мелкоконтурным частным сельскохозяйственным предприятиям соответствовала мелкоселенная система расселения, которая перестала соответствовать крупным массивам сельхозугодий в намного более значительных по размерам сельхозугодий колхозах и совхозах. Но мелкоселенность расселения не удалось преодолеть за весь советский период развития области. До настоящего времени в Калининградской области в расселении все еще преобладают мелкие сельские и городские населенные пункты (хотя число сельских поселков сократилось с более чем 3,5 тыс. на момент образования области до 1072 на начало 2017 г.). Средняя людность сельских населенных пунктов в 2017 г. составила всего 204 человека, городских (за вычетом Калининграда – 12,0 тыс. человек). [50]

Другой проблемой стала необходимость заселения области переселенцами из других частей СССР, поскольку остававшееся здесь немецкое население было в 1947 – 1949 гг. депортировано в Германию. Наиболее масштабное организованное переселение жителей из различных регионов Советского Союза (в основном из РСФСР, а также из Белорусской и Украинской ССР) на территорию области

происходило в 1946 – 1949 гг. Впоследствии население области длительное время увеличивалось преимущественно за счет естественного прироста. [99]

Но с точки зрения преодоления «эффекта колеи» и нарушение производственного потенциала, и полная замена населения региона сыграли весьма положительную роль, «расчистив площадку» для построения новой экономики и нового общественного устройства. Хотя, конечно, оставшиеся фонды предприятий, мелиоративная система, транспортная сеть продолжали воздействовать на формирование экономики области и ее пространственных форм.

Несмотря на ущерб, который был нанесен войной хозяйству, к 1950 г. в промышленности области главную роль стали играть восстановленные предприятия машиностроения, целлюлозно-бумажной, лесной и деревообрабатывающей, пищевой промышленности. Практически полностью был реструктурирован аграрный комплекс региона: на смену фермерским хозяйствам со средним размером сельхозугодий 20-100 га пришли колхозы и совхозы со средним объемом обрабатываемых площадей 2000-3000 га. [53]

На *этапе быстрого экстенсивного развития экономики* благодаря созданию новых отраслей и производств в 1950 – 1975 гг. объемы промышленного производства увеличились в 14,4 раза [54, 69]. Многие производства создавались заново, и «эффект колеи» не повлиял на их становление.

На этом этапе стал более полно использоваться потенциал приморского положения региона. Был создан крупный рыбопромышленный комплекс, который был ориентирован не на прибрежный, а на океанический лов, что позволило обеспечить до 12 % добычи рыбы и морепродуктов в стране. Возникли обслуживающие и сопутствующие производства, например, тарный комбинат, машиностроительные предприятия стали производить оборудование для судов и лова рыбы. Расширились военное судостроение и судоремонт. Начал формироваться туристско-рекреационный комплекс: статус городов-курортов

республиканского значения в 1971 г. получили расположенные на морском побережье города Светлогорск, Зеленоградск и Пионерский. Расширялся Калининградский морской порт с портопунктами в Калининграде, Светлом и Пионерском.

В области был построен ряд предприятий точного машиностроения и легкой промышленности. Сформировались достаточно эффективное для советских условий свиноводство, птицеводство, пушное звероводство. Земледелие на этом этапе играло обслуживающую роль по отношению к животноводству, производя корма. Оно также поставляло населению картофель и овощи (хотя и в количестве, недостаточном для удовлетворения потребностей населения области). Возрастало значение приморской зоны области как центра туризма и рекреации. Еще одним направлением специализации области стало выполнение оборонных функций. В Балтийске была создана крупная военно-морская база, на территории региона разместилась крупная группировка сухопутных войск и авиации [69, 70].

Основные черты народнохозяйственного комплекса Калининградской области советского периода, специализация экономики во внутрисоюзном разделении труда оформились к середине 1960-х гг. и серьезно не изменялись вплоть до начала 1990-х гг. Сформировавшаяся специализация, хотя и не полностью (в частности из-за остававшегося наследия прошлого), но соответствовала факторам, влиявшим на региональное социально-экономическое развитие.

Этап медленного экстенсивного развития. К середине 1970-х гг. в Калининградской области были исчерпаны резервы роста производства за счет ускоренного ввода новых мощностей, вовлечения дополнительных ресурсов и увеличения численности занятых. В этом отношении регион претерпевал трудности в развитии промышленности, аналогичные трудностям экономики СССР в целом. Сложность положения экономики области усугублялась высокой долей отраслей, зависящих от сырья, поскольку к числу ведущих относились

рыбопромышленный и лесопромышленный комплексы [38, 69, 70, 100]. На них к концу периода (1985 г.) приходилось 45 % объемов промышленного производства и 55 % основных фондов. Несмотря на успешное развитие социального сектора, появление в области ряда вузов, здесь не сложился крупный многоотраслевой центр научно-технического развития, хотя немаловажную роль даже в общесоюзном масштабе играли учреждения, обслуживавшие рыбопромышленный и судостроительный комплексы.

В 1975 – 1985 гг. темпы роста производства в Калининградской области стали снижаться. В 1970 – 1975 гг. промышленное производство области возросло на 36 %, а в 1980 – 1985 гг. – лишь на 6 % [55]. Это соответствовало общим для страны тенденциям. С целью преодоления указанного замедления, со второй половины 1970-х гг. осуществлялась попытка перевести экономику страны в целом и региона в частности на путь интенсивного развития, то есть с помощью внедрения новых технологий, освоения передовых производств и роста производительности труда. Однако здесь особенно сильно сказывался «эффект колеи», а именно – большая стоимость созданных ранее основных производственных фондов (особенно в рыбопромышленном комплексе), сформировавшаяся профессиональная структура и квалификация кадров. И, главное, отсутствовала традиция развития за счет интенсивных факторов, создания хорошо оснащенных высокопроизводительных рабочих мест. Создававшиеся новые места не сильно отличались в лучшую сторону от существовавших. Происходило быстрое старение фондов, которые замещались новыми машинами и оборудованием крайне медленно. Негативную роль играл административно-командный, распределительный характер экономики, которая отторгала инновации. В конечном счете, перевести экономику на путь интенсивного развития не удалось.

На *этапе «перестройки»* была сделана попытка модернизировать социализм, придав ему некоторые черты, присущие рыночной экономике. Но этот путь стал катастрофическим для экономики всей страны. Отторжение инноваций

и стремление к сохранению прежней организации (да и структуры) экономики означало, что «эффект колеи» оказался непреодолимым для СССР в целом. Сопротивление внедрявшимся сверху переменам (которые снизу в условиях административно-командной экономики не могли проявиться) было настолько сильным, что привело к распаду самого СССР. Калининградская область стала эксклавом, а потому прежняя отраслевая структура экономики региона оказалась почти полностью непригодна в условиях изменившегося экономико-географического и геополитического положения. Экономика области требовала кардинальной реструктуризации, но для этого были необходимы значительные инвестиции и новые способы организации производства.

К началу 1990-х гг. хозяйственный комплекс региона имел средний для СССР уровень развития и носил аграрно-индустриальный характер. В 1990 г. на область приходилось 0,6 % населения РСФСР, 0,55 % ее промышленного потенциала, 0,65 % производства сельскохозяйственной продукции. Область производила 10 % пищевой рыбной продукции страны, 11 % целлюлозы, 3 % бумаги. Незамерзающие порты обслуживали экпортно-импортные поставки и базирование океанического рыбопромыслового флота. Регион был тесно включен в хозяйственные связи со многими регионами страны: 70 % производимой продукции поступало в другие части страны в обмен на сырье, топливо, полуфабрикаты, товары народного потребления. Рыбная продукция, целлюлоза, продукция машиностроения поступали на экспорт в 50 стран мира. Отраслевая структура народного хозяйства отражала функции Калининградской области в обслуживании внешних связей страны. Отраслевая структура промышленности – высокую степень участия во внутригосударственном разделении труда и зависимость от внешних поставок сырья и энергии. [38, 100]

2.2.3 Постсоветский период развития экономики Калининградской области

Этап кризиса переходного периода (1992 – 1998 гг.) характеризовался резким спадом производства в традиционных отраслях специализации экономики региона. На этом этапе, наряду с разрушением прежних административно-командных институтов, шло становление рыночных отношений, формировался малый бизнес, обновлялась сфера услуг. Уменьшился и расположенный на территории области оборонный потенциал. Ликвидировались крупные предприятия и создавались многочисленные субъекты малого бизнеса (преимущественно в быстро растущей сфере рыночных услуг), в том числе совместные и иностранные предприятия. Прежние производственные связи разрушаются, и постепенно, со становлением новых производств, формируются новые.

Происходившие изменения имели много негативных следствий, особенно в рыбопромышленном комплексе, который прежде составлял единое целое с республиками Прибалтики. Неудачная приватизация нанесла огромный ущерб рыболовному флоту. Большая часть приватизированного (в основном трудовыми коллективами) флота была продана (часто на металлолом) или ушла «под чужой флаг». Были полностью разрушены существовавшие ранее тесные производственные связи предприятий рыбопромышленного комплекса с партнерами из Литвы и Латвии. Затруднения с поставками древесины из Северо-Запада России обусловили трудности функционирования целлюлозно-бумажной промышленности. Машиностроительные предприятия после распада СССР утеряли многие прежние кооперационные связи с заводами, оказавшимися в новых независимых странах. В аграрном секторе произошла ликвидация колхозов и совхозов и их замена фермерскими и новыми коллективными хозяйствами (акционерными обществами разного типа), причем вновь созданные

хозяйствующие субъекты резко уменьшили объемы производства. Все эти специфические факторы, в дополнение к общим для страны проблемам (отсутствие оборотного капитала и возможностей получения на приемлемых условиях кредитов), поставили экономику эксклавного региона в беспрецедентно сложное положение. Объемы промышленного и сельскохозяйственного производства стали снижаться быстрее, чем в среднем по стране (рисунки 1 и 2).

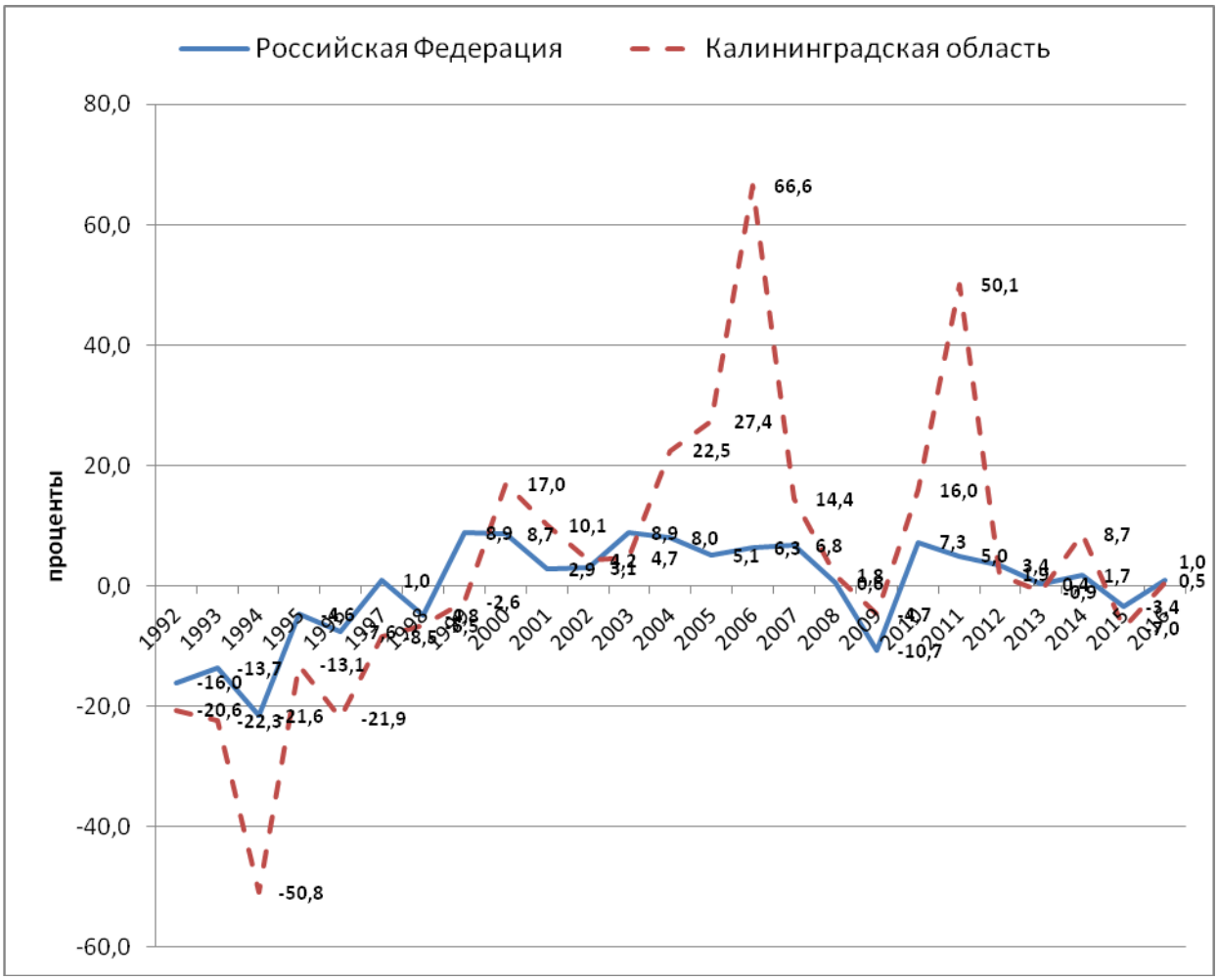

Рисунок 1 - Изменение объема промышленного производства в РФ и Калининградской области, 1992 – 2016 гг., в процентах к предыдущему году

Источник: [65, с. 208].

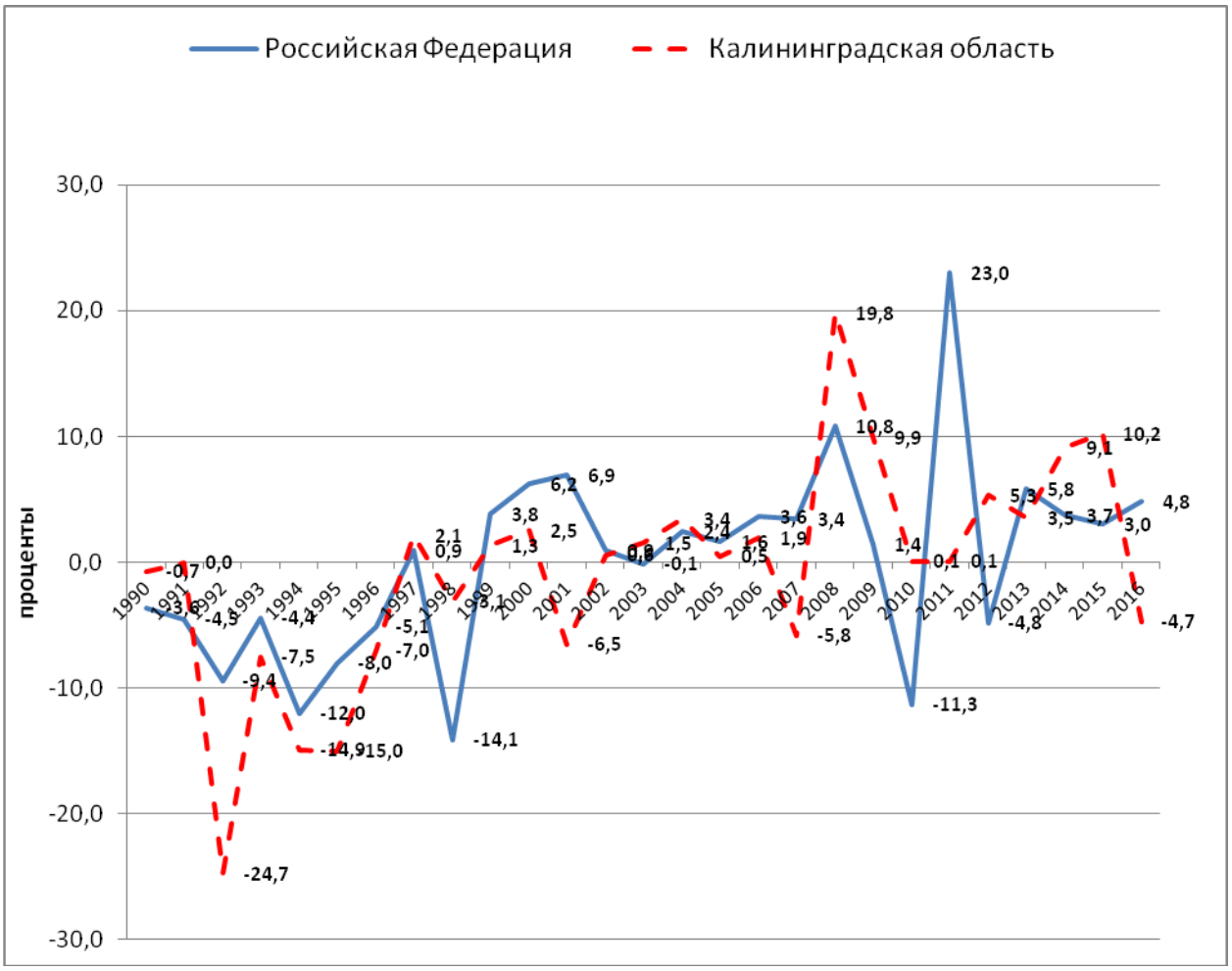

Рисунок 2 - Изменение объема сельскохозяйственного производства в РФ и Калининградской области, 1992 – 2016 гг., в процентах к предыдущему году

Источник: [65, с. 209].

Превращение Калининградской области в эксклав и разрушение хозяйственных связей с другими регионами страны усилили падение уровня производства на фоне общего для страны глубокого социально-экономического кризиса 1990-х гг. В 1998 г. промышленное производство в области составило только 29 % от уровня 1990 г. (в России 46 %), сельскохозяйственное – 48 % (в России – 56 %), розничный товарооборот – 42 %.

Реагируя на проблемы, связанные с фактической изоляцией Правительство РФ стало осуществлять ряд мер, направленных на выход из

сложившейся ситуации. Выбранными инструментами такого решения стали налоговые и таможенные льготы. В то же время, долгосрочная стратегия развития региона, отвечавшая менявшимся внутренним и внешним условиям, сформирована не была. Был выбран путь предоставления региону различных преференций, ограниченных по сроку действия, с целью скорейшей стабилизации экономического развития и предотвращения социальных волнений.

Эксклавному региону, который оказался в исключительно сложных условиях развития, стала предоставляться серьезная федеральная поддержка. При этом область стала одной из первых среди регионов, где стали осуществляться рыночные преобразования. Еще в 1990 г. Верховный совет РСФСР декларировал создание на территории области зоны свободного предпринимательства. В июне 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР издал распоряжение «О хозяйственном статусе свободной экономической зоны в Калининградской области» [14]. В сентябре 1991 г. Совет Министров РСФСР утвердил «Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь»)» [11]. Однако действие этого механизма стало реализовываться уже после распада СССР. Согласно Положению получила права свободной таможенной зоны, значительные налоговые льготы были предоставлены предприятиям с иностранным капиталом. Это стало толчком к переходу российских предприятий в совместные, тем более что для этого первоначально требовался чисто символический уставной капитал. Однако режим СЭЗ не всегда поддерживался из-за противоречий, возникавших с федеральным таможенным законодательством. А льготы совместным и иностранным предприятиям не привели к значительному притоку инвестиций – в совместные предприятия превращались в основном уже действовавшие ранее хозяйствующие субъекты [98].

Ожидалось, что некоторую стабилизацию в режим хозяйствования внесет закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» (1996 г.) [5] и Федеральная целевая программа развития Калининградской области на 1998 – 2005 гг. (1997 г.) [10]. Однако в условиях сравнительно высокого (завышенного) курса рубля по отношению к доллару не в полной мере работал механизм свободной таможенной зоны, обусловленный законом об ОЭЗ. Федеральная целевая программа также не была исполнена в полном объеме (так, за 1998 – 2001 гг. было получено лишь 3 % запланированных средств) и не компенсировала экономические потери региона. Поэтому к 1998 г. в регионе имело место намного более глубокое, чем в среднем по стране, сокращение объемов промышленного и аграрного производства [56, 57, 59, 76, 94, 98].

Можно утверждать, что 1990-е гг. характеризовались глобальным качественным изменением прежней «колеи развития». Это изменение оказалось более глубоким по сравнению со средним по России, поскольку от прежней экономической специализации области осталось очень мало. Изменениям способствовал режим Свободной экономической зоны «Янтарь» и процесс приватизации, прежде всего основных фондов рыбной промышленности. Так, суда приватизировались преимущественно «трудовыми коллективами», тут же их продававшими или уводившими под «чужой флаг». Но зато были созданы предпосылки становления новой экономики и упрочения формировавшейся политической системы. Это позволило провести столь кардинальные изменения и начать, почти с нуля, строительство новой экономики региона, резко изменив его «колею развития».

Этап быстрого экономического роста на экстенсивной основе. Он начался в 1999 г. отчасти вследствие распространения в промышленности производств, основанных на частичном импортозамещении. Резкое падение обменного курса рубля в результате дефолта августа 1998 г. привело к

сильному удорожанию импорта товаров. В этих условиях в регионе был удачно использован механизм особой экономической зоны. Была создана промышленность, использующая импортное сырье и полуфабрикаты для производства (с небольшой нормой добавленной стоимости) продукции, поставляемой в другие регионы страны. И «зональный» механизм ОЭЗ, обеспечивший усиленный приток дешевых импортных товаров из-за рубежа в 1992 – 1998 гг. и вытеснивший с рынка товары местных производителей «расчистил площадку» для создания новых производств.

Рисунок 3 отражает наращивание с 2002 г. импорта сырья и полуфабрикатов, комплектующих изделий для производств, использовавших таможенные льготы закона об ОЭЗ[1996]. Быстрыми темпами стало увеличиваться жилищное строительство: в расчете на 1000 жителей область заняла передовые позиции среди российских регионов. Развивались современные форматы торговли, транспорт и туризм, новые формы бытового обслуживания населения. Автотранспорт и наличие портов позволили увеличить обслуживание российских внешнеторговых связей.

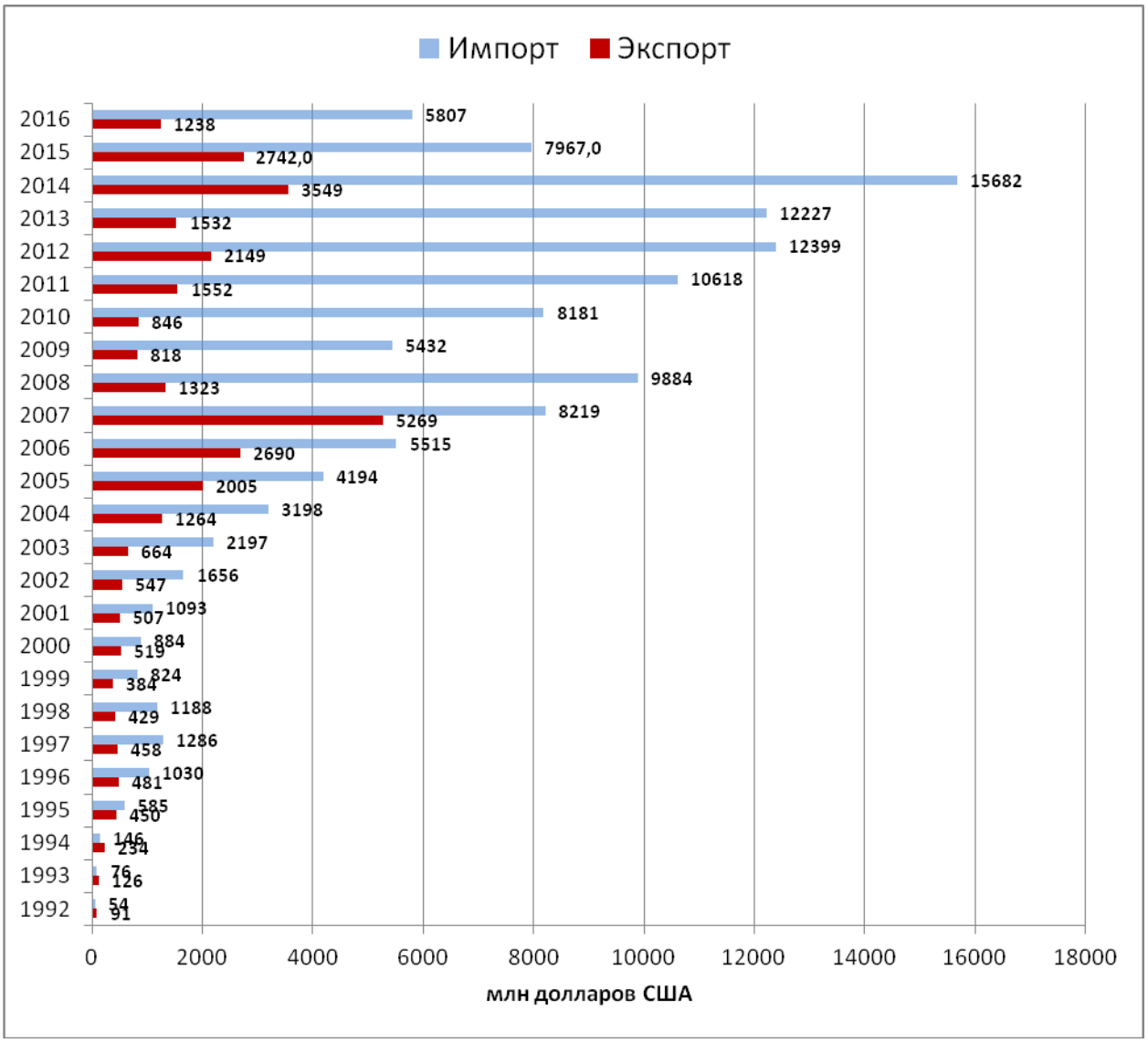

Рисунок 3 - Динамика внешней торговли Калининградской области, 1992 – 2016 гг., млн долларов США.

Источник: [65, с. 211].

Начало *этапа нестабильного развития экономики* практически совпало с принятием нового закона об ОЭЗ (2006 г.), предусматривающим стимулирование крупных инвестиций [3]. При этом предусматривалось сохранение в течение 10 лет и действие закона 1996 г. с его таможенными льготами. Принятие этого закона положило начало новой реструктуризации экономики региона. Однако сохранение таможенных льгот наряду с режимом, позволяющим вывозить продукцию, произведенную из

импортного сырья с небольшой созданной в регионе добавленной стоимостью, способствовало поддержанию «эффекта колеи», то есть сохранению позиций экономики региона, возникших на базе использования Закона об ОЭЗ^{1996}. Не случайно, когда с 1 апреля 2016 г. льготный режим 1996 г. перестал действовать, федеральное правительство вынуждено было выделить дотации в размере более 40 млрд рублей в год на поддержку предприятий, работающих в режиме частичного импортозамещения.

Глобальный экономический кризис 2008 – 2009 гг. отрицательно повлиял на экономическое развитие региона. Сократилось импортозамещающее сборочное производство и снизились объемы внешней торговли. В 2010 г. экономика региона начала выходить из кризиса, но в 2012 г. темпы роста производства замедлилось. Это связано как с общими, характерными для мировой экономики негативными тенденциями, так и с ожидавшимися в 2016 г. изменениями условий хозяйствования в регионе.

В соответствии с задачами перехода к развитию региона за счет инновационных факторов и роста производительности труда вновь стала реализовываться попытка интенсификации производства. Частью решения этой задачи стала попытка привлечения крупных инвесторов льготами закона об ОЭЗ^{2006}. В том числе за счет продления действия положений закона об ОЭЗ^{1996} на период до 1 апреля 2016 г. удалось привлечь несколько крупных инвесторов. Резидентами ОЭЗ^{2006} стали такие крупные предприятия как «Содружество Соя», «Автотор», ОАО «Молоко» и др., а всего на 01 января 2017 г. в едином реестре резидентов ОЭЗ^{2006} в Калининградской области числилось 126 инвестиционных проектов с объемом заявленных инвестиций более 95 млрд рублей [77].

Как и в случае с предприятиями «переходного периода», территориальное расположение резидентов определялось, прежде всего, административным и трудовым потенциалом места, логистическими возможностями. Из 172 поданных с начала действия закона заявок на

включение в число резидентов, 49 % были от предприятий, зарегистрированных в г. Калининграде, 9 % - в Гурьевском районе и Светловском городском округе, по 5 % - в Багратионовском, Черняховском и Гусевском районах. Однако, хотя бы по одному резиденту есть в каждом муниципалитете области (рисунок 4). Как и в случае с предприятиями, использующими таможенные льготы, это подтверждает наш вывод о том, что в Калининградской области в постсоветский период факторы зависимости от влияния экономической и регуляторной политики, осуществляемой на национальном уровне, являлись определяющими для изменения траектории развития региональной экономики.

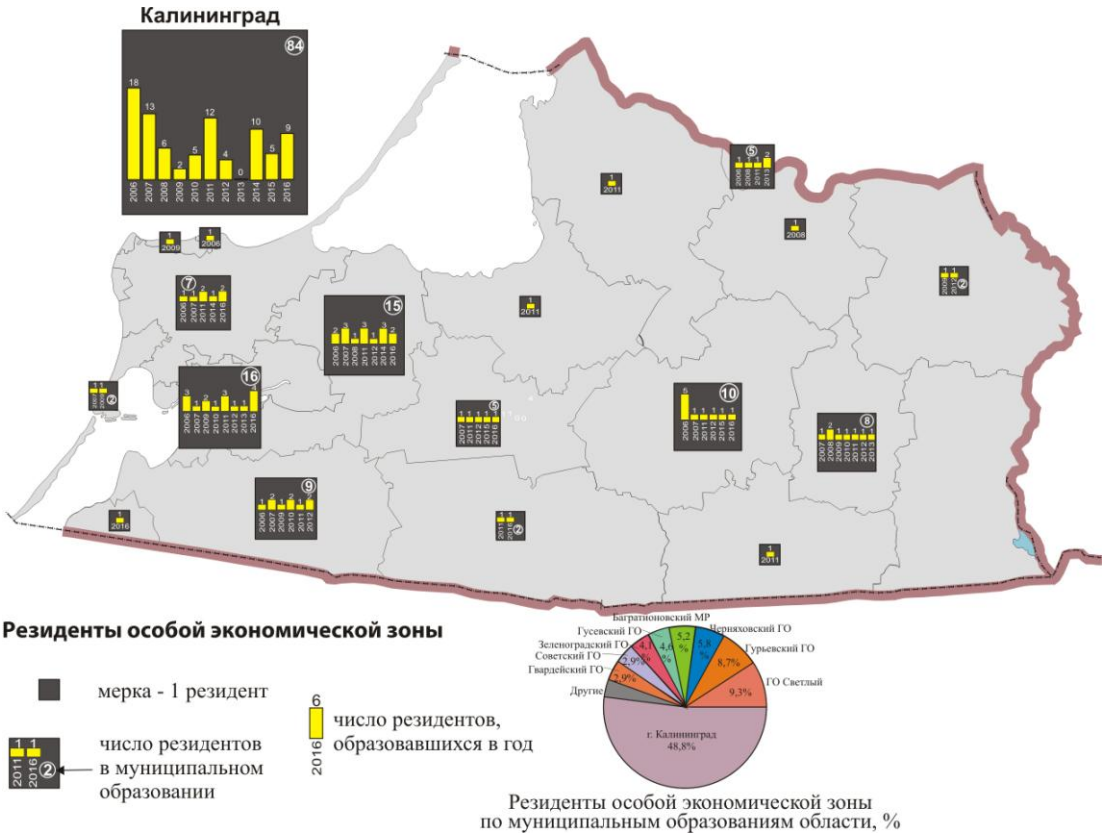

Рисунок 4 - Динамика регистрации и географическое распределение резидентов ОЭЗ[2006], 2017 г.

Источник: составлено автором на основе данных: [77].

Однако же, общие объемы прямых инвестиций в экономику области невелики. Они составили в 2016 г. всего 0,4 % от общего объема

капиталовложений в российскую экономику [91]. При этом продолжалось развитие промышленности на основе частичного импортозамещения с низкой долей добавленной стоимости в конечной продукции (в группе компаний «Автотор» она составляла, например, всего 7 %). К сожалению, продолжал действовать «эффект колеи», затрудняющий формирование новой экономики, с меньшей зависимостью от импорта сырья и от перевозок массовых грузов, менее энергоемкой и более инновационной. Одним из приоритетов развития стали туризм и рекреация. Особенно быстро развивается внутренний российский туризм. Так, за 2005 – 2016 гг. количество коллективных средств размещения в Калининградской области возросло с 65 до 201, а количество размещенных в них туристов увеличилось с 179 тыс. до 535 тыс. человек [91].

Начавшийся в 2017 г. период, как мы ожидаем, станет периодом стабилизации и перехода к динамичному развитию благодаря росту производительности труда на основе инновационных факторов. Ожидаемые перспективы развития и пути их достижения рассматриваются в главе 3.

2.3 Роль факторов «эффекта колеи» в эволюции территориальной структуры хозяйства Калининградской области

На протяжении обоих рассматриваемых в настоящей работе периодов развития региона (1945 – 1991 гг. и 1992 – 2017 гг.) для экономики Калининградской области наиболее характерны два из приводимых нами факторов зависимости от предшествующего развития:

– ресурсная база (включая географическое положение);

– геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимозависимость).

Вместе с тем, в каждом из периодов эти факторы проявлялись по-разному и входили в сочетание с другими факторами зависимости от предшествующего развития. [65]

Советский этап (1945-1991 гг.)

На этом этапе развития области основную роль сыграло сочетание следующих трех факторов зависимости от предшествующего развития:

– природная ресурсная база,

– невозвратные издержки по созданию локальных активов и инфраструктуры и

– геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимозависимость).

При этом ведущим был геополитический фактор (межрегиональных связей и взаимозависимости). Этот фактор, как видим из его характеристики, определяется зависимостью от развития других территорий. В данном случае мы говорим об общих тенденциях и механизмах построения хозяйственной деятельности в СССР.

В начале становления экономики региона этот фактор сыграл роль шокового эффекта и «разблокировал» траекторию развития территории будущей Калининградской области, задав ей направление отличное от того, что было задано существованием региона в границах Восточной Пруссии. Одной из лучших иллюстраций этому может быть исследование изменения структуры расселения населения и изменения структуры аграрных хозяйств после формирования колхозов, выполненное А. В. Левченковым [68].

Создание вертикально интегрированного кластера рыбопереработки на сырье, получаемом не прибрежным, а океаническим ловом, а также формирование военной функции региона как одной из его специализаций – другие яркие примеры действия указанного фактора на переломе траектории развития территории области после ее присоединения к Советскому Союзу.

В дальнейшем указанный фактор привел к существенному встраиванию региона в экономические связи с другими территориями СССР, зависимости от ввоза значительной части сырья и вывоза продуктов производства.

Эта зависимость усилила негативное влияние на экономику региона общего для страны кризиса 1990-х гг., в результате чего спад промышленного и сельскохозяйственного производства оказался более глубоким, чем в РФ в целом.

С нашей точки зрения, действие фактора невозвратных издержек по созданию локальных активов и инфраструктуры просматривается в следующем: несмотря на существенное изменение основной экономической траектории развития региона, ряд отраслей промышленности продолжили развиваться, опираясь на инфраструктуру и промышленную базу бывшей Восточной Пруссии. В первую очередь речь идет о транспортном комплексе, машиностроении, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

Однако необходимо отметить тесную взаимосвязь действия этого фактора с геополитическим, поскольку решение о частичном использовании сложившейся ранее отраслевой структуры области было принято, очевидно, не на самой территории, а центральными органами власти.

Фактор природной ресурсной базы, по нашему мнению, является наименее существенным из трех вышеуказанных. Несомненно, сельское хозяйство, добыча янтаря, нефти, туризм являются неотъемлемыми элементами структуры экономики Калининградской области. Вместе с тем, их доля в обще объеме производства никогда не была существенной.

Такие факторы, как локальный эффект масштаба от отраслевой специализации, региональное «закрепление» технологий, эффект агломерации, региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции, по нашему мнению, не сыграли существенной роли в

формировании траектории развития региона в период 1945 – 1991 гг. Причиной этому стал переход территории Калининградской области из одной экономической системы («западная», «рыночная») в другую («советская», «командно-административная») на стадии смены этапов. Это, в совокупности с фактически новым заселением территории региона переселенцами из других частей Советского Союза, сделало невозможным опору/зависимость на ранее сложившиеся «мягкие», социальные и технологические инфраструктуры, поскольку новое население принесло в регион свою культуру, рутины, практики.

Постсоветский период (1992 – 2017 гг.)

Постсоветский период развития области также характеризуется превалирующим влиянием фактора «геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимозависимость)». Однако характер его действия иной и взаимодействие с другими факторами «эффекта колеи» гораздо шире, чем на предыдущем этапе. Его основное содержание – в принятии центральными органами власти решения о введении на территории региона режима ОЭЗ.

Как и в случае с периодом 1945 – 1991 гг., этот фактор в начале постсоветского периода сыграл роль шокового эффекта, стал спусковым крючком для «окна возможностей по определению местоположения». Запуск режима особой таможенной зоны в Калининградской области, открывший широкие возможности для импорта товаров из-за рубежа, наложился на сформировавшуюся к середине 1990-х гг. потребность российской экономики в новых товарах потребления в силу отсталости и неконкурентоспособности отечественного производства.

На протяжении последующих лет этот режим во многом определял как развитие отраслевой структуры экономики региона, так и характер формирующейся бизнес среды, практики предпринимательской деятельности, соответствующих социальных институтов и рутин.

По итогам 2012 г. через Калининградскую область проходило около 4 % импорта товаров РФ. Режим ОЭЗ[1996] в части действия механизма свободной таможенной зоны более чем на 70 % определял товарные потоки в регионе и почти на четверть рынок труда и объем ВРП (Приложение А). В 2015 г. на область приходилось уже 8 % российского импорта [91].

Относительно действия других факторов «эффекта колеи» действующий режим Особой экономической зоны в части своего «переходного периода» проявился по-разному. И если он не стал источником формирования невозвратных издержек по созданию локальных активов и инфраструктуры и складывания соответствующего фактора «эффекта колеи» в силу незначительных капиталовложений в новые предприятия и низкой итоговой фондовооруженности промышленности региона, то сформировал дополнительное закрепление существующей траектории развития региона за счет таких факторов как «региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции», «региональное «закрепление» технологий» и «локальный эффект масштаба от отраслевой специализации».

Все три дополнительных указанных фактора действуют, в данном случае, схожим образом, закрепляя определенные модели поведения и рутины на уровне социальной практики, технологий ведения бизнеса и отрасли соответственно.

Яркими примерами действия фактора «эффекта колеи», связанного с закреплением технологии ведения бизнеса, могут служить схемы взаимопроникновения механизмов ОЭЗ[1996] и ОЭЗ[2006] и феномен значительного числа малых предприятий в регионе.

Первый случай был детально рассмотрен в работах ученых БФУ им. И. Канта [46, 78].

Призванный скорректировать развитие экономики Калининградской области режим налоговых льгот, введенный поправками в Закон об ОЭЗ в 2006 г., по факту превратился в дополнительной источник дохода для

существующих предприятий: комбинация таможенных и налоговых льгот позволяла изымать существенную часть ренты (Приложение Б).

Такие гибридные схемы используются целым рядом производств региона, например, при производстве автомобилей. В результате режим ОЭЗ^{2006} сформировал не более 10 % экономики региона, а процесс регистрации новых резидентов к 2013 г. практически приостановился (рисунок 4). Последующий всплеск заявлений на включение в число резидентов в 2016 г. уже был связан со снижением минимального порога инвестиций до 50 млн рублей.

Другим примером самовоспроизводящегося эффекта колеи в экономике Калининградской области на этапе 1992 – 2017 гг. может служить доля субъектов малого и среднего бизнеса.

Калининградская область занимает лидирующие позиции по количеству субъектов малого предпринимательства на душу населения при незначительном количестве акционерных обществ.

Несмотря на видимую позитивность этого показателя, для области характерно искусственное создание субъектов малого предпринимательства для оптимизации налогов через использование упрощенных систем налогообложения. Связано это с тем, что в регионе с начала 1990-х гг., с момента придания ей статуса Особой экономической зоны, в части НДС был допущен существенный перекос в регулировании. НДС не уплачивается в отношении ввозимых иностранных товаров (за исключением подакцизных товаров, а также товаров, которые включены в перечень запрещенных к помещению под таможенную процедуру таможенной зоны), но НДС применяется в обычном порядке при поставках товаров из России и должен уплачиваться при реализации товаров на территории области. Таким образом, иностранным товарам предоставляется ценовое преимущество до 18 % по сравнению с товарами, производимыми в области и ввозимыми из России и других государств-членов Таможенного союза, что подталкивает

экономических операторов к поиску схем оптимизации налогов. А при значительном числе экономических субъектов, использующих такие схемы, любое вновь возникающее предприятий вынуждено использовать ту же практику для сохранения собственной конкурентоспособности.

Ориентация экономики региона на режимы, поддерживающие импортозамещение, сформировала целый ряд явлений, которые можно отнести к такому фактору «эффекта колеи» как «региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции».

К положительным элементам действия этого фактора можно отнести эффективное функционирование в регионе целого ряда институтов бизнес кооперации таких как: Калининградская Торгово-промышленная палата, Балтийский деловой клуб, Ассоциация иностранных инвесторов, Союз промышленников и предпринимателей. Эти социальные институты способствуют интеграции новых экономических агентов в существующую траекторию развития посредством процессов коллективного обучения, подражающего и изоморфного поведения; содействуют устойчивости сложившегося экономического механизма за счет консолидации усилий и активного лоббирования интересов большинства экономических агентов на территории региона.

К отрицательным элементам фактора «региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции», по нашему мнению, следует отнести уровень инновационности экономики региона. Экономика Калининградской области мало инновациона. И производство, и, особенно, внедрение инноваций отличается низкими показателями. Особенно незначительно внедрение инноваций в экономику. По душевым затратам на научные исследования и разработки область уступает среднему по РФ показателю в 5 раз, по выдаче патентов на 1 млн жителей – почти в 4 раза, а по душевым затратам на технологические инновации – в 12 раз, по объему инновационных товаров, работ и услуг на 1000 жителей – в 24 раза. В

Северо-Западном федеральном округе, усредненные показатели которого близки к средним по РФ, Калининградская область относится к группе наименее развитых в инновационном отношении регионов [78, с. 37-38].

Роль факторов «эффекта колеи» в развитии Калининградской области представлена в таблице 3.

Таблица 3

Влияние факторов «эффекта колеи» на экономическое развитие Калининградской области

Фактор	Характеристика	Наличие/отсутствие влияния фактора	
		1945-1991	1992-2015
Природная ресурсная база	Траектория регионального развития сформирована зависимостью от определенного сырья (например, газ, нефть, древесина и т.п.) и соответствующими техническими возможностями, формирующими сопутствующие и смежные отрасли	+	+
Невозвратные издержки по созданию локальных активов и инфраструктуры	Долговечность (квази-необратимость) капитальных вложений региона, особенно в тяжелой промышленности и физической инфраструктуре, таких как формы городской строительства, транспортная система и т.п., которые используются долгое время и формируют возможности экономического развития в силу того, что фиксированные исходные издержки уже осуществлены, а переменные издержки ниже, чем общие расходы по замене этой инфраструктуры	+	-

Продолжение таблицы 3

Фактор	Характеристика	Наличие/отсутствие влияния фактора	
		1945-1991	1992-2015
Локальный эффект масштаба от отраслевой специализации	Локальные промышленные районы и кластеры специализированной экономической деятельности, характеризующиеся экстерналиями маршаллианского типа и неторгуемыми взаимосвязями – общий резерв обученной рабочей силы, специализированные поставщики и посредники, локальные эффекты распространения знаний и локальные эффекты координации в контексте бизнес механизмов (например, кооперация и профессиональные сети, обычаи бизнес практики и т.п.) – все, что формирует высокий уровень локальной экономической взаимозависимости	-	+
Региональное «закрепление» технологий	Развитие характерного специализированного регионального технологического режима или инновационной системы посредством процессов коллективного обучения, подражающего и изоморфного поведения, сопутствующих технологических и исследовательских организаций, межфирменного разделения труда и других форм технологической взаимозависимости	-	+

Фактор	Характеристика	Наличие/отсутствие влияния фактора	
		1945-1991	1992-2015
Эффект агломерации	Обобщенное самоусиливающееся развитие, основанное на различных эффектах агломерации, таких как: разнообразный трудовой ресурс, большой рынок, устойчивые сети отношений «затрат-выпуска», поставщики, обслуживание, информация, широкий спектр видов деятельности и специализированных функций	-	-
Региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции	Формирование локально обусловленных экономических и регуляторных институтов, социального капитала, социальной инфраструктуры и традиций – всего, что встраивает экономическую активность в локальную траекторию развития	-	+

Фактор	Характеристика	Наличие/отсутствие влияния фактора	
		1945-1991	1992-2015
Геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимозависимости)	Траектория развития региона может быть сформирована траекторией развития другой территории, например, посредством межотраслевых и внутриотраслевых связей и зависимостей, зависимости от финансовых институтов, расположенных на другой территории, влияния экономической и регуляторной политики, осуществляемой в других регионах или на национальном уровне (или даже за его пределами)	+	+

Источник: составлено автором.

2.4 Роль механизма Особой (свободной) экономической зоны в развитии региона и его влияние на «эффект колеи»

Близость региона к зарубежным торговым партнерам и необходимость решения задачи по компенсации его географической изоляции обусловили создание здесь еще в 1991 г. свободной экономической зоны распоряжением Председателя Верховного Совета РСФСР «О хозяйственном статусе свободной экономической зоны в Калининградской области» [14]. Главным ее механизмом стал механизм свободной таможенной зоны.

Этот механизм беспошлинного ввоза и вывоза товаров сохранился и с принятием в 1996 г. федерального закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», который повысил статус документов, регулирующих хозяйственную деятельность в регионе. Указанный режим подразумевал, что при выполнении требований достаточной переработки (изменение классификационного кода по ТН ВЭД ТС на уровне четвертого знака классификационного кода, и не менее 30 % добавленной стоимости), товары, произведенные из иностранных компонентов, ввезенных в режиме свободной таможенной зоны, вывозятся на остальную территорию Таможенного союза без уплаты таможенных пошлин и НДС [5].

При этом льготный режим ввоза товаров без уплаты таможенных пошлин и налогов на территорию Калининградской области был установлен еще в 1993 г. Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1993 г. № 2117 «О Калининградской области» [7], а льготный режим вывоза произведенных в области товаров на остальную часть территории РФ – в 1996 г. (указанный Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области»).

Производство в Калининградской области на основе беспошлинно ввозимого импортного сырья и полуфабрикатов товаров отвечало росту потребности в них населения страны вслед за повышением доходов. При этом предприятия региона смогли обеспечить производство товаров с достаточно высоким уровнем качества и дешевле непосредственно импортируемых из-за рубежа. Производимые в регионе товары стали пользоваться спросом на общероссийском рынке. Таможенные льготы, получаемые предприятиями, работающими в режиме импортозамещения, обусловили высокую рентабельность производимой продукции, поскольку они значительно перекрыли расходы, связанные с транспортировкой продукции на общероссийский рынок через территорию иностранных государств.

Режим ОЭЗ^{1996} способствовал ускоренному развитию производства товаров из импортного сырья и полуфабрикатов на российский рынок. Промышленное производство росло более высокими темпами, чем в среднем по стране. Начиная с 1999 г. объемы промышленного производства (в сопоставимых ценах) возросли к 2007 г. в четыре раза, превысив уровень 1990 г. На начало 2006 г. в промышленности области сформировалось следующее соотношение поставок товаров для внутреннего потребления, в другие российские регионы и на экспорт – 1:3:1 [100]. Сформировалась модель экономики региона, основанная на частичном импортозамещении (с варьированием произведенной в регионе добавленной стоимости в широких пределах: от 7 до 85 %).

В связи со вступлением России в ВТО и снятием таможенных границ с Белоруссией встал вопрос о прекращении действия механизма свободной таможенной зоны в варианте режима ОЭЗ^{1996}. В результате в 2006 г. был подписан новый закон об ОЭЗ в Калининградской области. Законом был установлен особый налоговый режим для лиц, имеющих статус резидента ОЭЗ. Организации, осуществившие капитальные вложения в размере не

менее 150 млн рублей в первые три года реализации инвестиционного проекта, приобретали право на освобождение от налога на прибыль и налога на имущество в течение первых 6 календарных лет, а также на снижение ставок указанных налогов на 50 % в течение последующих 6 лет. Закон также регулировал завершение действия льготного режима производства на территории Калининградской области, предусматривающий возможность беспошлинного ввоза с территории области на остальную часть территории РФ товаров, произведенных из иностранных компонентов (при условии, если в процессе производства товары подвергнуты достаточной переработке). Был установлен «переходный период» действия льгот с 1 апреля 2006 г. по 1 апреля 2016 г. [3]

Темпы роста производства с использованием двух режимов ОЭЗ (особенно ОЭЗ^{1996}) в 2006 – 2007 гг. еще более возросли.

Развитие экономики региона в 1992 – 2016 гг. отражало особенности развития механизма Особой экономической зоны (Приложение В). К 2008 г. по многим позициям Калининградская область занимала значимое место в экономике Российской Федерации. Появились новые отрасли: электронная, автомобилестроительная, пищевая, мебельная. В 2008 г. доля произведенных в Калининградской области электропылесосов составила 99,6 % от произведенных в России, телевизоров – 84 %, рыбных пресервов и консервов – 28,2 %, легковых автомобилей – 7,3 %, холодильников – 4,3 %. Доля улова и добычи морепродуктов (не зависящей от режима ОЭЗ) в общероссийском улове составила 6,3 %. [102]

«Отверточный» характер большинства производств, возникших с использованием льгот зонального механизма, не требовал создания фондоемких и наукоемких производств. Поэтому объемы инвестиций в расчете на душу населения в регионе в 2005 – 2010 гг. были близки к средним по РФ, а в 2010 – 2016 гг. стали отставать, сокращаясь даже в текущих ценах (рисунок 5).

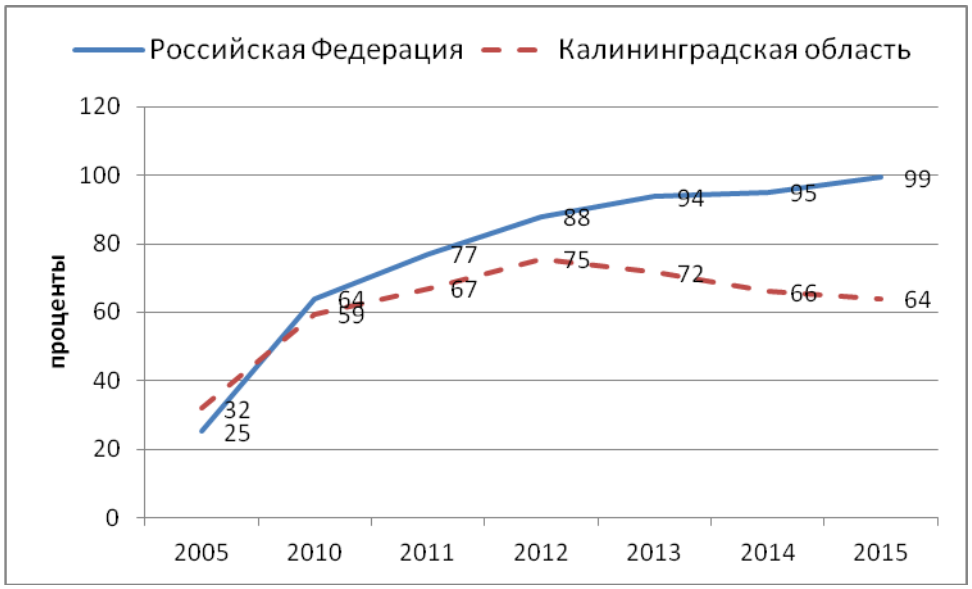

Рисунок 5 - Динамика инвестиций в основной капитал на душу населения в фактически действовавших ценах, 2005 – 2015 гг., тыс. рублей

Источник: [65, с. 218].

Динамику физического объема инвестиций отражает рисунок 6. В 2009 г. и 2013 – 2015 гг. в Калининградской области объемы инвестиций сократились, тогда как в Российской Федерации в целом сокращение, причем в значительно меньших относительных размерах, произошло лишь в 2014 г. и 2015 г.

Рисунок 6 - Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал, 2005 – 2015 гг., в процентах к предыдущему году

Источник: [65, с. 218].

В развитии промышленности региона области был преодолен «эффект колеи» и возникла новая промышленность. На рисунках 7 и 8 представлена география и отраслевой состав крупнейших предприятий региона в 1985 г. и 2017 г. Как видим, некоторые отрасли практически полностью исчезли с карты области, например, целлюлозно-бумажное производство. Другие существенно расширили свою географию, как, например, пищевые производства.

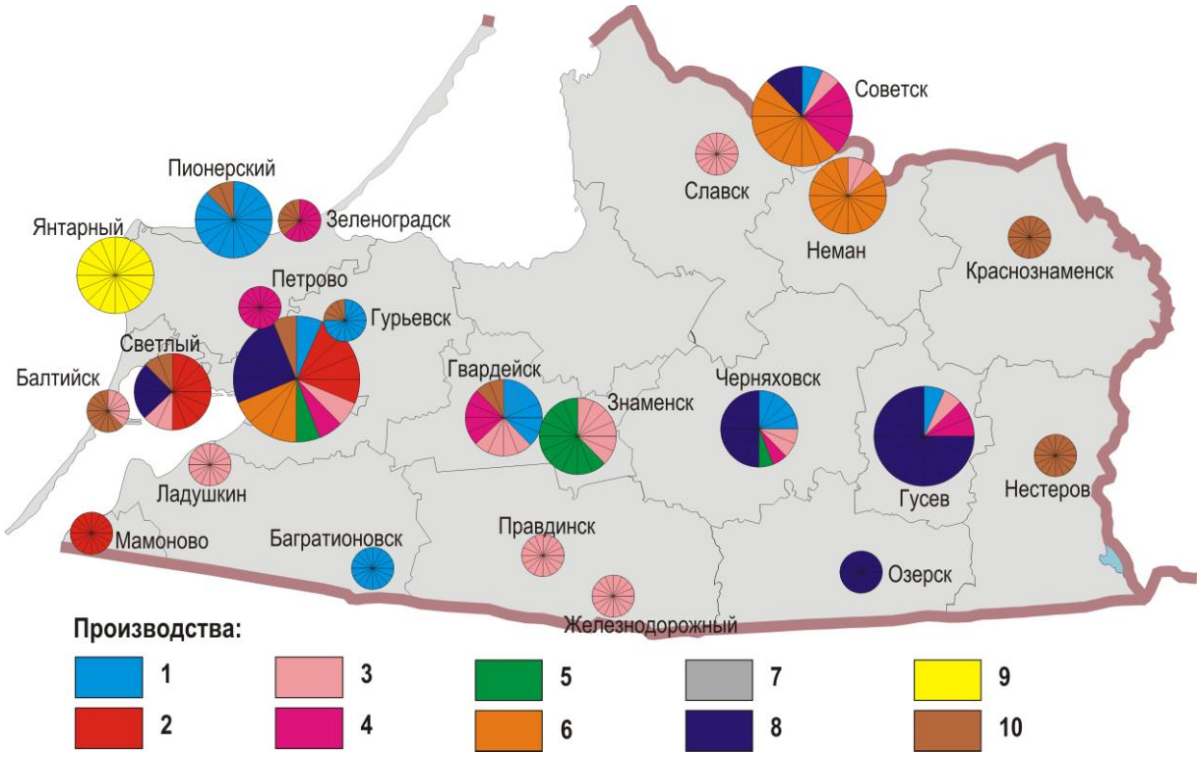

Рисунок 7 - Местоположение и отраслевой состав крупнейших предприятий Калининградской области, 1985 г.

Источник: составлено автором на основе данных: [97].

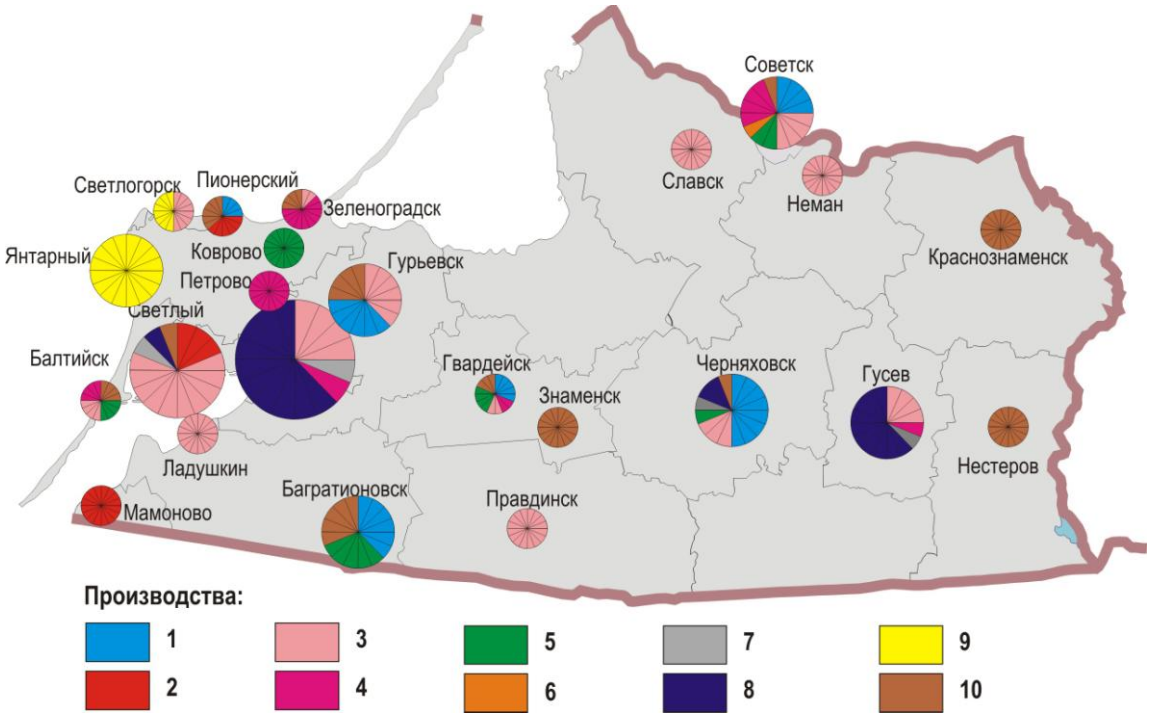

Рисунок 8 - Местоположение и отраслевой состав крупнейших предприятий Калининградской области, 2017 г.

Источник: составлено автором на основе данных: [97].

Пояснение к рисункам 7 и 8:

Номер на картодиаграмме	Обрабатывающие производства
1	Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции
2	Переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков
3	Другие пищевые производства и производство напитков
4	Текстильное, швейное и обувное производство
5	Обработка древесины, производство изделий из дерева
6	Целлюлозно-бумажное и полиграфическое производство
7	Производство неметаллической минеральной продукции
8	Производство машин и оборудования, электрооборудования, транспортных средств
9	Янтарное производство
10	Другие производства

Предприятия, составившие новую экономическую основу хозяйства региона, во многом базировались на использовании таможенных льгот.

На 1 января 2014 г. 629 предприятий осуществляли внешнеэкономическую деятельность с применением режима свободной таможенной зоны. 39 % из них составляли предприятия пищевой промышленности, 15 % - производство мебели, 9 % - производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, 8 % - металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, по 7 % - текстильное и швейное производство и производство резиновых и пластмассовых изделий, 6 % - целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность и менее 5 % - обработка древесины и производство изделий из дерева, производство транспортных средств и оборудования, химическое производство, производство прочих неметаллических минеральных продуктов, прочие производства (игрушки и спортивный инвентарь). Указанные предприятия оказались распределены по территории региона. Несмотря на то что более 60 % из них зарегистрировано в г. Калининграде, целый ряд муниципальных образований также стал местом размещения предприятий ОЭЗ[1996], включая такие отдаленные и «непромышленные» как Зеленоградск, Краснознаменск, Неман, Светлогорск (рисунок 9).

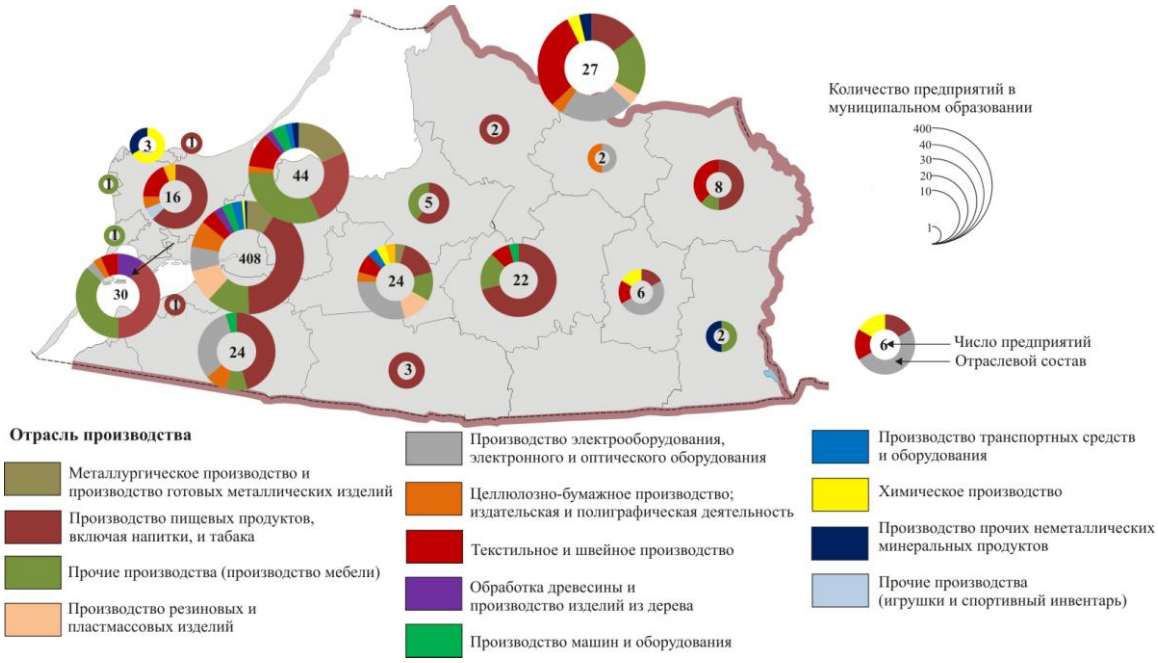

Рисунок 9 - Отраслевой состав и географическое распределение предприятий, использующих режим свободной таможенной зоны, 2014 г.

Источник: составлено автором на основе данных: [103].

Согласно данным исследований, проведенных по заданию Минэкономики Калининградской области, доля в ВРП данных предприятий в 2013 г. составила с учетом смежных производств 21,5 %, доля занятых – 45 % от среднесписочной численности работников обрабатывающей промышленности в Калининградской области [63].

Преобладание предприятий частичного импортозамещения с невысокой долей добавленной стоимости, а также повышенная по сравнению со средним по стране уровнем доля малого бизнеса с невысокой производительностью труда, сказались на отставании области в душевом производстве ВРП на 25 – 30 % от средних по РФ показателей. Рисунок 10 отражает более высокий удельный вес области в численности населения страны по сравнению с ее долей в суммарном производстве ВРП российскими регионами.

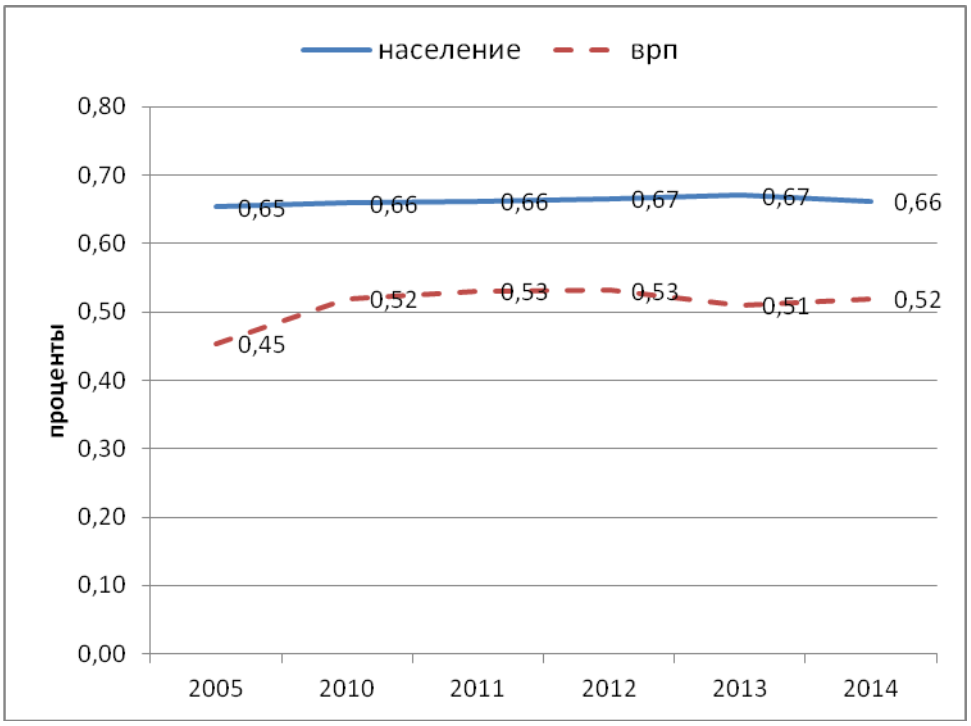

Рисунок 10 - Динамика удельного веса Калининградской области в населении РФ и сумме ВРП по субъектам РФ, 2005 – 2014 гг., в процентах

Источник: составлено автором на основе данных: [96].

По данным таможенной статистики по итогам 2011 г., 72,5 % товаров, ввезенных с территории Калининградской области на территорию Российской Федерации, составили товары, изготовленные в области из иностранных компонентов (то есть в рамках режима ОЭЗ[1996]). По итогам 2013 г. вывоз на остальную территорию РФ в режиме свободной таможенной зоны составил 11 004 млн долларов США.

Основную часть предприятий, работающих в рамках переходного периода, составляют наиболее крупные предприятия региона, вносящие наибольший вклад в формирование ВРП области.

Стоимость товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг резидентами ОЭЗ[2006] в Калининградской области в 2013 г. составила 76,1 млрд рублей (10 % от оборота всех организаций области за данный период), в том числе стоимость отгруженных товаров собственного

производства – 61,8 млрд рублей. Сумма налоговых платежей, фактически уплаченных в бюджеты всех уровней организациями – резидентами ОЭЗ[2006], в 2013 г. составила 3 467 млн рублей (3,1 % от доходов консолидированного бюджета области) [74].

ГЛАВА 3 РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И РОЛЬ «ЭФФЕКТА КОЛЕИ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

3.1 Актуальность реструктуризации экономики Калининградской области

Как уже было сказано выше, современный этап развития экономики Калининградской области характеризуется тем, что он в значительной степени сформирован режимом ОЭЗ[1996] и отменой этого режима с 1 апреля 2016 г. в силу обязательств России по вступлению в ВТО и ЕАЭС.

Три ключевых характеристики экономики региона, на наш взгляд, можно привести для оценки возможностей/ограничений ее дальнейшего развития.

Первое. Зависимость от импорта в силу самого содержания режима ОЭЗ[1996], где главным механизмом выступал режим таможенных льгот.

В таблице 4 представлено распределение обрабатывающих производств по уровню их зависимости от импорта. Показательно, что наибольшую зависимость показывает производство автомобилей, обеспечивающее самую высокую долю выпуска как валовой, так и чистой продукции. Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов, из-за превышения мощностей рыбообрабатывающих предприятий над возможностями резко сократившегося рыбодобывающего флота, также более чем на 80 % зависит от импорта рыбного сырья.

Таблица 4

Группировка видов обрабатывающих производств по уровню импортной зависимости, в процентах

Доля импортных сырья, материалов, полуфабрикатов	Обрабатывающие производства
90,0 – 98,9	Производство: готовых кормов для животных; напитков, табачных изделий; готовых текстильных изделий (кроме одежды); стекла и изделий из стекла; автомобилей; мотоциклов и велосипедов
80,0 – 89,9	Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов. Производство: ковров и ковровых изделий; канатов, веревок, шпагата и сетей; изделий из бумаги и картона; основных химических веществ; красок и лаков; пластмассовых изделий; бытовых приборов, не включенных в другие группировки; аппаратуры для приема, записи и воспроизведения звука и изображения. Обработка металлических отходов и лома
70,0 – 79,9	Распиловка и строгание древесины; пропитка древесины; производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона; производство приборов контроля и регулирования технологических процессов
60,0 – 69,9	Производство: одежды из текстильных материалов и аксессуаров одежды; приборов и инструментов для измерений, контроля, испытаний, навигации, управления и прочих целей; мебели. Переработка и консервирование картофеля, фруктов и овощей

Продолжение таблицы 4

Доля импортных сырья, материалов, полуфабрикатов	Обрабатывающие производства
50,0 – 59,9	Производство: трикотажных изделий; изолированных проводов и кабелей
40,0 – 49,9	Производство: мяса и мясопродуктов; растительных и животных масел и жиров; подъемно-транспортного оборудования; промышленного холодильного и вентиляционного оборудования; станков
30,0 – 39,9	Производство: хлеба и мучных кондитерских изделий недлительного хранения; какао, шоколада и сахаристых кондитерских изделий; упаковки из легких металлов; гребных винтов и их лопастей для судовых двигателей и лодочных моторов; машин и оборудования.

Источник: [65, с. 222-223].

Как видим, все основные виды обрабатывающих производств региона характеризуются высокой либо средней степенью зависимости от импортных сырья и комплектующих. При этом в структуре производственных затрат доля сырья превышает две трети, а в пищевой промышленности – четыре пятых (таблица 5).

Таблица 5

Структура производственных затрат

(по данным обследования предприятий, 2013 г.)

Элементы затрат	Вся промышленность	Пищевая промышленность
Сырье и основные материалы	68,5	81,5
Вспомогательные материалы	4,4	4,1
Топливо со стороны	4,1	1,6
Энергия со стороны	2,8	0,7
Амортизация	8,2	4,1
Зарплата с начислениями	14,1	6,6
Прочие	2,9	1,4
ИТОГО	100	100

Источник: [65, с. 223].

Второе. Низкая производительность труда и доля добавленной стоимости в силу особенностей условий режима ОЭЗ[1996].

По производству добавленной стоимости в расчете на 1 занятого в экономике (что можно рассматривать как производительность общественного труда) практически во всех сферах деятельности область уступает среднероссийским показателям. Только в сельском хозяйстве (благодаря природным предпосылкам и наличию более доходных производств), рыболовстве и рыбоводстве (как следствие прежней специализации экономики и природных преимуществ) и обрабатывающих производствах (однако здесь необходимо учитывать субсидии на поддержку предприятий ОЭЗ[1996]) Калининградская область отличается в лучшую сторону от средних по стране показателей.

Объемы произведенной добавленной стоимости в расчете на одного занятого отражают данные таблицы 6.

Таблица 6

Оценка объема добавленной стоимости в расчете
на одного занятого, 2016 г., в процентах

Виды экономической деятельности	Объем валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого (средняя величина по совокупности видов экономической деятельности в РФ = 100 процентов)	
	Калининградская область	Российская Федерация
Валовая добавленная стоимость, всего	63,8	**100**
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	**79,1**	60,8
Добыча полезных ископаемых	427,4	**611,3**
Обрабатывающие производства	**115,7**	93,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	83,0	**122,0**
Строительство	34,1	73,5
Торговля	43,7	77,0
Гостиницы и рестораны	22,1	39,3
Транспорт и связь	60,1	**111,6**
Финансовая деятельность	12,9	**212,4**
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	92,2	**176,3**
Гос. управление и обеспечение военной безопасности; обязательное соц. обеспечение	68,3	**156,4**
Образование	**35,9**	33,7
Здравоохранение и предоставление соц. услуг	52,1	57,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	24,5	32,1

Источник: составлено автором на основе данных: [97].

Третье. Высокая зависимость экономики региона от конъюнктуры российского и внешнего рынка и курса рубля.

В благоприятные периоды (высоких цен на нефть) темпы экономического роста значительно опережают общероссийские, но во время кризиса темпы ее падения также выше средних (хотя и в меньшей пропорции). Как показывают выполненные учеными БФУ им И. Канта расчеты, коэффициент регрессии между темпами роста ВРП Калининградской области и ВВП Российской Федерации составляет 1,55. То есть, в ответ на 1%-ное изменение ВВП России, экономика региона изменяется в среднем в полтора раза быстрее (рисунок 1).

Таким образом, к моменту отмены «переходного периода» режима ОЭЗ[1996] регион подошел со структурой экономики, привыкшей работать со значительными ценовыми конкурентными преимуществами - неуплата пошлины и НДС дает от 25 до 51 % себестоимости товара по сравнению с производством на территории России (рисунок 11).

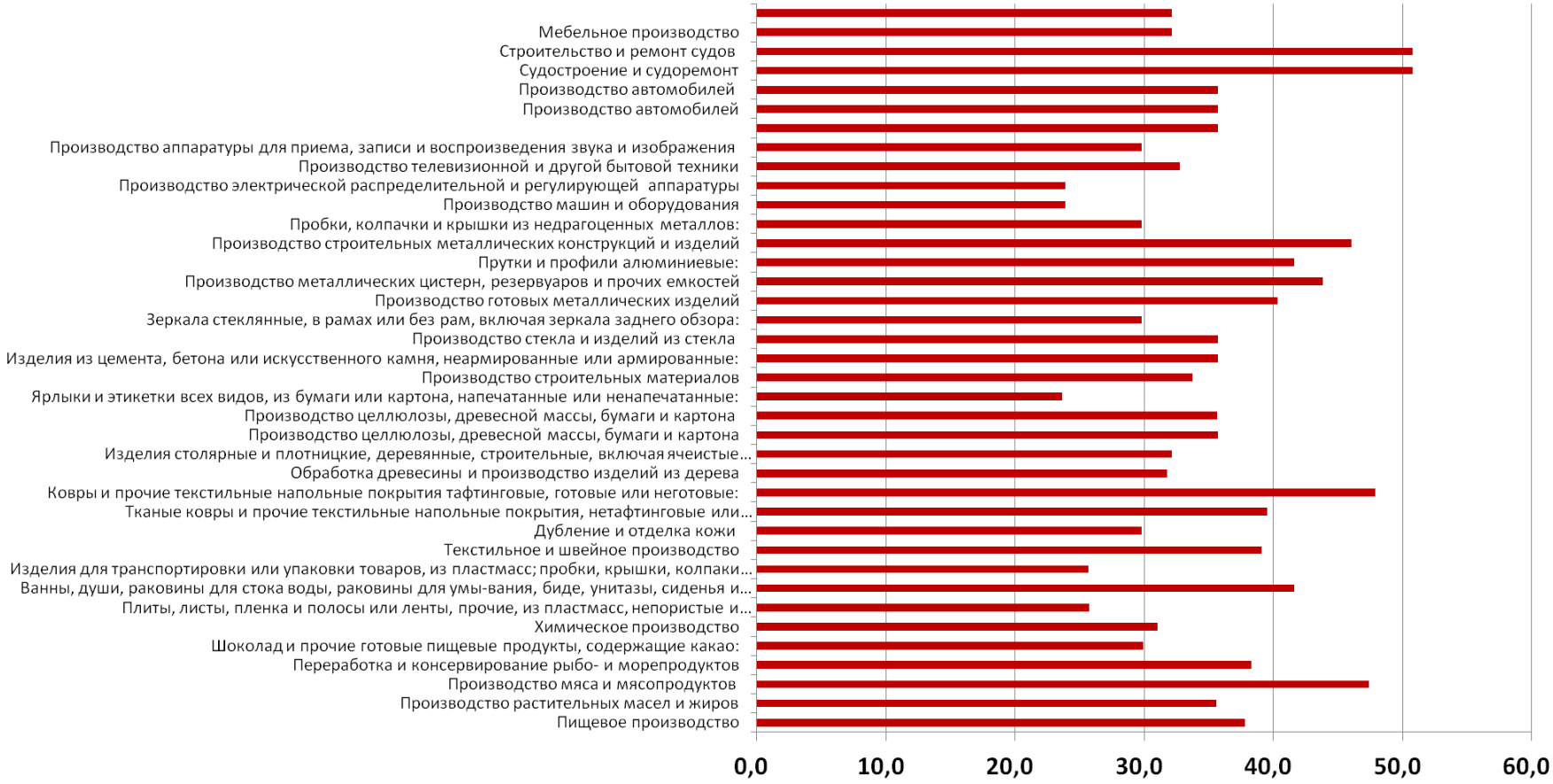

Рисунок 11 - Конкурентные преимущества отдельных видов производств в условиях применения режима таможенных льгот (ставка таможенной пошлины и НДС в процентах)

Источник: составлено автором на основе данных: [103].

Несмотря на то, что часть этого преимущества «съедается» разницей в тарифах на перевозки и таможенным администрированием, его было достаточно для формирования определенной структуры экономики региона. Вместе с тем, учитывая структуру себестоимости производства и уровень таможенных льгот, основные виды обрабатывающих производств в Калининградской области, с одной стороны, существенным образом зависели от конъюнктуры внешнего и российского рынков, в частности от курса рубля. С другой стороны, в силу низкой добавленной стоимости (достаточной по условиям «переходного периода» для использования режима ОЭЗ[1996]) они не обладали какими-либо значительными преимуществами в условиях прекращения действия соответствующего льготного режима.

Недостатки сложившейся ситуации уже начинают сказываться на темпах экономического развития региона: большинство характеристик Калининградской области в 2016 г. показали худшую динамику по сравнению со среднероссийским уровнем (рисунок 12).

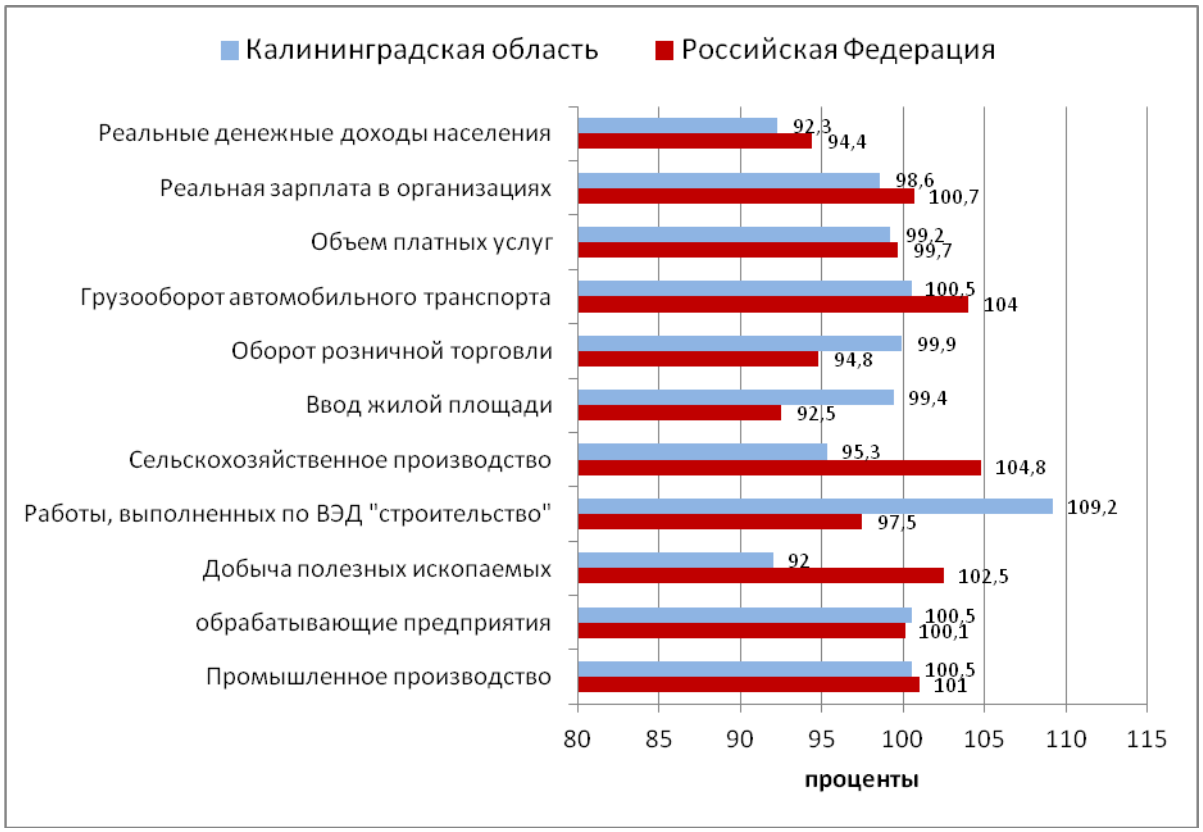

Рисунок 12 - Индексы изменения некоторых показателей экономического развития РФ и Калининградской области, 2016 г. в процентах к 2015 г.

Источник: [65, с. 224].

Соответственно корректировки требуют приоритеты регионального развития, определенные в 2012 г. Стратегией социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу [17] и Государственной программой Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года», утвержденной в 2014 г. Правительством РФ (с изменениями, внесенными в последующие годы) [13]. Это объясняется значительными изменениями геоэкономических и геополитических условий развития региона, происшедшими в последние годы и необходимостью учета принятых в 2016 – 2017 гг. стратегических документов развития Российской Федерации. Должны быть более полно учтены все факторы, определяющие развитие

региона, и все возможности более полного использования его природно-ресурсного, инновационного, трудового потенциала.

3.2 «Эффект колеи» и возможные сценарии преодоления сложившейся траектории развития региона

Данный параграф посвящен рассмотрению роли «эффекта колеи» в развитии Калининградской области на современном этапе и рассмотрению необходимости преодоления «эффекта колеи» при корректировке стратегии развития региона. Это не может не привести нас к вопросу о том, каким образом могут быть преодолены негативные эффекты «залипания» в предшествующей «колее», и каковы возможные сценарии создания или появления новой «колеи», то есть новой траектории экономического развития региона.

Нас в первую очередь интересуют целенаправленные действия, которые могут быть предприняты органами власти, региональным бизнес сообществом и другими заинтересованными действующими лицами, а соответственно последовательность причинно-следственных связей и тех предпосылок, которые могут способствовать формированию нового направления развития территории. Поэтому мы в меньшей мере сконцентрируемся на использовании подходов, связанных с понятием «исторического случая», которым многие приверженцы эволюционной экономической географии объясняют смену траектории развития территории [162]. Основное же внимание будет уделено подходам, предполагающим не только «зависимость от предшествующего развития», но и «зависимость от места», которая неразрывно связана с предметом экономической географии, предполагает, что альтернативные перспективы развития находятся под

влиянием местных факторов. Это могут быть технические или управленческие компетенции, выход на рыночные ниши, роль ключевых фирм, взаимодействие между экономическими агентами, институты и т.п. Примеры «экономического чуда» Ирландии, Сингапура или Финляндии также показывают, что нельзя упускать из виду стратегических решений на страновом уровне.

Ситуация в экономике Калининградской области после 1 апреля 2016 г., то есть после отмены режима ОЭЗ[1996], представляет собой типичную ситуацию «эффекта колеи», которая усугубляется геополитическими изменениями, ухудшением отношений между Россией и ЕС. Соответственно перед регионом, его органами управления и бизнес сообществом, стоит вопрос, каким образом реагировать на сложившееся положение дел, какую и каким образом траекторию дальнейшего развития реализовать; что из созданного в экономике ранее можно развивать дальше, что законсервировать, а что заменить новым.

Большое значение имеет эффективное применение Закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», особенно с учетом тех важных для развития экономики региона дополнений, которые предусмотрены федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области» [1].

Среди предоставляемых законом льгот значатся следующие:

– продление функционирования ОЭЗ до 31 декабря 2045 г.;

– в дополнение к действующим налоговым льготам для резидентов ОЭЗ[2006], льготы при реализации инвестиционных проектов стоимостью не менее 10 млн рублей в области здравоохранения, в области информационных технологий, научных исследований и разработок не менее 1 млн рублей (ставка по налогу на прибыль 0 % в течение шести налоговых периодов,

начиная с налогового периода, в котором получена первая прибыль; в течение следующих шести периодов ставка 10 %).

– продление до 1 января 2031 г. государственной поддержки резидентов ОЭЗ на создание и содержание рабочих мест, импортозамещение и локализацию сборочного производства, а также на улучшение экономических и социальных условий проживания в Калининградской области;

– упрощенный въезд на территорию области и выезд, особенности пребывания на иностранных граждан и лиц без гражданства. С 1 июля 2019 г. оформление иностранным гражданам виз в форме электронного документа;

– пониженные тарифы страховых взносов для организаций, получивших статус резидента ОЭЗ в Калининградской области, при условии создания ими новых рабочих мест.

Корректировка стратегии развития области потребует дополнительных исследований и обсуждений. Однако уже сейчас можно высказать некоторые оценки и соображения о направлениях дальнейшего развития российского эксклава на Балтике.

Прежде всего, необходимо более полно использовать имеющийся и не всегда рационально используемый природно-ресурсный потенциал. Авторы опубликованной в 2015 г. монографии [78] отмечают, что на основе местных природных ресурсов возможно формирование вертикально интегрированных структур, составляющих основу межотраслевых региональных кластеров. К числу таких кластеров отнесены агропромышленный, рыбопромышленный, строительный, янтарный, туристический и (возможно) горнохимический. В результате возрастет норма добавленной стоимости, создаваемой в регионе, сократятся транспортные расходы, снизится себестоимость продукции и возрастет ее конкурентоспособность [88].

Отметим также, что более полно следует использовать потенциал приморского положения Калининградской области. В частности, в свое

время профессор БФУ им. И. Канта В. В. Ивченко обратил внимание на возможности использования морского сообщения для кооперации с Санкт-Петербургом, в том числе для использования калининградских портов в качестве его аванпортов (особенно в зимнее время) [52]. Сейчас это важно и для дальнейшего развития дополняющего сухопутный морского пути сообщения Калининграда с «материковой» Россией.

Важной задачей является повышение уровня подготовки кадров всех уровней, обеспечение ее соответствия потребностям региона. Имеющаяся в регионе сеть учреждений среднего профессионального и высшего образования во главе с Балтийским федеральным университетом им. И. Канта стремится и, по нашему мнению, в состоянии выполнить эту задачу.

Решается проблема обеспечения устойчивого энерго- и электроснабжения региона. В решении первой задачи речь идет о поставках в недалеком будущем сжиженного газа по Балтийскому морю из Усть-Луги. Энергетическая безопасность будет обеспечена после завершения строительства на территории области четырех сравнительно небольших электростанций, а также за счет более полного использования для производства электроэнергии ветро- и энергоресурсов. Это обеспечит устойчивость региональной энергосистемы после ожидаемого выхода Литвы из единой энергосистемы с Россией, хотя производство электроэнергии в соответствии с имеющимися потребностями в первое время останется на прежнем уровне.

В правительстве Калининградской области уже рассматриваются, в частности, возможности ускоренного развития трех сфер экономики: креативной индустрии, IT и информатизации [20]. А в промышленности – взаимодействие науки (БФУ им. И. Канта) и инжиниринговых центров, IT-индустрия, янтарная отрасль, автомобильная индустрия («Автотор» и компонентная база), судостроение и его компонентная база, фармацевтика в

связи с медициной (площадка «Экобалтик» и базовое предприятие «Инфомед-К»).

Как было показано в главе 1, понятие «блокировки» или «залипания» (lock-in) хорошо схватывает очевидно наблюдаемую квази-устойчивость в истории географических структур экономики. При этом, несмотря на то, что эффект «блокировки» часто используется в негативной интерпретации, необходимо понимать, что в действительности чаще всего мы имеем дело с процессом перехода от «позитивной блокировки» траектории развития к негативной. То есть, сильные связи, которые до этого были источником экономического роста, становятся источником слабости. Схематически это можно представить следующим образом (рисунок 13).

Рисунок 13 - Переход от «позитивного» к «негативному» эффекту «блокировки» в региональном экономическом развитии

Источник: [163].

При этом можно различить «функциональный» (иерархические взаимосвязи), «когнитивный» (мировоззрение) и «политический» (институциональные структуры, тормозящие реструктуризацию) эффект «блокировки» [136].

Такого рода переход от позитивного к негативному эффекту «блокировки» хорошо виден на всех этапах развития Калининградской области. Особенно в 1991– 2015 гг., когда режим ОЭЗ сначала позволил региону расти темпами гораздо большими, чем среднероссийские, и только к 2015 гг. стал сказываться отложенный негативный эффект.

В соответствии с моделью «эффекта колеи» внешние шоки должны стимулировать экономику «вырваться» из своей устойчивой траектории развития и перестроиться в более конкурентоспособную конфигурацию. Вместо этого, как показывают многие примеры, такие шоки скорее формируют спираль негативной «блокировки», когда региональные хозяйствующие субъекты реагируют скорее путем сокращения издержек и снижения качества, чем путем вложений в инновации и выхода на новые продукты. При этом регионы демонстрируют разную степень соотношения приверженности к «колее» и адаптивной способности к новым условиям.

К настоящему времени экономико-географами выделены несколько возможных сценариев формирования новой траектории регионального экономического развития и «разблокировки» прошлой «колеи» (таблица 7) [163].

Таблица 7.

Возможные сценарии преодоления регионального эффекта «блокировки» траектории развития

Источник новой траектории развития	Характеристика
Появление новой технологической парадигмы изнутри региона (Лазерсон, Лоренцони, Глэсер, Бэст, Цейтлин, Павитт, Лоусон)	Возникновение новой технологии и отрасли изнутри региона при отсутствии предшественников за счет использования рыночных возможностей крупных фирм, переобучения рабочей силы, желания сохранить место проживания по неэкономическим причинам, воспроизводящегося процесса самообновления (теория региональных компетенций) и т.п.
Разнообразие экономических субъектов, технологий и институтов в регионе (Крауч, Фарелл, Грабер, Эсслетцбичлер, Барнетт, Соренсон)	Разнообразие местных отраслей, технологий и организаций способствует постоянному инновационному процессу и переконфигурации экономики, позволяя избежать полной адаптации и «блокировки» фиксированной промышленной структуры
Перенос с другой территории (Кастальди и Доси)	Первичный механизм состоит в импорте новой отрасли или технологии с другой территории, что в последующем формирует основу для новой траектории регионального роста

Продолжение таблицы 7

Источник новой траектории развития	Характеристика
Диверсификация в технологически смежных отраслях (Френкен и Бошма)	Переход к новой структуре экономики, когда существующая промышленность сокращается, но ее ключевая технология расширяется и формирует основу для новых предприятий в смежных отраслях
Модернизация существующей промышленности (Стэм, Вентинг)	Обновление региональной промышленной базы за счет внедрения новых технологий или новых продуктов и сервисов

Источник: [163].

В истории развития Калининградской области можно найти проявления почти всех из указанных сценариев, в том числе в рамках постсоветского периода ее развития (1992 – 2017 гг.).

Примерами переноса с другой территории может служить ООО «Содружество Соя» (производство растительных масел), в 2004 – 2007 гг. разместившее свое производство и морской причал в г. Светлом и «Дженерал сателайт» (радиоэлектроника), перебазировавший свое производство из китайской свободной зоны Шэньчжэнь.

Примеры диверсификации в смежных отраслях - быстрое развитие свиноводства и рост объемов прибрежного лова, появление новых производств в сфере машиностроения (в 1996 г. основано крупное предприятие по сборке автомобилей – ГК «Автотор»).

Широкий спектр промышленных отраслей, появившихся вместе с возможностью использовать режим ОЭЗ, – мебельная, химическая,

производство обуви и т.п. является результатом разнообразия экономических субъектов, технологий и институтов в регионе.

При разработке региональной стратегии рассматриваются, как правило, три варианта дальнейшего развития экономики: инерция, революционный, эволюционный. Так целесообразно поступить и при разработке стратегии социально-экономического развития Калининградской области.

В связи со сказанным выше, с нашей точки зрения, ситуация экономики Калининградской области перед 1 апреля 2016 г., то есть перед отменой режима ОЭЗ[1996], представляла собой типичную ситуацию «эффекта колеи», которая усугублялась тем, что внешнего шока в виде неизбежности реализации обязательств Российской Федерации невозможно было избежать.

Соответственно перед регионом, его органами управления и бизнес сообществом, стоит вопрос, каким образом реагировать на сложившееся положение дел, какую и каким образом траекторию дальнейшего развития реализовать. Учитывая существенное влияние на всю социально-экономическую жизнь региона хозяйственных структур, сформированных режимом таможенных льгот, то или иное направление региональной политики выбрать необходимо, поскольку простое игнорирование проблемы приведет почти к 50-процентному сокращению экономики области. Можно констатировать, что исчезновение предприятий, использующих процедуру свободной таможенной зоны - это исчезновение источника существования большей части экономической системы региона, включая синергетический эффект нарушения связей в рамках цепочек товародвижения. Именно эти предприятия создают сегодня основу для последующего перераспределения ресурсов внутри региона, как в пользу бюджетного сектора, так и в пользу сектора услуг, внутреннего производства для нужд регионального потребления.

Инерционный вариант развития событий мог быть связан только с продлением режима ОЭЗ^{1996} и сохранением режима таможенных льгот. Этот вариант долгое время рассматривался бизнес сообществом региона как единственно возможный и активнее всего лоббировался. Однако он не мог быть реализован в силу очевидных причин. Кроме того, сценарий, использующий традиционные меры поддержки экономики и опирающийся на сложившуюся структуру регионального хозяйства, не позволит достичь ускоренных темпов роста, а значит, и обеспечить современные стандарты и качество жизни граждан. Попытки сохранения режима ОЭЗ^{1996} могли бы только сдерживать необходимую модернизацию региональной экономики и еще более закреплять ее отстающее положение. Кроме того, они противоречили не только международным обязательствам, но и стратегическим целям Российской Федерации, направленным на то, чтобы в обозримом будущем стать одной из ведущих экономик мира. В соответствии со Стратегией национальной безопасности до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 [6], и Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р [14], одними из главных целей перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста и инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны являются создание конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий с занятием значимого места на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг и становление российской экономики как одного из глобальных центров мирового хозяйства.

Учитывая то, что продление действия особых таможенных режимов невозможно, единственным выходом для Калининградской области является возврат к вопросу формирования конкурентоспособной экономической базы

и соответствующей ей социальной среды, а, следовательно, к выбору вектора долгосрочной динамики развития региона, определению новых источников роста, которые будут связаны с развитием потенциала самой Калининградской области. Такое движение связано с реализацией либо революционного, либо эволюционного варианта развития региона. Калининградской области требуется «горизонтальная модернизация» всех сфер жизни, которая обеспечит качественный «скачок» всего хозяйственного комплекса и социальной среды региона на новый уровень, соответствующий представлениям о современных развитых странах, и которая может быть обеспечена только за счет комплексного подхода к развитию региона.

Вместе с тем, на сегодняшний день предпосылок для быстрого создания большого количества предприятий, способных завоевать себе конкурентоспособную нишу на мировом рынке, практически нет. Рассмотрим те ограничения, которые препятствуют реализации сценариев запуска новой «колеи».

Узкий внутренний рынок. Численность населения до 1 миллиона человек представляет собой естественные ограничения масштаба для целого ряда направлений деятельности, необходимых для современного развития территории: система профессионального образования, специализированная и высокотехнологичная медицина, сложные производства и другие. Эффект агломерации не может быть реализован в таком масштабе. По сути, в силу своего географического положения Калининградская область, являясь субъектом Российской Федерации, фактически вынуждена конкурировать со страновыми территориальными образованиями, включая все присущие таким образованиям сложные системы внутреннего разделения труда, которые не могут быть в полном объеме воспроизведены в региональном масштабе.

Слабая диверсификация промышленности региона, которая не позволяет обеспечить достаточное разнообразие технологий для инноваций. Более 70 % объемов промышленного производства создается всего двумя

отраслями – автомобилестроением и пищевой переработкой – с низкой добавленной стоимостью. Основу экономики и бюджетных платежей составляют всего 20 предприятий.

Финансовые ограничения для модернизации. Сформировать за два года новые элементы конкурентных преимуществ на основе качественных характеристик продукции за счет модернизации существующих производств или открытия новых затруднительно - слишком короткий срок для перестройки экономики и отсутствие соответствующей среды, инфраструктуры и финансовых возможностей у существующих предприятий (рисунок 14). Модернизация затруднена в силу отсутствия доступа к дешевым источникам капитала для обеспечения как инвестиционных программ предприятий, так и увеличения оборотных средств. С 2006 г. доля заемного капитала в составе инвестиций неуклонно растет.

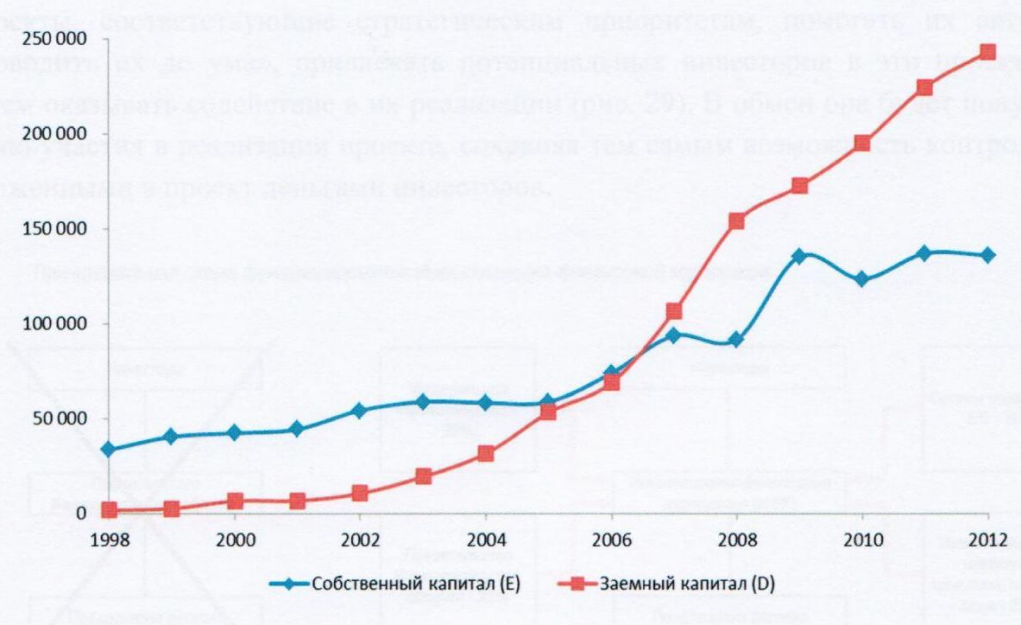

Рисунок 14 - Изменение соотношения заемного и собственного капитала в экономике Калининградской области

Источник: [78, с. 111].

Другими ограничениями быстрой модернизации существующих производств являются низкая фондовооруженность (по Калининградской области - коэффициент фондовооруженности равен 965 253,9 рублей/на 1 работника; по РФ - 1 706 293,7 рублей/на 1 работника), что не дает возможности быстро нарастить производительность труда и вывести на первый план конкуренцию за счет технологий. Кроме того, структура себестоимости такова, что при доле сырья в ней от 26 до 68,5 %, никакая новация не даст быстрого изменения структуры затрат, но, как следствие, высока чувствительность показателя рентабельности к изменению себестоимости сырья и материалов (таблица 6).

Привлечение новых инвестиций и новых предприятий - капиталоемких производств, способных существовать на внешнем рынке за счет преимущества в технологии – также обладает своими ограничениями. Регион не обладает сложившейся, традиционной привлекательностью для размещения такого рода предприятий. С 2006 г. такие производства быть созданы исключительно в рамках преференций, предоставляемых резидентам ОЭЗ^{2006} в Калининградской области. При этом, как уже было сказано в главе 2, предприятия-резиденты ОЭЗ^{2006} - это всего 9,4 % ВРП, 10 % налогов и 2 % рабочих мест в общем объеме показателей Калининградской области. На сегодняшний день предпосылок для быстрого создания большого количества предприятий, способных завоевать себе конкурентоспособную нишу на мировом рынке практически нет. Так, приток прямых иностранных инвестиций в регион уже к 2010 г. составил всего 76,2 миллионов долларов США, что в несколько раз ниже, чем в сопредельных странах. При этом среднедушевой объем накопленных иностранных инвестиций остается крайне низким. Уже в начале 2010-х гг. Калининградская область по этому показателю более чем в 9 раз уступала Литве, в 11 раз Латвии и почти в 28 раз Эстонии. Соответственно, ориентироваться быстрое «точечное» создание источников роста извне невозможно.

Слабая физическая и социальная инфраструктура, не соответствующая уровню развитых государств и, соответственно, не привлекательная для инвестирования и миграции. Значительная часть инженерной и социальной инфраструктуры региона использует либо представляет собой реконструированную инфраструктуру германского периода: еще в 2012 г. 38 % коммунальных сетей, берегозащитных сооружений, мелиорации и других объектов были построены до 1945 г.; 58 %учреждений бюджетной сферы находятся в приспособленных зданиях того же периода [13]. Опережающие темпы развития инфраструктуры в сопредельных странах, особенно после их вступления в Европейский Союз, приводят к тому, что, несмотря на усиленное развитие инфраструктуры в регионе (например, плотности автомобильных дорог в 4,5 раза выше, чем в среднем по европейской части страны), ее стандарты отстают от соседей и тем самым на границе создается своего рода «инфраструктурный барьер». Кроме того, практически вся инфраструктура, связанная с коммуникациями (транспорт, связь, энергетика), проходит по территории иностранных государств, что создает потенциальные риски устойчивости ее функционирования и безопасности региона, как части Российской Федерации.

В условиях указанных ограничений, и, прежде всего, недостатка собственных ресурсов, революционный вариант развития региона может быть обеспечен только за счет значительных расходов федерального бюджета.

Попытка обеспечить дальнейшее развитие региона этим путем была предпринята в рамках разработки и реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года», которая была утверждена 27.03.2013 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 461-р (далее – Программа) [13]. Программа была подготовлена Министерством

регионального развития Российской Федерации совместно с Правительством Калининградской области в соответствии с поручениями Президента Российской Федерации и Председателя Правительства. Утверждение Программы завершило большой этап работы, начатый в конце 2010 г., по определению основных направлений развития региона как одной из стратегических территорий страны. Калининградская область в то время стала единственным субъектом Российской Федерации, комплексный план развития которого утвержден в виде государственной программы Российской Федерации.

На стадии разработки Программа состояла из четырех частей – трех подпрограмм и Федеральной целевой программы развития Калининградской области (далее – ФЦП) в новой редакции, с учетом ее продления до 2020 г. [13]. Каждая часть Программы направлена на решение той или иной ее задачи.

ФЦП, содержащая 11 укрупненных мероприятий, как и раньше, была направлена на создание опорной инфраструктуры, а также на повышение уровня и качества жизни населения, но расширяла сферу своего действия как по тематике, так по срокам и объемам.

Подпрограмма 1 «Развитие приоритетных секторов экономики на территории Калининградской области», включающая 4 мероприятия, была направлена на решение задачи развития конкурентоспособных секторов.

Подпрограмма 2 «Развитие Калининградской области как культурного и туристического центра», содержащая 5 мероприятий, была призвана решить задачу развития туризма. Также в данную подпрограмму попали проекты, которые необходимы для качественного проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Подпрограмма 3 «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года», включающая 4 мероприятия,

должна была обеспечить эффективную деятельность органов власти в сфере социально-экономического развития Калининградской области.

Таким образом, проект Программы включал в себя как привычные виды расходов — капитальные вложения, так и меры государственного регулирования (необходимые для обеспечения опережающего развития региона нормативные правовые документы, принятие которых осуществляется в виде федеральных законов, постановлений Правительства Российской Федерации и других федеральных документов), что наряду с комплексностью подхода, представляло собой основное отличие Программы от действующей ФЦП развития Калининградской области до 2015 года.

Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию мероприятий программы с учетом прогнозной ориентировочной потребности составлял на момент ее утверждения 446 160 млн рублей. Частные инвестиции в проекте Программе были спрогнозированы в объеме 660,7 млрд рублей, средства бюджетов области Калининградской области и муниципальных образований — 27,2 млрд рублей. Итого по проекту Программы за счет всех источников - 1 134,1 млрд рублей [13]. Такой значительный объем расчетной потребности фактически является ничем иным как платой за преодоления разрыва в уровне развития российской территории и средней страны ЕС.

При подготовке Программы правительством Калининградской области были проанализированы все реализуемые мероприятия, уточнены основные направления развития региона на среднесрочный и долгосрочный периоды и подготовлены соответствующие предложения, включающие в себя сгруппированные по 22 направлениям проекты с общим объемом финансирования в 2013-2020 гг. - 1 659,7 млрд рублей, в том числе средства федерального бюджета – 615,6 млрд рублей, средства бюджетов Калининградской области и муниципальных образований – 29,3 млрд рублей, внебюджетные средства – 1 014,8 млрд рублей. Кроме того, была определена

потребность в дополнительных средствах на общую сумму 1 626,1 млрд рублей, из них – средства федерального бюджета – 586,6 млрд рублей.

Основным финансовым механизмом реализации проекта Программы должна была стать новая редакция Федеральной целевой программы развития Калининградской области до 2020 г. [9], к разработке которой Министерство регионального развития Российской Федерации приступило на основе вышеуказанного распоряжения об утверждении Программы.

Цель ФЦП - на базе имеющегося природно-географического и эволюционного потенциала добиться превращения Калининградской области в мощный центр российского и европейского развития и на этой основе выйти на европейский уровень жизни населения при сохранении российской духовности и самобытности.

Достижение цели ФЦП планировалось осуществлять по трем крупным направлениям.

1. Формирование новой модели экономического развития Калининградской области в условиях действия норм и правил ВТО.

2. Формирование комфортного жизненного пространства для населения Калининградской области.

3. Развитие транспортной и инженерной инфраструктуры центральной части г. Калининграда в связи с подготовкой к Чемпионату Мира по футболу в 2018 г. и дальнейшее развитие города.

При этом первое направление включало в себя адресное инфраструктурное обеспечение создания автомобильного кластера, развития биохимического, судостроительного, туристического и янтарного кластеров, создания индустриальных парков, необходимых для адаптации экономики области к функционированию в условиях действия норм и правил ВТО. Также предусматривалось инфраструктурное обеспечение строительства Балтийской АЭС, строительство нового глубоководного порта. Для успешного функционирования создаваемого и развиваемого хозяйственного

комплекса необходимо было решить проблему тарифов на железнодорожные перевозки. Также в рамках данного направления планировалось решить проблему потери части территории вследствие подтопления и разрушения береговой линии, связанную как с износом существующей мелиоративной сети, так и с интенсивным разрушением, обусловленным особенностями геологического строения при отсутствии специальных берегозащитных сооружений. Это позволило бы обеспечить вовлечение земельных и сельскохозяйственных ресурсов в хозяйственный оборот, а туристско-рекреационных ресурсов - в экономический оборот.

Второе направление предусматривало снятие острых социальных и инфраструктурных проблем региона, развитие опорной сети автомобильных и железных дорог, газопроводов, сетевой инфраструктуры производства и передачи электроэнергии, обеспечение реализации указов Президента Российской Федерации в сферах образования, здравоохранения, ЖКХ.

Третье направление было направлено на обеспечение подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г.

Вместе с тем, в процессе рассмотрения и согласования проекта ФЦП в условиях изменения экономической ситуации и проведения работы по сокращению расходов федерального бюджета, расходы на реализацию программных мероприятий были значительно сокращены, перечень мероприятий оптимизирован, подпрограммы исключены из состава государственной программы.

В этой связи общий объем финансирования мероприятий за счет средств федерального бюджета согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 311 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года» составил 63,0 млрд рублей (распоряжение от 27.03.2013 г. № 461-р признано утратившим силу) [9]. При этом в состав Программы вошли ФЦП и всего

одна подпрограмма «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года». Ресурсное обеспечение предусмотрено только по ФЦП, которая также была утверждена в новой редакции постановлением Правительства Российской Федерации от 07.06.2014 г. № 526 [10]. В состав новой редакции ФЦП вошли 16 укрупненных мероприятий (все они были пересмотрены, в них включили только основные проекты) с общим объемом финансирования в 2014-2020 гг. 212,2 млрд рублей, в том числе из федерального бюджета – 56,7 млрд. рублей (с учетом 2013 г. – 63,0 млрд рублей), из бюджетов Калининградской области и муниципальных образований – 4,6 млрд рублей, прочих источников – 150,9 млрд рублей.

В 2014-2015 гг. работа по оптимизации бюджетных расходов федеральным центром была продолжена.

В дальнейшем объемы финансирования еще сокращались. Это не позволило не только завершить ряд начатых проектов по газификации, водоснабжению и водоотведению, а также в отраслях дорожного хозяйства, физической культуры и спорта, образования, но и приступить к реализации некоторых новых, важных для региона объектов, приведет к переносу на более поздний период сроков выполнения ряда программных мероприятий. Кроме того, большая часть из общей суммы, предлагаемых к секвестированию в 2016 г. средств, приходится на мероприятие «Создание новых конкурентоспособных секторов экономики», реализация которого направлена на создание условий для развития на территории региона промышленности, включая отраслевые индустриальные кластеры, промышленные площадки, технологические парки в сфере высоких технологий и иные предприятия.

Как видим, революционный вариант развития региона за счет массированных вложений средств также маловероятен, как и инерционный путь развития.

Единственным возможным остается эволюционный вариант развития региона.

3.3 Особенности реализации эволюционного варианта развития Калининградской области. Возможные сценарии преодоления «эффекта колеи»

Выше было рассмотрено, что ни революционный, ни инерционный вариант развития экономики региона не могут быть реализованы в силу определенных причин.

Эволюционный вариант оказывается не просто предпочтительным, а единственным, хотя сопряжен со своими трудностями и особенностями реализации.

И первая сложность связана с постановкой целей регионального развития. Очевидно, что на фоне опережающего развития стран ЕС, в частности в регионе Балтийского моря, комплексное развитие Калининградской области должно расти более высокими темпами, чем окружающие страны, а принимаемые решения и создаваемые механизмы стимулирования такого роста должны обеспечивать глобальную конкурентоспособность экономики региона.

Сравнение экономики Калининградской области с ЕС и Российской Федерацией на основании данных за 2013 г. (до введения санкций и контрсанкций) показывает, что в Калининградской области ВРП на душу населения в регионе составляет 76,8 % от среднероссийского уровня и 62,7 %

от ВВП на душу населения Российской Федерации, в три раза меньше, чем в странах ЕС. Производительность труда в регионе более чем в 4 раза, отстает от стран ЕС. Различаются и структуры экономики (таблицы 8 и 9).

Таблица 8

Производительности труда по отраслям экономики: ЕС, РФ, Калининградская область (тыс. долларов США на занятого), 2013 г.

Отрасли экономики	ЕС	РФ	Калининградская область
Сельское хозяйство	42,0	20,4	12,6
Промышленность	90,2	54,6	26,3
Строительство	64,4	74,0	12,5
Торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	72,2	25,3	14,6
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	149,0	35,5	32,5
Государственное управление, оборона, образование, здравоохранение, социальные услуги	59,1	9,8	15,3
Прочие услуги	47,0	6,9	6,9

Источник: составлено автором на основе данных: [96, 139].

Таблица 9

Структура ВВП (ВРП) в 2013 г.: ЕС, РФ, Калининградская область, в процентах к итогу

Отрасли экономики	ЕС	РФ	Калининградская область
Сельское хозяйство	2,7	4,4	5,5
Промышленность	20,1	32,1	30,5
Строительство	5,9	6,8	5,7
Торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	24,4	29,1	22,8
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	24,8	12,5	17,0
Государственное управление, оборона, образование, здравоохранение, социальные услуги	18,9	13,5	17,0
Прочие услуги	3,2	1,6	1,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе данных: [96, 139].

Для того, чтобы достичь к 2020 г. среднероссийского подушевого уровня ВРП (с учетом роста экономики Российской Федерации) в размере 595,09 млрд рублей, необходимо обеспечить величину объема частных инвестиций не менее 160,7 млрд рублей (желательная доля частных инвестиций не менее 27 % в объеме ВРП), с учетом роста расходов домохозяйств до 363,7 млрд рублей (для расчета использована двухфакторная модель множественной регрессии, где факторами выступают

объем частных инвестиций и потребительские расходы населения). При этом производительность труда должна составлять к 2020 г. 1 235,6 тыс рублей на одного занятого в экономике, что выше уровня 2013 г. в 2 раза. И это без учета экономической «ямы» 2015 г. и отмены ОЭЗ[1996] в 2016 г. Чтобы обеспечить заданный уровень подушевого ВРП, прибыль организаций также должна достигнуть к 2020 г. не менее 96,4 млрд рублей, а фонд заработной платы - 184,6 млрд рублей (средняя заработная плата работников организаций – не менее 48 тыс. рублей). Притом, что в российской экономике, в том числе калининградской, рост заработных плат не обеспечен соответствующим ростом производства и идет опережающими темпами.

Вторая сложность состоит в том, что с точки зрения обеспечения социально-экономической стабильности невозможно резко отказаться от поддержки существующих предприятий, поскольку это приведет к «обвалу» рынка труда и общего объема производства.

Третья сложность для формирования эволюционного варианта регионального развития состоит в том, что на передний план при обеспечении конкурентоспособности региона выступают такие факторы, как наличие в регионе быстрых и эффективных систем транспорта и коммуникации, наличие квалифицированной рабочей силы, доступ к местным образовательным институтам и научно-техническим центрам, наличие сети деловых услуг, социальная и культурная среда в регионе при очевидном отставании этих систем и отсутствии достаточного объема собственных ресурсов области для его преодоления.

Таким образом, новая траектория развития экономики Калининградской области должна быть эклектичной, многовекторной и сочетать в себе элементы разных сценариев преодоления «эффекта колеи» для того, чтобы справиться с указанными ограничениями.

С нашей точки зрения эволюционный вариант развития региона должен содержать в себе четыре основных компонента.

Первое. Необходимость поддержки существующих предприятий, действовавших в режиме ОЭЗ^{1996}, для того, чтобы дать возможность экономике региона дополнительное время для перестройки.

Это противоречивое, с учетом всех отмеченных выше недостатков существующей «колеи», решение связано с удельным весом экономики таможенных льгот в хозяйстве региона, о чем уже было сказано.

В соответствии с принятыми решениями по итогам заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Калининградской области, которое состоялось 26 февраля 2016 г., были реализованы следующие меры поддержки предприятий, осуществляющих производственную деятельность, и резидентов ОЭЗ^{2006} в Калининградской области для компенсации затрат, возникающих в связи с отменой ОЭЗ^{1996}:

30 марта 2016 г. вступил в силу Федеральный закон № 72-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части завершения действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории Особой экономической зоны в Калининградской области». Законом введено освобождение от уплаты НДС при реализации товаров на основной территории Российской Федерации в течение 180 дней для снятия перекоса, возникающего в связи с двойным начислением НДС на товары в случае, когда для их производства используются импортные компоненты [2];

Правительством Российской Федерации приняты решения по предоставлению дополнительных мер поддержки лицам, осуществляющим хозяйственную деятельность в Калининградской области, в форме субсидий на поддержку рынка труда (постановление Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 1275) [8].

В целях исполнения положений постановления Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 1275 «О предоставлении из

федерального бюджета бюджету Калининградской области иных межбюджетных трансфертов на обеспечение поддержки юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области» издано и 16 февраля 2016 г. вступило в силу постановление Правительства Калининградской области № 83, положениями которого утверждены порядок и условия предоставления субсидий из областного бюджета на поддержку юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области [16].

В соответствии с Федеральным законом от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» размер субсидий для юридических лиц (резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области) Калининградской области составляет 66,7 млрд рублей [4].

Реализация положений Постановления № 1275 в дальнейшем показала, что большую часть получателей субсидии составили представители автомобилестроения Калининградской области (90 %), остальная часть в основном выплачена представителям мясо- и рыбоперабатывающей промышленности, что обусловлено структурой отгрузки товаров промышленного производства в регионе (таблица 10).

Таблица 10

Структура отгруженной продукции обрабатывающих производств Калининградской области, в процентах, 2015 г.

Вид продукции	Доля к итогу
производство пищевых продуктов, включая напитки и табака	40,5
текстильное и швейное производство	0,9
обработка древесины и производство изделий из дерева	0,5
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	1,4
химическое производство	2,9
производство резиновых и пластмассовых изделий	0,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,9
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	2,3
производство машин и оборудования	2,0
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	6,3
производство транспортных средств и оборудования	39,3
прочие производства	1,4

Источник: составлено автором на основе данных: [103].

Вместе с тем, получателями субсидий стали более 300 предприятий, что позволило сохранить занятость порядка 13 тыс. человек или почти третья часть от общей численности занятых в обрабатывающей промышленности.

Результаты применения указанных мер хорошо видны на итогах работы промышленности региона в первом полугодии 2016 г.

После 1 апреля 2016 г. темпы производства в ряде отраслей обрабатывающей промышленности замедлились, что обусловлено не только отменой положений переходного периода с 1 апреля 2016 г., но и сложившейся макроэкономической ситуацией (сказывается влияние таких факторов как обеспеченность заказами, обеспеченность денежными средствами, условия кредитования). И если в январе-марте 2016 г.

наблюдался рост на 9,1 % обрабатывающих производств (этот рост объясняется действиями предприятий по максимальному производству, оформлению и вывозу продукции в условиях, действовавших до 1 апреля таможенных льготах), то в апреле снижение индекс обрабатывающих производств составило 29,1 % относительно марта, в мае относительно апреля 2016 г. - на 7,4 %.

Снижение индекса производства в мае 2016 г. зафиксировано в следующих видах обрабатывающих производств [96]:

– более чем на 15 %: производство машин и оборудования – на 28,3 %; производство прочих неметаллических минеральных продуктов – на 23,8 %; производство транспортных средств и оборудования – на 19 %; производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака – на 15,4 %. Доля указанных производств в общем объеме отгруженных товаров за май 2016 г. составляет 79,3 %;

– в пределах 10 %: производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – на 8,6 %, обработка древесины и производство изделий из дерева – на 6,4 %; металлургическое производство и производство готовых металлических изделий – на 3,3 %; химическое производств – на 1,9 %. Доля указанных производств в общем объеме отгруженных товаров за май 2016 г. составляет 13,7 %.

Рост производства в мае в целом за месяц наблюдался в текстильном и швейном производстве (на 29,8 % к уровню апреля текущего года), в целлюлозно-бумажном производстве (на 35 %), производстве резиновых и пластмассовых изделий (на 12,9 %), производстве мебели (на 27,9 %). Но доля указанных производств в общем объеме отгруженных товаров за май 2016 г. составляет 7 %.

В целом за период январь-май 2016 г. рост обрабатывающих производств по отношению к аналогичному периоду 2015 г. зафиксирован в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака на 0,4 %,

текстильном и швейном производстве в 2,4 раза, производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования на 18,9 %, в производстве резиновых и пластмассовых изделий на 11,7 %, химическом производстве на 32,8 %. Снижение индексов производства за указанный период наблюдалось в производстве транспортных средств и оборудования на 21,7 %, а также в производстве машин и оборудования на 2,3 %, производстве мебели на 10,3 %, производстве прочих неметаллических минеральных продуктов на 1,2 %, обработке древесины и производстве изделий из дерева на 10,6 %, целлюлозно-бумажном производстве на 0,2 %.

Эти данные наглядно свидетельствуют о чувствительности промышленности региона к отмене режима ОЭЗ[1996].

Для более детального анализа зависимости видов деятельности от режима таможенных льгот проанализированы данные об объемах производства и объемах отгруженной продукции за январь - март, апрель и май 2016 г. (то есть сразу перед отменой льгот и после отмены) относительно аналогичных периодов 2015 г. [96, 103]. В результате сопоставления данных ситуацию в обрабатывающей промышленности можно разделить на несколько типов.

1. Устойчивый рост производства и рост объема отгрузки (химическое производство).

2. Устойчивый рост производства, рост объема отгрузки значительно ниже темпов производства (текстильное и швейное производство).

3. Рост производства и отгрузки в первом квартале 2016 г., снижение производства и отгрузки в апреле и в мае (производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования).

4. Рост производства в первом квартале 2016 г., снижение производства по отношению к марту, при этом по итогам 5 месяцев сохраняющийся рост объема отгрузки (производство резиновых и

пластмассовых изделий, обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность).

5. Снижение производства, при этом рост объемов отгрузки в первом квартале, и снижение объемов отгрузки после 1 апреля 2016 г., рост объемов отгрузки в мае (металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, производство транспортных средств и оборудования).

6. Снижение производства, при этом снижение объемов отгрузки в первом квартале, и рост производства и отгрузки в мае по отношению к апрелю (производство пищевых продуктов, включая напитки и табака).

7. Снижение производства, при этом снижение объемов отгрузки в первом квартале, рост производства в мае к апрелю (производство мебели).

8. Снижение производства в первом квартале, рост производства в апреле по отношению к марту, при этом рост объемов отгрузки в первом квартале, и снижение объемов отгрузки в апреле по отношению к марту и в мае по отношению к апрелю (производство прочих неметаллических минеральных продуктов).

При этом следует отметить, что в первых двух и последнем вариантах отсутствует явная зависимость от отмены режима ОЭЗ[1996] с 1 апреля 2016 года. В ряде отраслей (3, 4, 5 тип) развитие ситуации в значительной степени объясняется действиями предприятий по максимальному производству, оформлению и вывозу продукции в условиях, действовавших до 1 апреля 2016 г. таможенных льгот.

Можно утверждать, что сокращение объемов производства, наблюдаемое в апреле 2016 г., без принятия мер по субсидированию предприятий стало бы не краткосрочным явлением, а распространилось бы на весь период после 1 апреля 2016 г. Тогда как с учетом субсидий индекс

промышленного производства по итогам 2016 г. составил 100,5 % по отношению к уровню 2015 г.

Негативная сторона действия субсидий состоит в том, что они способствуют дальнейшему закреплению неэффективной «колеи». Действительное дальнейшее развитие региона не может останавливаться на защите самих субсидий, которые необходимо воспринимать не как новую стратегию, а как временное благоприятное условие для разворачивания новых производств и формирования новой траектории экономического развития Калининградской области.

Калининградскую область, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать, прежде всего, как площадку встраивания российской экономики в мировые экономические цепочки, создавать на территории региона задел для последующего сближения и интеграции с экономикой развитых стран.

Это потребует принципиального изменения административной практики, решения вопросов доступности региона (в том числе для иностранцев), вопросов импортозамещения, инновационной базы, привлечения инвестиций (в первую очередь российских) и появления новых производств, вопросов создания центров передового образования, вопросов формирования городской среды и экологии на уровне лучших мировых практик. Любые иные подходы к развитию региона не позволят обеспечить его опережающее развитие, как в социальной, так и в экономической сфере. Существующее отставание ключевых интегральных показателей развития Калининградской области (ВРП, производительность труда, объем инвестиций на душу населения) таково, что даже для достижения среднероссийского уровня необходимо не менее, чем в два раза, увеличить эффективность экономики региона, а для достижения среднего европейского уровня в 4-8 раз. Такой скачок в развитии не возможен без значительных вкладов во все ключевые сферы жизни и их перестройки. Показательным

может быть промежуточный итог реализации действующей государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года», когда сокращение объемов финансирования относительно предложенного исходно позволило только в определенной степени достичь плановых показателей, но не смогло обеспечить преодоления существующего разрыва в развитии.

Отсюда, по нашему мнению, вытекают три основных направления дальнейшего развития региона и соответственно региональной политики в отношении Калининградской области:

– формирование новой структуры экономики;

– преобразование институциональной и административной среды, а также инфраструктуры для ведения бизнеса и проживания;

– сохранение приоритета Калининградской области на уровне Российской Федерации.

Рассмотрим эти направления эволюционного развития региона подробнее.

Формирование новой структуры экономики региона. Долгосрочная перспектива национальных интересов в регионе зависит от экономического развития Калининградской области, ее конкурентоспособности в актуальных экономических процессах, ее экономического преобладания в макрорегионе.

С нашей точки зрения, необходимо целенаправленное преодоление «эффекта колеи», поскольку расчет на бизнес-активность скорее будет приводить к дальнейшему «залипанию» существующей траектории, о чем говорилось выше.

Целенаправленное преодоление «эффекта колеи» в развитии экономики Калининградской области требует определения отраслевых ставок и формирования проектов по их реализации для обеспечения новой структуры региональной специализации.

У Калининградской области достаточный потенциал для развития туризма и агропромышленного комплекса. Возможна эффективная поддержка и развитие как существующих предприятий, обладающих потенциалом (пищевая переработка, прибрежный лов, судостроение), так и создание предприятий, направленных на импортозамещение (химия, электрооборудование, машиностроение) и экспорт. Однако, что касается «отраслей будущего», у региона практически нет необходимых для этого ресурсов, нет достаточного собственного потенциала. Калининградская область не обладает географическими преимуществами Сингапура или Гонконга, ресурсной базой ОАЭ.

Создание новых конкурентных преимуществ возможно только в кооперации с уже существующими центрами развития в России (вузами, научными и инновационными центрами, крупными предприятиями и промышленными кластерами).

Возвращаясь к механизмам преодоления «эффекта колеи», описанным в параграфе 3.3 настоящей главы, необходимо отметить, что в случае с Калининградской областью, с нашей точки зрения, неверно опираться только на один из сценариев. Более эффективным представляется комбинация всех пяти сценариев (таблица 11).

Таблица 11

Возможности преодоления регионального «эффекта колеи»

Источник новой траектории развития	Характеристика	Возможная реализация
Появление новой технологической парадигмы изнутри региона	Возникновение новой технологии и отрасли изнутри региона при отсутствии предшественников за счет использования рыночных возможностей крупных фирм, переобучения рабочей силы, желания сохранить место проживания по неэкономическим причинам, воспроизводящегося процесса самообновления (теория региональных компетенций) и т.п.	Автомобильный кластер IT - кластер Янтарный кластер Экологический агропродовольственный сектор Авиахаб Участок Великого шелкового пути Медицинский туризм
Разнообразие экономических субъектов, технологий и институтов в регионе	Разнообразие местных отраслей, технологий и организаций способствует постоянному инновационному процессу и переконфигурации экономики, позволяя избежать полной адаптации и «блокировки» фиксированной промышленной структуры	Формирование «индустриального дистрикта» в составе малых предприятий инновационных производств

Продолжение таблицы 11

Источник новой траектории развития	Характеристика	Возможная реализация
Перенос с другой территории	Первичный механизм состоит в импорте новой отрасли или технологии с другой территории, что в последующем формирует основу для новой траектории регионального роста	Автомобильный кластер Технополис «Дженерал Сателайт» Фармацевтический кластер
Диверсификация в технологически смежных отраслях	Переход к новой структуре экономики, когда существующая промышленность сокращается, но ее ключевая технология расширяется и формирует основу для новых предприятий в смежных отраслях	Янтарный кластер
Модернизация существующей промышленности	Обновление региональной промышленной базы за счет внедрения новых технологий или новых продуктов и сервисов	Автомобильный кластер

Источник: составлено автором.

Преобразование институциональной и административной среды, а также инфраструктуры для ведения бизнеса и проживания. Комплексный подход предусматривает рассмотрение региона как активно действующего во внешнем мире субъекта. Такое комплексное видение региона может быть представлено в виде системы следующих необходимых элементов (модель) развития региона.

1. Прохождение границ и транспортная система, а также иные виды связи для обеспечения беспрепятственного, наиболее быстрого прохождения потоков (людей, товаров, услуг) как вовне, так и внутри региона (пункты пропуска, аэропорт, порт, железная дорога, автомобильные дороги (внутренняя сеть и трансграничные трассы), интернет (оптико-волоконная связь).

2. Торговля и обмен для обеспечения связности между разными специализированными видами деятельности в условиях мирового разделения труда (торговые площади в разных формах, инфраструктура обеспечения импорта и экспорта: таможня, склады, специализированные услуги, логистика и перевозки)

3. Производство (товаров, услуг) с обеспечением его минимальным набором ресурсов на месте производства в соответствии с современным уровнем развития (энергетика, водоснабжение, водоотведение и очистные сооружения, складирование и переработка отходов производства).

4. Деловая инфраструктура для обеспечения существования и поддержания конкурентоспособных хозяйствующих субъектов/предприятий в глобальном мире:

а) инфраструктура деловой коммуникации (офисные помещения, ресурсы для деловой коммуникации: переговорные комнаты, конференц-залы, неформальное деловое общение: кафе, рестораны, залы собраний, деловые клубы);

б) инфраструктура для поддержания и развития технологического обеспечения мест (проектные и конструкторские бюро, научные центры при вузах и т.д.);

в) инфраструктура для поддержания территории в трендах мирового развития, включая необходимые компетенции (знание иностранного языка, культуры, правил работы рынков и т.п.) (конференц-залы, выставочные центры, библиотеки);

г) инфраструктура для обеспечения финансового сопровождения экономическоактивности (банки, кредитные организации, инвестиционные фонды и т.п., страховые и лизинговые компании).

5. Образование для превращения новых поколений в «активно действующих людей», обладающих соответствующими компетенциями и нравственными качествами, и обеспечивающее профориентацию под .сложившиеся потоки и виды деятельности, а также под новые приоритеты (дошкольное образование – детские сады, общее образование – школы, среднее профессиональное образование, высшее образование, образование для взрослых, места получения дополнительных компетенций и опыта (курсы и т.п.).

6. Здравоохранение для сокращения потерь общества от заболеваний и смертности (сеть первичного звена, специализированные центры двух уровней: больницы и узкопрофильные центры (кардио-, например), сеть поддержания здорового образа жизни (фитнес и т.п.).

7. Социальная поддержка а) тех, кто в силу врожденных особенностей обладает теми или иными ограничениями для реализации собственной активности, б) тех, кто в силу слабой подготовки или характера в какой-то момент отказался от активности (для обеспечения социальной однородности и сокращения потерь в активной части общества) (объекты, обеспечивающие социальную включенность лиц с ограниченными возможностями в повседневную жизнь, учреждения по присмотру за той категорией людей,

которая не может быть переведена в самостоятельное существование, сеть центров реабилитации разной направленности).

8. Культура для поддержания, создания и распространения необходимых норм поведения и деятельности (библиотеки, музеи, галереи, театры, концертные залы, сеть культурных событий).

9. Спорт для воспитания характера и силы духа, т.е. качеств, необходимых для активного действия.

10. Инфраструктуры социальной коммуникации для поддержания социальной консолидации в обществе в условиях разделения труда и социальной стратификации, а также обеспечения вхождения молодежи в общество и первоначального складывания ее социальных связей.

11. Окружающая среда, экология для а) вовлечения в хозяйственный оборот одичавшей природы (создание управляемости этими процессами), б) формирования уникальных естественных (естественно-искусственных) ландшафтов (море, побережье, мелиорация, водотоки и водоемы, леса, агроландшафты, чистый воздух).

12. Жилье, городская среда, обеспечивающие повседневную среду для активно действующих людей (коммунальная инфраструктура, характер жилой застройки, обустройство общих мест пользования в городе – улицы, городские площади, парки и скверы, набережные водоемов городские леса).

Очевидно, что в отличие от предыдущего направления, большинство предметных секторов, указанных в данном разделе, являются предметом работы соответствующих органов государственной и муниципальной власти и, формируемых ими секторов.

В данном случае речь должна идти о преодолении «эффекта колеи» в рамках государственного управления и институциональных, социо-культурных основ социально-экономического развития региона. Ориентация на лучшие мировые практики, внедрение их элементов в регионе может стать катализатором новых тенденций в формировании деловой практики,

привлечении новой категории резидентов и соответственно видов деятельности на фоне сохраняющегося интереса к региону как к «двери» Россия - Европа, открытой в обе стороны.

Сохранение приоритета Калининградской области как стратегического направления региональной политики Российской Федерации. Необходимость особого внимания федеральных органов власти к проблемам социально-экономического развития Калининградской области определяется важностью ее геополитического и геостратегического значения для Российской Федерации. Область играет особую роль в обеспечении национальных интересов России в Балтийском регионе и Европе, поддержании обороноспособности страны, формировании архитектуры европейской безопасности.

За последние несколько лет Правительством Российской Федерации принят ряд решений по обеспечению развития Калининградской области, в том числе в сфере дальнейшего действия режима особой экономической зоны.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые федеральными органами власти и Правительством Калининградской области меры развитие обстановки вокруг Калининградской области с учетом ее особого географического положения и стратегического значения, может свидетельствовать о наличии угроз и вызовов безопасности региона. При определенных обстоятельствах обстановка может быть дестабилизирована, что осложнит процессы экономического развития Калининградской области, окажет неблагоприятное воздействие на реализацию внутренней и внешней политики государства на территории региона.

В складывающихся условиях требуются дополнительные меры по усилению координации органов государственной власти по реализации федеральной политики в отношении Калининградской области и противодействию возможному осложнению ситуации как во

внешнеполитической, так и в социально-экономической и гуманитарной сферах.

С нашей точки зрения, основы государственной политики Российской Федерации в отношении Калининградской области могут быть закреплены либо в рамках новой редакции государственной программы Российской Федерации развития Калининградской области до 2025 г. либо в особом решении Совета Безопасности Российской Федерации. Оперативным органом координации государственной политики в отношении региона остается Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. За последние тридцать лет произошел существенный сдвиг подходов в области экономики и других социальных наук в сторону эволюционных подходов, основывающийся на «генерализованном дарвинизме». Этот подход предполагает, что ключевые принципы эволюции обеспечивают общую теоретическую рамку для понимания эволюционных процессов во всех областях.

Одной из основных концепций, широко применяемых в рамках эволюционной экономики и экономической географии, является концепция «эффекта колеи» или «зависимости от предшествующего развития» (path dependence), то есть такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности.

На данный момент целым рядом, прежде всего, зарубежных ученых сформирован комплекс теоретических положений концепции «эффекта колеи». Несмотря на то что общая методологическая и теоретическая рамка этой концепции в целом еще находится в стадии формирования, понятие «эволюционной экономической географии» с середины 2000-х гг. стало устойчивым в зарубежной науке.

2. Поскольку эволюционный подход и концепция «эффекта колеи» опираются на представления об устойчивых моделях поведения (рутинах), а также связывают их формирование и распространение с локализацией в пространстве, в последние два десятилетия концепция «эффект колеи» получила достаточно широкое распространение для решения основного

вопроса экономической географии о неоднородности распространения экономической активности в пространстве. Концепция зависимости от предшествующего развития используется для объяснения того, почему изменения идут в определенном направлении, как меняются региональные промышленные структуры или напротив, почему не удаются попытки структурных изменений.

Важной составляющей концепции «эффекта колеи» и ее применения для изучения региональных экономических систем является понятие «залипания» или «блокировки» (lock in) траектории развития: неспособность инкорпорировать радикально новые рутины приводит фирмы и территории к неизбежному повторению уже сложившейся структуры производства.

3. Развивающаяся в рамках эволюционной экономики и начинающей формироваться эволюционной экономической географии концепция «эффекта колеи» применима к изучению процессов реструктуризации региональных экономик. Однако она модифицируется в соответствии с отличиями регионального уровня исследований от локального или отраслевого, и предполагает при рассмотрении «эффекта колеи» учет не только экономических, но и всех прочих компонентов региона. Эта концепция должна учитываться при разработке стратегий регионального развития, что будет способствовать преодолению «эффекта блокировки» и созданию перспективного «пути развития» региона.

С точки зрения регионального развития важным направлением развития теории «эффекта колеи» является концепция «создания пути развития» (path creation). Здесь основной акцент делается не на признании и описании «эффекта колеи» и «эффекта блокировки» (lock in), а на создании новой траектории развития. Здесь имеются ввиду условия и факторы, при которых возникает отклонение от принятых технологических норм, общественных порядков и существующего понимания полезности.

4. Зависимость от места и зависимость от предшествующего развития тесно связаны между собой. Определенное место характеризуется определенным типом «эффекта колеи», и экономические агенты не просто находятся внутри конкретной траектории развития, но и в конкретном пространстве, которое сформировано определенным набором внешних эффектов, характеристик социальной инфраструктуры и физической инфраструктурой. Это справедливо и в отношении причин, порождающих новые траектории развития. Предложено выделить следующие факторы «эффекта колеи»:

– природная ресурсная база;

– специфика системы расселения;

– количество и качество трудовых ресурсов;

– состояние системы подготовки кадров;

– невозвратные издержки по созданию локальных активов и инфраструктуры;

– локальный эффект масштаба от отраслевой специализации;

– региональное «закрепление» технологий;

– эффект агломерации;

– региональные особенности институтов, социальные формы и культурные традиции;

– геополитическое положение (межрегиональные связи и взаимозависимость).

5. Калининградская область - хороший образец для изучения «эффекта колеи» в силу особенностей ее географического положения и экономического развития.

Выделены факторы «эффекта колеи», действовавшие на каждом этапе развития региона, а также возможные сценарии (источники) преодоления

регионального эффекта «блокировки» траектории развития для Калининградской области на современном этапе:

– появление новой технологической парадигмы изнутри региона;

– разнообразие экономических субъектов, технологий и институтов в регионе;

– перенос с другой территории;

– диверсификация в технологически смежных отраслях;

– модернизация существующей промышленности.

6. В развитии Калининградской области было три ключевых момента, когда требовалась коренная реструктуризация существовавшей на ее территории экономики.

Первый из них – 1945 г., когда почти вся прежняя экономика – и ее вещественная часть и, особенно, институты, была уничтожена. «Эффект колеи» действовал избирательно и только применительно к остававшейся инфраструктуре – транспортной, энергетической, мелиоративной.

Второй – рубеж 1991 г. и 1992 г., когда область превратилась в российский эксклав, а вскоре, в 1991 – 1998 г. производственные фонды промышленности почти полностью, сельского хозяйства – наполовину перестали существовать. И вновь прежние (социалистические) институты были уничтожены, им на смену пришли институты рыночной экономики.

Третий – 2016 г. и год – два до и после него, когда сначала ожидались, а затем и произошли важные для региона изменения в механизме Особой экономической зоны. Часть льгот, превращавших область в подобие свободной таможенной зоны, на основании которых работали многие промышленные предприятия (с частичным импортозамещением) была отменена. Основная часть таких предприятий должна была обанкротиться, что было бы правильно с позиций рыночной экономики, но привело бы к возникновению социальной напряженности из-за массового увольнения

работников. Как и в первых двух случаях, был бы расчищен путь для развития экономики региона по новому пути. Однако этого не произошло, потому что эти предприятия получили многомиллиардные субсидии на покрытие издержек, возникших из-за отмены прежнего механизма их поддержки. «Эффект колеи» продолжил свое негативное действие, препятствуя так необходимой региону реструктуризации промышленности.

7. В попытке смягчить действие «эффекта колеи» и поддержать развитие новых производств в декабре 2017 г. принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области». Среди предоставляемых законом льгот следующие:

– продление функционирования ОЭЗ до 31 декабря 2045 г.;

– в дополнению к действующим налоговым льготам для резидентов ОЭЗ[2006],[2] льготы при реализации инвестиционных проектов стоимостью не менее 10 млн рублей в области здравоохранения, в области информационных технологий, научных исследований и разработок не менее 1 млн рублей (ставка по налогу на прибыль 0 % в течение шести налоговых периодов, начиная с налогового периода, в котором получена первая прибыль; в течение следующих шести периодов ставка 10 %);

---

[2] Закон об ОЭЗ 2006 г., действие которого продлено, предоставляет налоговые льготы резидентам ОЭЗ, реализующих инвестиционные проекты с объемом капиталовложений не менее 150 млн рулей (в течение не более трех лет), и льготы не предоставляются на следующие цели: добыча нефти и газа, производство подакцизных товаров (за исключением легковых автомобилей и мотоциклов), торговля, ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования, финансовая деятельность. Для проектов в области туристско-рекреационной деятельности, по созданию обрабатывающих производств, в сфере рыболовства, рыбоводства, сельского хозяйства объем капиталовложений должен быть не менее 50 млн рублей.

– продление до 1 января 2031 г. государственной поддержки резидентов ОЭЗ на создание и содержание рабочих мест, импортозамещение и локализацию сборочного производства, а также на улучшение экономических и социальных условий проживания в Калининградской области;

– упрощенный въезд на территорию области и выезд, особенности пребывания на иностранных граждан и лиц без гражданства. С 1 июля 2019 г. оформление иностранным гражданам виз в форме электронного документа;

– пониженные тарифы страховых взносов для организаций, получивших статус резидента ОЭЗ в Калининградской области, при условии создания ими новых рабочих мест.

Наряду с новым законом и Федеральной целевой программой развития Калининградской области на период до 2020 г., необходимо преобразование институциональной и административной среды, а также инфраструктуры для ведения бизнеса и проживания. Кроме того, необходима эффективная поддержка и развитие как существующих предприятий, обладающих потенциалом (пищевая переработка, прибрежный лов, судостроение), так и создание предприятий, направленных на импортозамещение (химия, электрооборудование, машиностроение) и экспорт с учетом механизмов преодоления «эффекта колеи».

Именно комплекс мер будет содействовать преодолению «эффекта колеи», формированию передовой структуры экономики региона и ее динамичному развитию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 05.12.2017 г. № 393-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 30.03.2016 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части завершения действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории Особой экономической зоны в Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон РФ от 14.12.2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

5. Федеральный закон от 22.01.1996 г. № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

6. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

7. Указ Президента Российской Федерации от 7.12.1993 г. № 2117 «О Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 1275 «О предоставлении из федерального бюджета бюджету Калининградской области иных межбюджетных трансфертов на обеспечение поддержки юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 311 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.06.2014 г. № 526 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2001 г. № 866» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.09.1997 г. № 1259 «О Федеральной целевой программе развития Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998-2005 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

12. Постановление Совета Министров РСФСР от 25.09.1991 г. № 497 «Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь»)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.03.2013 г. № 461-р «Об утверждении государственной программы

Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

15. Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР «О хозяйственном статусе свободной экономической зоны в Калининградской области» от 03.06.1991 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

16. Постановление Правительства Калининградской области от 16.02.2016 г. № 83 «Об установлении порядка и условий предоставления субсидий из областного бюджета на поддержку юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

17. Постановление Правительства Калининградской области от 02.08.2012 г. № 583 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс.

18. Агафонов, Н. Т. Территориально-производственное комплексообразование в условиях развитого социализма [Текст] / Н. Т. Агафонов; АН СССР, Геогр. о-во СССР. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1983. – 188 с.

19. Агафонов, Н. Т. Региональная экономико-демографическая обстановка: Основные положения концепции / Н. Т. Агафонов // Социальная

география Калининградской области / Н. Т. Агафонов [и др.] ; под ред. Н. Т. Агафонова. - Калининград, 1982. - С. 25-42.

20. Алиханов назвал 3 сферы экономики будущего Калининградской области // Новый Калининград [Электронный ресурс] https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/15070526-alikhanov-nazval-3-sfery-ekonomiki-budushchego-kaliningradskoy-oblasti.html (Дата обращения 1.11.2017).

21. Артоболевский, С. С. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения / С. С. Артоболевский [и др.] // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2009. - № 3. – С. 8-17.

22. Артур, У. Б. Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления / У. Б. Артур // Terra economicus. - 2015. - Том 13, № 2. - С. 15-37.

23. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез / А. А. Аузан // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. - 2015. - № 1. - С. 3–17.

24. Бабурин, В. Л. Двупространственная модель территориальной организации общества / В. Л. Бабурин // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. - 2011. - № 1. - С. 3-8.

25. Бабурин, В. Л. Географические аспекты современных экономических проблем России / В. Л. Бабурин // Региональные исследования. – 2011. - № 2 (32). - С. 49-55.

26. Бабурин, В. Л. Развитие территориальных природно-хозяйственных систем как основы экономики / В. Л. Бабурин // Вестник Московского Университета. Сер. 5. География. - 2012. - № 5. – С. 5-12.

27. Бакланов, П. Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства / П. Я. Бакланов // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2013. – № 5. – С. 7–18.

28. Бакланов, П. Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем / П. Я. Бакланов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2013. – № 6. – С. 3–8.

29. Бакланов, П. Я. Территориальные социально-экономические структуры и системы – основной объект современной социально-экономической географии / П. Я. Бакланов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 162–165.

30. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П. Я. Бакланов. – М.: Наука, 2007. – 239 с.

31. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства и экономическое районирование / П. Я. Бакланов // Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А. И. Шкириной и В. Е. Шувалова. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. – С. 9–28.

32. Баранский, Н. Н. Избранные труды. Научные проблемы географии / Н. Н. Баранский. - М.: Мысль, 1980. – 239 с.

33. Баранский, Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии / Н. Н. Баранский. - М.: Мысль, 1980. – 287 с.

34. Баранский, Н. Н. Экономическая география СССР: обзор по областям Госплана / Н. Н. Баранский. - М.; Л.: Гиз, 1926. – 276 с.

35. Берман, И. Экологическое регулирование и производительность: доказательства нефтеперерабатывающих заводов / И. Берман, Л. Буй // Обзор экономики и статистики, август 2001. [Электронный ресурс] http://ru.knowledgr.com/10199103/ (Дата обращения 15. 02.2017).

36. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем: Сборник

переводов / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. - М.: Прогресс, 1969. - С. 23-82.

37. Бильчак, В. С. Региональная экономика / В. С. Бильчак, В. Ф. Захаров. - Калининград: Из-во Янтарный сказ, 1998. – 314 с.

38. Бирковский, В. Г. История нашего края / В. Г. Бирковский, В. С. Исупов, И. А. Фарутин. – Калининград, 1990. – 96 с.

39. Вампилова, Л. Б. Опыт историко-географического районирования территории России / Л. Б. Вампилова, А. Г. Манаков // Известия Русского географического общества. – 2013. – Т. 145. - № 2. – С. 25-36.

40. Веблен, Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? / Т. Веблен // Terra Economicus. - 2006. - Т. 4. - № 2. - С. 99-111.

41. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. - Прогресс; Москва, 1984. – 336 с.

42. Виноградский, В. Г. Социальная организация пространства: философско-социологический анализ / В. Г. Виноградский ; отв. ред. : Я. Ф. Аскин ; АН СССР, Ин-т соц.-эконом. Проблем развития аграрно-промышленного комплекса. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

43. Волошенко, К. Ю. Балансовая модель управления региональным развитием: возможности для специфических территориальных условий / К. Ю. Волошенко, А. Л. Кузнецова // Региональные исследования. - 2014. - № 3. - С. 126–135.

44. Волошенко, К. Ю. Опыт разработки и применения балансовой модели управления региональным развитием в специфических территориальных условиях / К. Ю. Волошенко, А. Л. Кузнецова // Балтийский регион. - 2014. - № 3 (21). - С. 7–26.

45. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны / под ред. Г. В. Кретинина - Калининград: Кн. Изд-во, 1996. – 538 с.

46. Гареев, Т. Р. Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты «переходного периода» Особой экономической зоны / Т. Р. Гареев, Н. А. Елисеева. // Балтийский регион. - 2014. - № 1 (19). - С. 72-90.

47. Гареев, Т. Р. Новая экономика Калининградской области / Т. Р. Гареев, В. П. Жданов, Г. М. Федоров // Вопросы экономики. - 2005. - № 2. - С. 23–29.

48. Гимбицкий, К. К. Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации / К. К. Гимбицкий, А. Л. Кузнецова, Г. М. Федоров // Балтийский регион. - 2014. - № 1 (19). - С. 56–71.

49. Гранберг, А. Г. Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира / А. Г. Гранберг [и др.] // Региональное развитие и сотрудничество. – 1998. - № 1 – 2 - С. 4 – 23.

50. Демографический ежегодник Калининградской области. - Калининград: Калининградстат, 2017. – 131 с.

51. Земцов, С. П. Нужна ли география инноваций в России как научная и учебная дисциплина? / С. П. Земцов, В. Л. Бабурин // Региональные исследования. – 2017. - № 2 (56) - С. 114-123.

52. Ивченко, В. В. Программно-стратегическое развитие приморского региона России. Теория, методология, практика / В. В. Ивченко. - Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003. – 207 с.

53. История сельского хозяйства Калининградской области / Отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. - Калининград: Мин-во сельского х-ва и рыболовства Калининградской области, 2006. – 464 с.

54. Калининградская область в девятой пятилетке: Стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Калинингр. обл. - Калининград: Кн. Изд-во, 1976. – 135 с.

55. Калининградская область в десятой пятилетке / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Калинингр. обл. - Калининград: Кн. Изд-во, 1981. – 135 с.

56. Калининград 2000 - 2010: Диагностика, концепции и предложения по будущему развитию / под ред. И. Самсона. Ун-т Пьера Мендеса Франса. - Гренобль, 2000. – 343 с.

57. Калининградская область: диагностика кризиса / Под ред. И. Самсона. - Калининград: TACIS – КГУ, 1998. – 300 с.

58. Кастальди, К. Тиски истории и возможности для новизны: некоторые результаты и открытые вопросы, связанные с зависимостью от предшествующей траектории развития в экономических процессах / К. Кастальди, Дж. Доси // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Том 3. - № 2. – С. 18-48.

59. Клемешев, А. П. История Западной России. Калининградская область: история края. 1991-1996 годы. Политическое и социально-экономическое развитие региона / А. П. Клемешев, Г. М. Федоров, Ю. М. Зверев. - Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2006. – 120 с.

60. Колосов, В. А. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства (к 25-летию кафедры географии мирового хозяйства) / В. А. Колосов [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2016. – № 1. – С. 3-12.

61. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. - М., 1958. – 200 с.

62. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. - М., 1969. – 336 с.

63. Кузнецова, А. Л. О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики в Калининградской области / А. Л. Кузнецова // Балтийский регион. - 2015. - № 3 (25). - С. 108–125. (Kuznetsova, A. Towards a Stable and Dynamic Economy in the Kaliningrad Region // Balt. Reg. - 2015. - № 3. - P. 83-95. doi: 10.5922/2079-8555-2015-3-7).

64. Кузнецова, А. Л. О специфике обеспечения устойчивого развития эксклавного региона России / А. Л. Кузнецова // Прибалтийские

исследования в России. Материалы Международной научной конференции / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. - 2016. - С. 44-48.

65. Кузнецова, А. Л. Эффект колеи и новый путь развития Калининградской области / А. Л. Кузнецова // Российская Балтика и Балтийский регион. Монография / под научной ред. В. М. Разумовского. - СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. - С. 200–226.

66. Лачининский, С. С. Современные направления геоэкономических исследований в России / С. С. Лачининский // Известия Рус. географич. общ-ва. – 2011. - вып. 1. - С. 18-27.

67. Лачининский, С. С. Эволюция экономического пространства России в начале XXI века: геоэкономический подход / С. С. Лачининский // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2012. - № 1 (1) - С. 258-268.

68. Левченков, А. В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) / А. В. Левченков // Региональные исследования. – 2007. - № 4 (10). - С. 77-86.

69. Летопись Калининградской области: в 2-х т. / сост. С. П. Гальцова, И. А. Гордеев, Л. А. Ефремов [и др.] ; Ком. по делам архивов Администрации Калининградской области [и др.] – Калининград: Изд-во ИП Мишуткина И.В., 2005. – Т. 1: 1945-1976. – 592 с.

70. Летопись Калининградской области: в 2-х т. / сост. С. П. Гальцова [и др.]. – Калининград: Изд-во ИП Мишуткина И. В., 2005. – Т. 2: 1977-2005. – 704 с.

71. Мальцев, А. А. Реструктуризация старопромышленных регионов Европы: опыт и проблемы / А. А. Мальцев, А. Э. Мордвинова // Управленец. – 2016. - № 3 (61) - С. 8–13.

72. Манаков, А. Г. Новый подход к культурно-географическому районированию России / А. Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2014. - № 20. – С. 106-120.

73. Манаков, А. Г. «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России / А. Г. Манаков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: естественные и физико-математические науки. – 2012. – № 1. – С. 84-90.

74. Манаков, А. Г. Подходы к историко-географическому районированию Северо-Западной России в физической и культурной географии / А. Г. Манаков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: естественный и физико-математические науки. – 2013. - № 3. – С. 64-77.

75. Маршалл, А. Принципы экономической науки. В 3-х томах / А. Маршалл. - М.: Прогресс, 1993. - Т. 1. 414 с., Т. 2. 309 с., Т. 3. 350 с.

76. Маточкин, Ю. С. На изломе/ Ю. С. Маточкин. - Калининград: Янтарный сказ, 1999. -238 с.

77. Министерство по промышленной политике, развитию предпринимательства торговли Калининградской области [Электронный ресурс] http://minprom.gov39.ru/oez/index2.php (Дата обращения 10.11.2017).

78. Моделирование региональной системы долгосрочной устойчивости Калининградской области: монография / под ред. К. Ю. Волошенко [и др.] – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2015. – 138 с.

79. Мэддисон, Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон. Пер. с англ. - М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 584 с.

80. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. - М.: Дело, 2002. – 536 с.

81. Нуреев, Р. М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития): монография

/ Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 294 с.

82. Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретини [и др.] - Калининград: Янтарный сказ, 2002. – 534 с.

83. Пилясов, А. Н. Как использовать идеи Н. Н. Колосовского для нового экономического районирования постиндустриальной России? / А. Н. Пилясов // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 4-8 мая 2010 г. - Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. - С. 67-72.

84. Пилясов, А. Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы, и применимость моделей / А. Н. Пилясов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2011. - № 4. – С. 7-17.

85. Пилясов, А. Н. Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики / А. Н. Пилясов // Современные производительные силою – 2014. - № 1. – С. 22-37.

86. Пилясов, А. Н. Развитие региональной науки и вызовы перед российским сообществом экономико-географов и региональных экономистов / А. Н. Пилясов // Региональные исследования. - 2010. - № 3. - С. 16-41.

87. Полтерович, В. М. Ловушка отсталости: Россия имеет шансы выйти из нее / В. М. Полтерович // Прямые инвестиции. – 2009. - № 5 (85). - С. 8–11.

88. Природные условия и ресурсы: рациональное использование и охрана. Монография / под ред. Г. М. Федорова. - Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – 224 с.

89. Пробст, А. Е. Проблемы размещения социалистической промышленности / А. Е. Пробст. – М.: Экономика, 1982. – 215 с.

90. Пробст, А. Е. Эффективность территориальной организации производства: методологические очерки / А. Е. Пробст. - Мысль, 1965. – 206 с.

91. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. - М.: Росстат., 2016. – 1326 с.

92. Социально-экономическая география в России / под общей редакцией П. Я. Бакланова и В. Е. Шувалова. Русское географическое общество. - Владивосток: Дальнаука, 2016. – 326 с.

93. Социально-экономическая география: традиции и современность / А. А. Анохин [и др.] // Вестник СПбГУ. - Сер. 7. - 2015. - Вып. 1. - С. 75-85.

94. Стратегии развития Калининградской области / под ред. А. П. Клемешева, В. А. Мау. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. – 472 с.

95. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / ред. и сост. А. Г. Дружинин и В. Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 166 с.

96. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/ (Дата обращения 01.09.2017).

97. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/ (дата обращения 10.01.2018).

98. Федоров, Г. М. Калининградские альтернативы / Г. М. Федоров, Ю. М. Зверев. - Изд-во Калинингр. ун-та, 1995. – 158 с.

99. Федоров, Г. М. Население Калининградской области / Г. М. Федоров. - Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2001. – 110 с.

100. Федоров, Г. М. Социально-экономическое и геополитическое развитие Калининградской области / Г. М. Федоров, Ю. М. Зверев. - Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.

101. Фетисов, А. С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному

страноведению / под ред. А. С. Фетисова, И. С. Ивановой, И. М. Кузиной ; МГУ им. М. В. Ломоносова // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. - Смоленск, 2011. - С. 83-94.

102. Фондовые материалы Калининградстата, 2017 г.

103. Фондовые материалы Минэкономики Калининградской области, 2016 г.

104. Хлопецкий, А. П. Калининградская область: регион сотрудничества / А. П. Хлопецкий, Г. М. Федоров. - Калининград: Янтар. сказ, 2000. – 730 с.

105. Ходжсон, Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2008. - № 8. - С. 45-61.

106. Ходжсон, Д. Эволюционная и институциональная экономика как новый мейнстрим? / Д. Ходжсон // Terra Economicus. - 2008. - Т. 6. - № 2. - С. 8-21.

107. Шарыгин, М. Д. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним / М. Д. Шарыгин, Л. Б. Чупина // Географический вестник. – 2013. – № 2. – С. 4–8.

108. Шарыгин, М. Д. Понятие территориальной организации в современной социально-экономической географии / М. Д. Шарыгин, В. А. Столбов // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика / под ред. А. Г. Дружинина, Г. М. Федорова, В. Е. Шувалова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 46–50.

109. Ширяев, И. М. Зависимость от предшествующего пути развития и создание пути развития как важнейшие концепции в эволюционной экономике / И. М. Ширяев // Journal of Economic Regulation. - 2013. - Т. 4. - № 3. - С. 103-112.

110. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития/ Й. А. Шумпетер. - М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

111. Шупер, В. А. Территориальная самоорганизация общество как область исследований и учебная дисциплина / В. А. Шупер // Региональные исследования. – 2014. - № 4. – С. 40-48.

112. Abernathy, W. Patterns of Industrial Innovtion / W. Abernathy, J. Utterback // Technology Review. – 1978. - № 80 (7). - P. 40-47.

113. Alchian, A. A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory / A. A. Alchian // Journal of Political Economy. – 1950. - Vol. 58. - № 3 - P. 211-221.

114. Amin, A. Moving on: Institutionalism in Economic Geography / A. Amin // Environment and Planning A / Sage Journal. Vol. 33, 2001. P. 1237–1241. [Электронный ресурс] http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1068/a34108 (Дата обращения 17.07.2017).

115. Arthur, W. B. Competing Technologies, Increasing Returns and Lock-in by Historical Event / W. B. Arthur // Economic Journal. – 1989. - № 97 – P. 642-665.

116. Arthur, W. B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy / W. B. Arthur. - Michigan: Michigan University Press, 1994. – 224 p.

117. Barnes, D. Research methods for the empirical investigation of the process of formation of operations strategy / D. Barnes // International Journal of Operations & Production Management. – 2001. - Vol. 21. - Issue: 8. - P. 1076-1095.

118. Bathlet, H. Toward a Reconceptualization of Regional Development Paths: Is Leipzigs Media Cluster a Continuation of or a Rupture with the Past? / H. Bathlet, J. Boggs // Economic Geography. – 2003. - № 79 (3). - P. 265-293.

119. Bathlet, H. Regional Competence and economic recovery: divergent growth paths in Bostons high technology economy / H. Bathlet // Entrepreneurship and Regional Development. – 2001. - № 13 (4) - P. 287-314.

120. Boschma, R. A. Evolutionary Economics and Economic Geography / R. A. Boschma, J. G. Lambooy // Journal of Evolutionary Economics. – 1999. - № 9 (4). - P. 411-429.

121. Boschma, R. A. New Technology and Windows of Locational Opportunity / R. A. Boschma, B. van der Knaap // Economics and Evolution / J. Reijnders (ed.) - Chaltenham: Edward Elgar, 1997. - P. 171-202.

122. Boschma, R. Path creation, path dependence and regional development / Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies / R. Boschma // Working Paper Series, No. 197. / J. Simmie and J. Carpenter (eds.). - Oxford: Oxford Brookes University, 2007. - P. 40-55.

123. Boschma, R. A. Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography / R. A. Boschma, K. Koen Frenken // Journal of Economic Geograpy. - 2006. - № 6. – P. 273-302.

124. Braczyk, H.-J. Regional Innovation Systems / H.-J. Braczyk, P. Cooke, M. Heidenreich. - London: UCL Press, 1998. – 442 p.

125. Bresci, S., Lissoni F. Knowledge spillovers and local innovation systems: a critical survey [Электронный ресурс]. Liuc Papers № 84, Serie Economia e Impresa, 27, marzo 2001. URL: http://www.biblio.liuc.it/liucpap/pdf/84.pdf (Дата обращения 10. 04. 2017).

126. Castaldi, C. The Grip of History and the Scope for Novelty: Some Results and Open Questions on Path Dependence in Economic Processes / C. Castaldi, G. Dosi // Understanding Change. Models, Methodologies, and Metaphors / A. Wimmer and R. Kössler (eds.). - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. - P. 99-128.

127. Cohen, W. M., Innovation and Learning: The Two Faces of R&D / W. M. Cohen, D. A. Levinthal // Economic Journal. – 1999. - № 99. – P. 569-596.

128. Cooke, P. The Associational Economy. Firms, Regions and Innovation / P. Cooke, K. Morgan. - Oxford: Oxford University Press, 1998. – 247 p.

129. David, P. A. Clio and the Economics of QWERTY / P. A. David // American Economic Review. - 1985. - Vol. 75. - № 2. - P. 332-337.

130. David, P. A. Path dependence: a foundational concept for historical social science / P. A. David // Cliometrica. - 2007. - Vol. 1. - № 2. – P. 91-114.

131. David, P. A. Path Dependence, its Critics, and the Quest for ‘Historical Economics / P. A. David // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present / eds. P. Garrouste and S. Ioannides. - Cheltenham, Glos., UK: Edward Elgar, 2001. – 247 p.

132. David, P. A. Why Are Institutions the “Carries of History”? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organisations and Institutions / P. A. David // Structural Change and Economic Dynamics. – 1994. - № 5 (2). – P. 205-220.

133. Dosi, G. Technical Change and Industrial Dynamics as Evolutionary Processes / G. Dosi, R. R. Nelson // Handbook of the Economics of Innovation / B. H Hall and N. Rosenberg (eds.). - Cheltenham: Edward Elgar, 2010. – P. 51-128.

134. Dosi, G. Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation / G. Dosi // Research Policy. - 1982. – № 1 (11). - P. 47–62.

135. Dosi, G. The process of economic development: introducing some stylized facts and theories on technologies, firms and institutions / G. Dosi, C. Freeman, S. Fabiani // Industrial and Corporate Change. - 1994. - № 1 (1). - P. 1–45.

136. Embedded Firm: On The Socio-Economics of Industrial Networks, The / Ed. by G. Grabher - London: Routledge, 1993. – 306 p.

137. Essletzbichler, J. Competition, Variety and the Geography of Technology Evolution / J. Essletzbichler, D. Rigby // Tijdschrift voor Econimische en Sociale Geografie. - 2004. - № 96, 1. – P. 48-62.

138. Essletzbichler, J. Exploring evolutionary economic geographies / J. Essletzbichler, D. Rigby // Journal of Economic Geography. - 2007. - № 7 (5) – P. 549-571.

139. Eurostat [Электронный ресурс] http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (Дата обращения 1.09.2017).

140. Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan / C. Freeman. - Frances Printer Publishers, London, NewYork, 1987. – 155 p.

141. Frenken, K. A Theoretical framework for economic geography: industrial dynamics and urban growth as a branching process / K. Frenken, R. A. Boschma // Journal of Economic Geography. - 2007. - № 7 (5). - P. 635-649.

142. Gareev, T. The early evolution of the Special economic zone in Kaliningrad oblast / T. Gareev // Crisis Management Challenges in Kaliningrad. - Farnham: Taylor & Francis Ltd. - 2014. - P. 19–53.

143. Gareev, T. The Special economic zone in the Kaliningrad region: development tool or institutional trap? / T. Gareev // Baltic Journal of Economics. - 2013. - № 2. – P. 113-130.

144. Gertler, M. S. Tacit Knowledge and the Economic Geography of Context, or the Undefinable Tacitness of Being (there) / M. S. Gertler // Journal of Economic Gography. – 2003. - № 3.- P. 75-99.

145. Gowdy, J. M. Coevolutionary Economics: The Economy, Societyand the Environment / J. M. Gowdy. - Kluwer Academic Publishers, Boston, 1994. – 246 p.

146. Grabher, G. Organizing Diversity: Evolutionary Theory, Network Analyses and Post-Socialism / G. Grabher, D. Stark // Regional Studies. – 1997. - № 31. - P. 533-544.

147. Grabher, G. The weakness of strong ties: the lock-in of regional development in the Ruhr Area / G. Grabher // The embedded firm: on the socio-economics of industrial networks / ed. by G. Grabher. - London: Routledge, 1993. – P 255–277.

148. Griliches, Z. An Exploration in the Economics of Technological Change / Z. Griliches // Econometrica. – 1957. - Vol. 25. - № 4. – P. 501-522.

149. Hassink, R. How to Unlock Regional Economies from Path Dependency? From Learning Region to Learning Cluster / R. Hassink // European Planning Studies. – 2005. - № 4 (13). - P. 521-535.

150. Henning, M. Path Dependence Research in Regional Economic Development: Cacophony or Knowledge Accumulation? / M. Henning, E. Stam, R. Wenting // Regional Studies. - 2013. - № 47 (8). - P. 1348-1362.

151. Jaffe, A. B. Geographic localization of knowledge spillovers as evidenced by patent citations / A. B. Jaffe, M. Trajtenberg, R. Henderson // Quarterly Journal of Economics. – 1993. - № 108 (3). - P. 577-598.

152. Johnson, B. Economic Development and the National System of Innovation Approach [Электронный ресурс] / B. Johnson, C. Edquist, B.-A. Lundvall // First Globelics Conference, Rio de Janeiro November 3–6, 2003. URL: http://smartech.gatech.edu/jspui/bitstream/1853/43154/1/BengtAkeLundvall_2.pdf. (Дата обращения 10.04. 2017).

153. Klepper, S. Experimental Kapitalism. The Nanoeconomics of American High-Tech Industries / S. Klepper. Edited by S. Braguinsky. - D. A. Hounshell & J. H. Miller. Princeton University Press, 2015. – 280 p.

154. Klepper, S. Innovation and industry shakeouts / S. Klepper, K. L. Simons, // Business and Economic History. – 1996. - № 25 (1). - P. 81–89.

155. Klepper, S. Industry Life-Cycles / S. Klepper // Industrial and Corporate Change. – 1997. - № 6 (1). – P. 145-182.

156. Klepper, S. The Evolution of New Industries and the Determinants of Market Structure / S. Klepper, E. Greddy // Journal of Economics. – 1990. - № 21. – P. 27 – 44.

157. Kogler, D. The Evolution of Specialization in the EU15 Knowledge Space / D. Kogler, J. Essletzbichler, D. L. Rigby // Journal of Economic Geography. – 2017 - Vol. 17. - Issue 2. – P. 345–373.

158. Lawson, C. Towards a competence theory of the region / C. Lawson // Cambridge Journal of Economics. – 1999. - № 23. - P. 151-166.

159. Lundvall, B.-A. National Innovation Systems – Analytical Concept and Development Tool / B.-A. Lundvall // Industry and Innovation. – 2007. - Vol. 14. - № 1. - P. 95–119.

160. Maddison, A. The World Economy: Historical Statistics / A. Maddison. -OECD Publishing, 2003. – 274 p.

161. Margolis, S. E. Path Dependence / S. E. Margolis, S. J. Liebowitz // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law / ed. by P. Newman. - L., 1998. – 2115 p.

162. Margolis, S. E. Path Dependence, Lock-In and History / S. E. Margolis, S. J. Liebowitz // Journal of Law, Economics and Organization. – 1995. – Vol. 11. - № 1. - P. 205-226.

163. Martin, R. Path dependence and regional economic evolution / R. Martin, P. Sunley // Journal of Economic Geography. -2006. - № 6. – P. 395-437.

164. Martin, R. Towards a Developmental Turn in Evolutionary Economic Geography / R. Martin, P. Sunley // Regional Studies. - 2014. - № 49. - P. 712-732.

165. Martin, R. L. The ‘New Geographical Turn’ in Economics: Some Critical Reflections / R. L. Martin // Cambridge Journal of Economics. – 1999. - Vol. 23. - № 1. - P. 65-91.

166. Maskell, P. Localised Learning and Industrial Competitiveness / P. Maskell, A. Malmberg // Cambridge Journal of Economics. – 1999. - № 23 (2). - P. 167-186.

167. Meyer-Stamer, J. Technology, Competitiveness and Radical Policy Change: The Case of Brazil / J. Meyer-Stamer. - Frank Cass, London, 1997. – 352 p.

168. National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / Lundvall B.-A. (ed.). - L.: Pinter Publisher, 1992. – 317 p.

169. Nelson, R. R. An Evolutionary Theory of Economic Change / R. R. Nelson, S. G. Winter. - Cambridge, MA, Belknap of Harvard University Press, 1982. – 454 p.

170. Nelson, R. R. Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change / R. R. Nelson // Journal of Economic Literature. -1995. - № 33 (1). – P. 48–90.

171. Nelson, R. R. The Agenda for Growth Theory: A Different Point of View / R. R. Nelson // Cambridge Journal of Economics. – 1998. – Vol. 22 (4) – P. 497-520.

172. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. - Cambridge, Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

173. Romer, P. M. Human capital and growth*:* Theory and evidence / P. M. Romer // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. – Elsevier, 1990. - vol. 32 (1). - P. 251-286.

174. Sahal, D. Patterns of Technological Innovation / D. Sahal. - Addison Wesley., Reading WA, 1981. – 381 p.

175. Silverberg, G. Evolutionary theorizing on economic grows / G. Silverberg, B. Verspagen // The Evolutionary Foundations of Economics / K. Dopfer (Ed.). - Cambridge: Cambridge University Press, 2006. - P. 536–539.

176. Small Countries Facing the Technological Revolution / C. Freeman, B.-A. Lundvall (eds.). - London: Pinter Publishers, 1988. – 303 p.

177. Stack, M. Path creation, Path dependency and Alternative Theories of the Firm / M. Stack, M. P. Gartland // Journal of Economic Issues. - 2016. - vol. 37. - № 2. - P. 487-494.

178. Storper, M. The Capitalist Imperative: Territory, Technology, and Industrial Grows / M. Storper, R. Walker. - Oxford, UK: Basil Blackwell, 1989. – 292 p.

179. Storper, M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy / M. Storper. - Gulleford Press, 1997. – 338 p.

180. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations/ C. Edquist (Ed.), Cassell Academic. - London: Pinter Publishers, 1997. – 432 p.

181. Teece, D. J. Profiting from technological innovation: Implications for integration, collaboration, licensing and public policy / D. J. Teece // Research policy. – 1986 - № 15 (6). - P. 285-305.

182. The Handbook of Evolutionary Economic Geography / edited by R. Boschma and R. Martin. - Chichester: Edward Elgar, 2010. – 570 p.

183. Utterback, J. M. A Dynamic Model of Process and Product Innovation / J. M. Utterback, W. J. Abernathy // Omega. - 1975. - № 3. - P. 639-656.

184. Utterback, J. M. Innovation, competition, and industry structure / J. M. Utterback, F. F. Suarez // Research Policy. – 1993. - vol. 22. - issue 1. - P. 1-21.

185. Winter, S. G. Modeling Industrial Dynamics with Innovative Entrants / S. G. Winter, Y. Kaniovski, G. Dosi // Structural Change and Economic Dynamics. - 2000. - № 1 (11). - P. 255–293.

186. Winter, S. G. Replication as Strategy / S. G. Winter, G. Szulanski // Organization Science. – 2001. - № 12. - P. 730-743.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение А

Экспериментальная оценка модели товарных потоков эксклавного региона

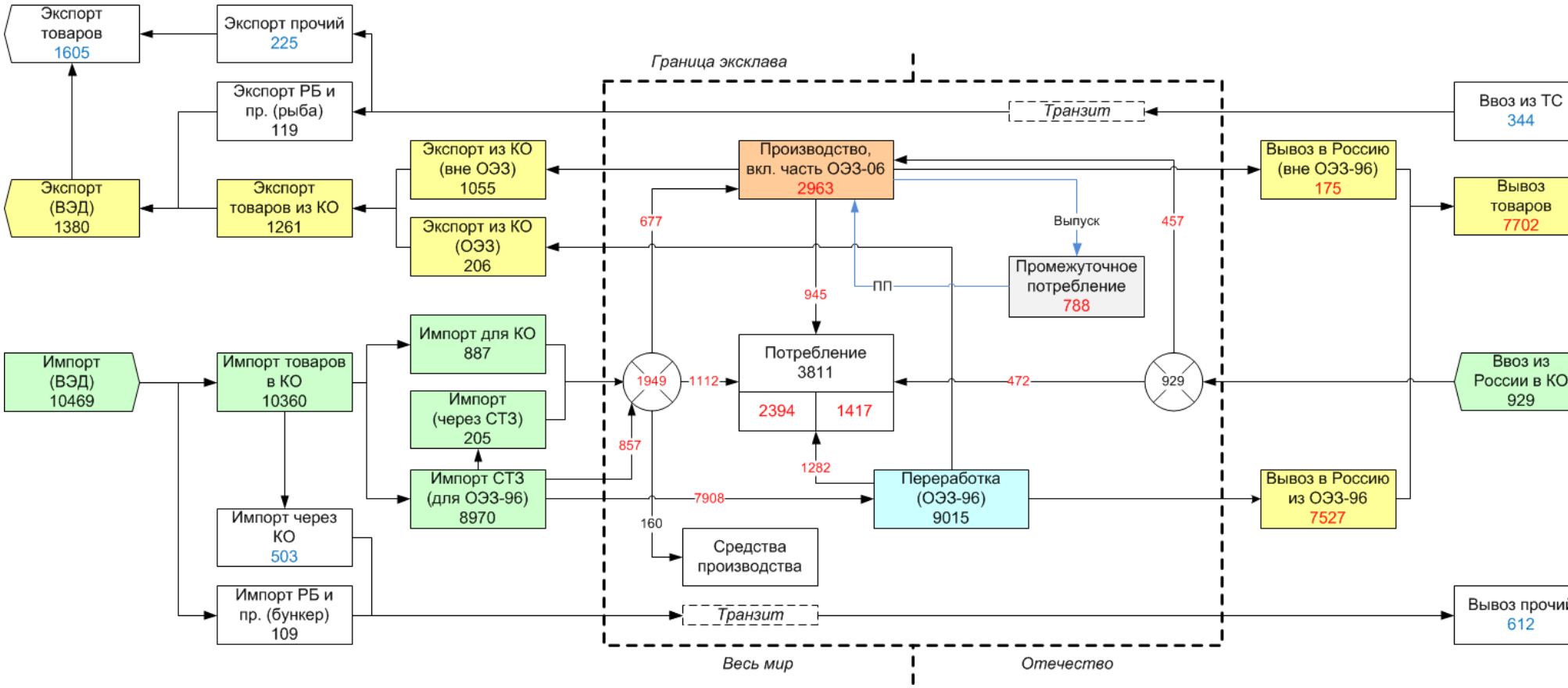

Рисунок А.1 - Экспериментальная оценка модели товарных потоков эксклавного региона, 2011 г., в млн долл. США

Источник: [78, с. 46]

Приложение Б

Принципиальная схема изъятия ренты
«переходного периода» Особой экономической зоны
в Калининградской области

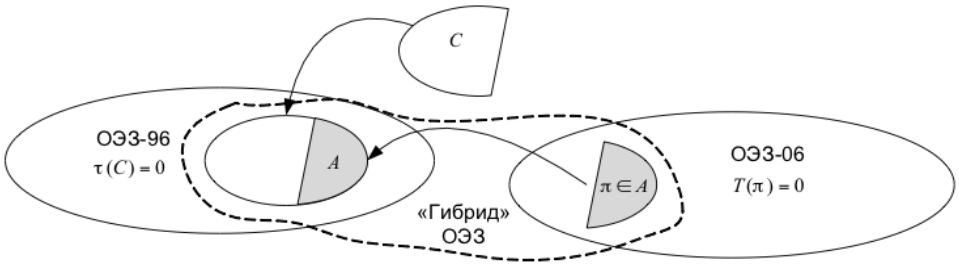

Рисунок Б.1 -Принципиальная схема изъятия ренты «переходного периода» ОЭЗ[1996]

Примечание - На схеме используются следующие обозначения: C — стоимость импорта; A — адвалорная доля; τ — таможенная пошлина; T — налог на прибыль; прибыль π .

Источник: [78, с. 47]

Приложение В

Схема эволюции режима Особой экономической зоны
в Калининградской области

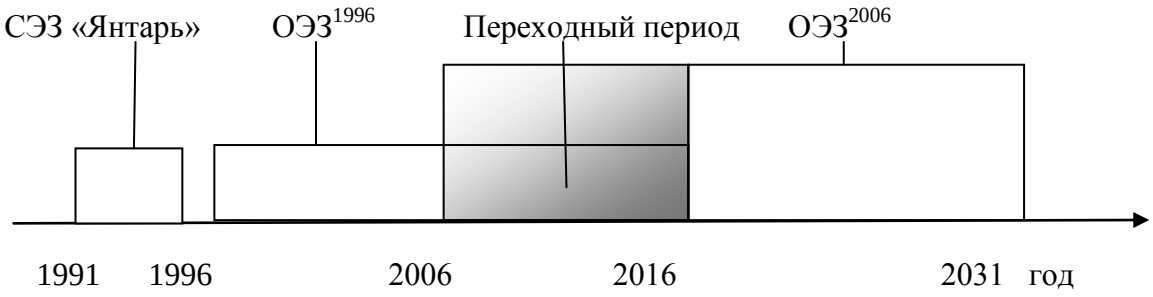

Рисунок В.1 - Схема эволюции режима Особой экономической зоны
в Калининградской области (по состоянию на 2016 г.)

Источник: [143]